Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия

РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ИРИ

РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия

Материалы конференции, посвященной 400-летию Деулинского перемирия

Москва, 11 декабря 2018 г.

Москва
2018

УДК 94(47)»1618»(06)
ББК 63.3(2)43я4
Д38

Д38 **Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия.** Материалы конференции, посвященной 400-летию Деулинского перемирия (Москва, 11 декабря 2018 г.) / под ред. К.А. Аверьянова ; Рос. военно-историч. общ-во, Ин-т рос. истории РАН . — М. , 2018. — 142 с.

ISBN 978-5-8055-0267-6

Одной из самых важных эпох отечественной истории, когда решалась судьба Российского государства, стало Смутное время начала XVII в. Оно продолжалось, по оценке современников, 14 лет и завершилось заключением Деулинского перемирия 1618 г. Последний период этого времени вместил в себя целый ряд событий, не менее важных, чем воцарение династии Романовых в 1613 г., которым некоторые исследователи заканчивают изложение событий Смуты.

Для историков и всех интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)»1618»(06)
ББК 63.3(2)43я4

На первой странице обложки: храм Нерукотворного Спаса в селе Деулино; на четвертой странице обложки: карта «Территориальные изменения по Деулинскому перемирию 1618 г.» (автор — к.и.н. С.А. Ромашов).

ISBN 978-5-8055-0267-6
© Институт российской истории РАН, 2018
© Российское военно-историческое общество, 2018

Содержание

Аверьянов К.А. Деулинское перемирие 1618 г. в историческом контексте 5

Сизов В.А. Вязёмы во время похода королевича Владислава на Москву 16

Рабинович Я.Н. К вопросу о передаче русских городов польской стороне в 1619 г. по условиям Деулинского перемирия 20

Ткаченко В.А. Село Деулино (история и памятники) 30

Рыбалко Н.В. Управление Московским государством в первый год царствования Михаила Романова 39

Воробьев А.В. Восстановление деятельности Разбойного приказа и губных изб на исходе Смуты 47

Перхавко В.Б. Торговля и купеческая среда России на закате Смуты (1613—1618 гг.) 51

Морозова Л.Е. Окружение царя Михаила Федоровича в первые годы его правления 63

Николаева С.В. К истории Троице-Сергиева монастыря в период Смутного времени (по синодикам, вкладным книгам и описи 1641/42 г.) 69

Марасанова В.М. Ярославцы и память преодоления Смуты. 1613—1623 гг. 78

Тюменцев И.О. Перезахоронения тел Бориса Годунова и его семьи в контексте идеологического противостояния в Смутное время 86

Устинова И.А. Архиерейский корпус русской церкви в 1598—1619 гг.: состав и динамика 91

Давыдов В.А., Аверьянов К.А. Московский Кремль в годы Смутного времени 98

Сироткин С.В., Карташова М.В. Легенды и были Балахны: Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин 110

Леонтьев Я.В. Программа по увековечению памяти М.В. Скопина-Шуйского «Под княжеским стягом» (2002–2018 гг.) 125

Сведения об авторах 140

Аверьянов К.А.

Деулинское перемирие 1618 г. в историческом контексте

В 2005 г. в России появился новый государственный праздник — День народного единства, отмечаемый 4 ноября. Поводом для него стал тот факт, что в этот день в 1612 г. ополчением К. Минина и князя Д.М. Пожарского от польско-литовских интервентов был освобожден Московский Кремль — сердце России. Вслед за этим в феврале 1613 г. состоялся Земский собор, избравший на российский трон Михаила Романова. Большинство историков, рассказывая о Смутном времени начала XVII в., заканчивают свое изложение данным фактом.

Однако избранием новой династии Смутное время не закончилось. В российской историографии нет единства по поводу продолжительности данного периода отечественной истории. Ряд исследователей прослеживает его с кончины Ивана Грозного в 1584 г. Другие отсчитывают начало Смуты с воцарения Бориса Годунова в 1598 г., третьи истоки «бедствий» относят к 1600 г., четвертые хронологию Смуты начинают с 1604 г., когда появились первые слухи о Лжедмитрии I. В данном случае необходимо опираться, в первую очередь, на свидетельства современников, и мы следуем за Авраамием Палицыным, активным участником событий Смуты и автором «Сказания» об осаде Троице-Сергиева монастыря, который определял продолжительность Смутного времени 14 годами (1604—1618 гг.). Его финальной точкой стало подписание 1(11) декабря 1618 г. перемирия в селе Деулине на окраине нынешнего Сергиева Посада.

К сожалению, многие эпизоды последнего этапа Смуты остаются в тени событий 1612—1613 гг. До лета 1614 г. растянулась борьба с казачьим атаманом И.М. Заруцким, рассчитывавшим самому возглавить страну при сыне Марины Мнишек. Приходилось подавлять «воровские» шайки казаков в различных районах страны, часть из которых под командованием атамана Баловня летом 1615 г. всерьез угрожала Москве. По-прежнему продолжалась борьба с шведской интервенцией на северо-западе страны. Оборона Тихвина и особенно Пскова переломили крайне тяжелую ситуацию и заставили шведского короля Густава II Адольфа пойти на переговоры, завершившиеся подписанием 27 февраля 1617 г. Столбовского мирного договора

Но наиболее сложное положение для правительства Михаила Романова складывалась в отношениях с Речью Посполитой. Камнем преткновения явились претензии королевича Владислава на русский престол. В июле 1616 г. на сейме в Варшаве было принято решение о походе на Москву. В нем должны были принять участие коронные войска во главе с самим Владиславом (6 тыс. чел.) и литовские под командой великого литовского гетмана Яна Кароля Ходкевича (6,5 тыс. чел.).

Подготовка к выступлению королевича сопровождалась серьезной пропагандистской шумихой. Польскому обществу новый поход представлялся как выступление законного царя Владислава против «узурпатора» Михаила Романова. 25 марта 1617 г. в Варшаве он подписал договор со своим отцом Сигизмундом III об условиях мира между Речью Посполитой и Россией в случае его успеха. Спустя день, 27 марта, он торжественно выступил из польской столицы.

Несмотря на то, что главной целью Владислава являлась Москва, он двигался к ней кружным путем через Волынь, чтобы предупредить возможное вторжение крымских татар и турок, которых могло призвать на помощь московское правительство. Простояв в Луцке до 12 июля, он только 17 августа прибыл в Смоленск и двинулся дальше в направлении Москвы. В этот момент у него было чуть больше 3 тыс. солдат, которые после соединения с войском Я. Ходкевича составили армию в 8 тыс. чел.

В Москве, узнав о выступлении королевича, срочно стали собирать ратников. В августе 1617 г. в Ярославль был послан князь Д.М. Черкасский, а в Муром — князь Б.М. Лыков.

1 октября на сторону Владислава перешел дорогобужский воевода Иванис Одадуров. Весть о сдаче этого важного в стратегическом отношении пункта привела к панике в русском войске, стоявшем под началом князя П. Пронского в Вязьме, и 19 октября вяземская крепость интервентами была занята без боя.

Но на этом быстрые успехи поляков закончились. Хотя некоторые из советников королевича советовали немедленно атаковать плохо укрепленный Можайск, называя его «ключом к Москве», Владислав предпочел остановиться. Свою роль сыграли массовые уходы отрядов шляхты, не получавшей жалования, а также наступившие холода. В результате армия Владислава отошла на зимние квартиры в районе Вязьмы, обеспечивая свою безопасность небольшими острожками, занятыми сильными гарнизонами.

Русское правительство стянуло на западное направление практически все находившиеся в его распоряжении силы под командо-

ванием воевод князей Д.М. Черкасского, Б.М. Лыкова и Д.М. Пожарского. В общей сложности они насчитывали до 16,5 тыс. чел. Во многом этому способствовало то, что после заключения Столбовского мира не нужно было отвлекать войска к Новгороду.

Князю Д.М. Пожарскому, стоявшему с октября 1617 г. в Калуге, противостояли в основном отряды С. Чаплинского и Петра Опалинского, основную массу которых составляли лисовчики. Они смогли взять неожиданным нападением Мещовск, а Козельск сдали им казаки, бывшие сторонники атамана И.М. Заруцкого. После этого успеха П. Опалинский попытался взять Калугу, но после того, как потерпел поражение, вынужден был отойти к селу Товаркову (в 15 км от Калуги), откуда князь Д.М. Пожарский заставил его отступить к Вязьме. Впрочем, небольшие столкновения на этом направлении продолжались всю зиму 1617—1618 гг.

После захвата Вязьмы Владислав отправил к Твери пана Соколовского, но высланный навстречу ему по Тверской дороге князь Д.П. Лопата Пожарский сумел отстоять этот город.

Князь Д.М. Черкасский с декабря 1617 г. стоял в Волоке Ламском. В его задачу входило прикрытие подхода к Москве по Волоцкой дороге, а также поддержка осажденного гарнизона в Белой.

Но главные действия русских войск разворачивались на центральном направлении, где с ноября 1617 г. действовал князь Б.М. Лыков, стоявший в Можайске. Внимательно изучив расположение польских острожков, он обратил внимание на слишком удаленный от Вязьмы гарнизон ротмистров Рожицкого и Опаровского в районе Царева Займища (по русским источникам — в селе Алешне). Против них 20 ноября был послан отряд Г.Л. Валуева, который разгромил польский гарнизон.

Эта вылазка обеспокоила королевича, который по совету гетмана Я. Ходкевича предпринял экспедицию на Можайск. В ее состав были отобраны лучшие части польско-литовского войска (1 тыс. конницы и 1,5 тыс. пехоты). 28 ноября польский корпус двинулся к Можайску. Но к этому времени город благодаря стараниям князя Б.М. Лыкова уже был обнесен валом с широким рвом и имел сильный гарнизон. О выступлении интервентов воеводу заблаговременно предупредила русская разведка. Поэтому, не доходя до Можайска, польско-литовское войско 2 декабря 1617 г. вынуждено было повернуть назад, потеряв при отступлении от холодов значительное число солдат.

Активные боевые действия возобновились с началом лета 1618 г. Пока армия королевича находилась на зимних квартирах в Вязьме,

сам он, не предпринимая активных действий, вел переговоры о поддержке своего похода запорожскими казаками. Этому способствовало назначение запорожским гетманом лояльного к Речи Посполитой гетмана Петра Сагайдачного. Еще 18 октября 1617 г. был подписан Ольшанский договор, по которому в обмен на участие в походе на Москву Польша признавала судебную и административную автономию Запорожской Сечи, свободу на Украине православной веры, увеличение численности казацкого войска. В ходе позднейших переговоров в марте 1618 г. Владислав, согласовывая с запорожцами детали их вспомогательного удара, прислал П.К. Сагайдачному булаву, бунчук, печать и флаг. Численность казачьей армии современниками оценивалась (возможно, завышено) в 20 тыс. чел. при 17 легких пушках. Разумеется, брать хорошо укрепленные крепости она не могла, но важным ее преимуществом являлась высокая мобильность.

Что касается самого королевича, то к лету 1618 г. он вместе с Я. Ходкевичем получил подкрепления, и численность их войска выросла до 18 тыс. чел. Встал вопрос о месте нанесения главного удара. Я. Ходкевич предлагал идти на Калугу для соединения с П.К. Сагайдачным, но польские комиссары при Владиславе во главе с Львом Сапегой настояли на прямом походе на Москву.

Целью нового наступления было выбрано Борисово городище (в 7 км от Можайска), где имелся городок, обнесенный каменной стеной, в котором находился значительный русский гарнизон (по польским источникам — более 2 тыс. чел.). Покинув Вязьму 6 июня, королевич и Я. Ходкевич 28 июня подошли к Борисову городищу. Не сумев взять крепость с налета, они отошли от нее на расстояние пушечного выстрела и начали осаду. Через день поляки предприняли попытку очистить свой тыл и захватить Можайск, тем более, что город не имел к тому времени крепости как таковой, а русский лагерь опирался на систему острожков. Можайскому гарнизону Федора Волынского удалось 29 июня отбить нападение поляков.

Эта небольшая, но важная победа позволила русским точно определить направление основного удара интервентов. Действительно, 20 июля основные силы польской армии подошли от Борисова городища к Можайску и начали осаду города. Вскоре к Можайску были подтянуты все три части русской армии. Князь Д.М. Пожарский переместился в район Боровска, а князь Д.М. Черкасский — в район Рузы. Подход русских отрядов уравновешивал силы противостоящих сторон.

Воеводы не ограничивались обороной. Получив сведения о движении польско-литовских войск по Оболенской и Серпуховской

дорогам, князь Д.М. Черкасский выслал против них отряд князя В.П. Ахамашукова-Черкасского с дворянскими сотнями. Тот прибыл к Боровскому Пафнутьеву монастырю, где встретился с казачьими сотнями князя Д.М. Пожарского, посланными к обители ставить острог. Присоединив к себе часть казаков князя Д.М. Пожарского, князь В.П. Ахамашуков-Черкасский атаковал польско-литовский отряд, расположившийся в наспех сооруженном таборе в 7 км от монастыря. Но атака русских войск была проведена наспех, и они обратились в бегство, которое было остановлено вмешательством 200 смоленских дворян и детей боярских, пришедших на помощь.

Ожесточенные бои под Можайском продолжались более месяца. Князю Д.М. Черкасскому было велено переместиться со своим полком вплотную к лагерю князя Б.М. Лыкова. Воевода сначала послал часть сил ставить острог у можайского Лужецкого монастыря, а вскоре выступил сам из Рузы. Полякам удалось атаковать полки князя Д.М. Черкасского в походном положении. Они с большим трудом пробились в Можайск, потеряв большую часть обоза. Пришлось оставить и позицию у Лужецкого монастыря.

30 июля поляки начали новую атаку, а отряд С. Чаплинского перекрыл путь снабжения из Москвы. Чтобы отвлечь внимание Владислава и Я. Ходкевича от Можайска, князь Д.М. Пожарский, получив подкрепление из астраханских стрельцов и юртовских татар, переместился к Пафнутьеву монастырю, откуда угрожал флангу противника. Небольшие отряды из монастыря неоднократно тревожили лагерь Владислава. Вскоре перебежчик из польского лагеря сообщил, что королевич собрался полностью осадить лагеря князей Б.М. Лыкова и Д.М. Черкасского и принудить их голодом к сдаче. Припасов в острожках было недостаточно, особенно после потери в бою обоза князя Д.М. Черкасского. Да и сами острожки были не приспособлены к длительной осаде.

Понимая, что пленение или уничтожение русских войск под Можайском поставило бы государство в критическое положение, московское правительство уже 22 июля разрешило воеводам в случае необходимости отступить из Можайска к Москве, оставив там гарнизон во главе с Ф. Волынским и снабдив его достаточным количеством припасов.

Между тем осада продолжалась. Немецкая пехота окружила русский лагерь шанцами, под прикрытием которых по острогам начала бить артиллерия, нанося основной удар по лагерю князя Д.М. Черкасского. Во время обстрела 27 июля последний был тяжело ранен и

командование объединенными полками взял на себя князь Б.М. Лыков. На следующий день 28 июля противник начал готовить штурм Можайска со стороны Якиманского монастыря, и для его поддержки за речкой Можайкой были поставлены артиллерийские батареи.

Опасаясь полного окружения и уничтожения, князь Б.М. Лыков принял решение оставить город в ночь на 6 августа. Прикрывать отход русских войск должен был князь Д.М. Пожарский, в подкрепление которому из Москвы был выслана рать князя Г.К. Волконского. Отряд князя Д.М. Пожарского должен был выдвинуться к Борисову городищу и обеспечить отход сил князя Б.М. Лыкова на юг к Боровску. Это удалось, поскольку королевич не ожидал выхода осажденных в южном направлении, полагая, что они двинутся к Москве на восток.

В последний момент план русского командования едва не был сорван. Получив сведения о подготовке отхода, воевода Борисова городища К. Ивашкин покинул его и присоединился к князю Д.М. Пожарскому. Он среагировал моментально и немедленно приказал голове астраханских стрельцов Б. Лупандину скакать к Борисову городищу. Тот сумел занять беззащитное укрепление буквально на глазах у литовцев. Вскоре сюда прибыли основные силы князей Д.М. Пожарского и Г.К. Волконского. В направлении Можайска были высланы казачьи сотни, под прикрытием которой отряды князя Б.М. Лыкова без потерь отошли к Боровску.

После отступления главных русских сил остроги были сожжены, а оставшийся в Можайске гарнизон Ф.В. Волынского успешно отбивался от интервентов. Так и не взяв города, Владислав 6 сентября 1618 г. выступил в направлении Звенигорода. Несмотря на то, что русским в итоге все же пришлось отойти, польско-литовское войско, потеряв время, оказалось сильно ослаблено.

Военная кампания 1618 г. развивалась и на других направлениях. Коронный полковник М. Казановский, действовавший в Северской земле, с конца марта по начало мая неудачно осаждал Стародуб-Северский, затем безуспешно пытался 3–8 июня взять Болхов и Белев (11 июня), после чего через Козельск подошел в конце июня к Можайску на соединение с главными силами королевича.

С отходом главных русских сил от Можайска была решена и участь осажденной поляками Белой. В конце августа 1618 г. защищавший ее русский гарнизон оставил крепость. Перед этим он сжег ее укрепления и ушел на соединение с главными силами.

Одной из причин отступления русских войск стало вторжение запорожских казаков во главе с гетманом П.К. Сагайдачным. Еще

до пересечения русской границы это воинство приступило в июне 1618 г. к грабежам Киевского воеводства и покинуло его под прямым военным давлением польских коронных войск и местных магнатов. Не решаясь атаковать такие хорошо укрепленные крепости как Путивль и Рыльск, армия Сагайдачного, воспользовавшись отсутствием крупных русских отрядов, легко прошла от юго-западной российской границы между Курском и Орлом и 30 июня внезапно захватила Ливны. Город был взят штурмом и сожжен, а воевода князь Никита Черкасский был захвачен в плен.

Следующей жертвой запорожских казаков стал Елец, к которому они подошли 4 июля. Их небольшой отряд притворным отступлением выманил защитников города из стен крепости, а основные силы 10 июля ворвались в беззащитный город. Здесь они захватили богатую добычу, так как в городе остановилось русское посольство в Крым.

Русская оборонительная система защиты южных рубежей, и без того ослабленная отправкой подкреплений под Можайск, была полностью разрушена. Запорожское войско, разделившись на две части, широким потоком хлынуло в пространство между Тулой и Переяславлем-Рязанским. Отдельный отряд под командованием полковника Михаила Дорошенко в середине июля 1618 г. двинулся в сторону рязанских мест. По пути они без боя заняли Лебедянь, Данков и Ряжск, захватили и сожгли Скопин и Шацк. Однако от Переяславля-Рязанского и Пронска они были отбиты и пошли на соединение с основными силами гетмана. Отколовшаяся от Дорошенко часть казаков сожгла Песочню, Сапожок и Шацк.

Основные же силы войска П.К. Сагайдачного от Ельца двинулись к Михайлову, но встретили отпор, поскольку о нашествии неприятеля воеводы были предупреждены. Осада этого города, начавшаяся 16 августа, закончилась 28 августа неудачей. Также завершилась и попытка захватить Зарайск 5—6 сентября. Впрочем, гетман не обращал на это особого внимания, и, не задерживаясь около Зарайска, вышел к Оке.

Появление на фронте огромной армии запорожцев резко изменило соотношение сил. Московское правительство пыталось отразить их удар силами собранных в районе Боровска и Пафнутьева монастыря войск. Но их ядро составляли ненадежные казачьи станицы. Пока ими командовал князь Д.М. Пожарский, они еще подчинялись приказам. Однако после того как тот заболел, они вышли из подчинения. Командование армией на рубеже Оки взял на себя второй воевода князь Г.К. Волконский. Бои 6—7 сентября на пе-

переправах через Оку в устье Осетра не дали результата. Запорожцы проникали через незащищенные места, а войско князя Г.К. Волконского таяло на глазах. В итоге почти все казачьи станицы, рассыпавшись по татарской традиции «загонами», отправились грабить окрестные земли. Казацкий полковник Ф. Борисполец отправился в рейд по Мещерской земле: были сожжены Касимов и Романово городище. Значительная часть дворян бежала к Москве, и князь Г.К. Волконский вынужден был укрыться в Коломне. Полк запорожцев под началом Ф. Пирского пытался в ночь на 24 сентября штурмовать Коломну, но был отбит. Тем не менее, путь на Москву запорожцам был открыт.

13 сентября 1618 г. основные силы поляков заняли Звенигород, а 22 сентября подошли к Москве, разместившись в 7 км от нее близ бывшего Тушинского лагеря. Поскольку продовольствия в окрестностях Москвы, разоренных многочисленными грабежами, найти было невозможно, к Переславлю-Залесскому был послан С. Чаплинский. По дороге, в ночь на 24 октября, он пытался захватить Троице-Сергиев монастырь, но был отбит. Затем в Александровой слободе он самовольно повернул назад, пытаясь взять обитель «изгоном», но снова неудачно. Отсюда он отправился грабить места по Клязьме, но в троицкой волости Вохна был убит монастырскими слугами.

Почти одновременно к российской столице с 5 тыс. казаков по Каширской дороге подошел и гетман П.К. Сагайдачный. Первоначально он расположился 26 сентября у Донского монастыря, прикрывая переправу через Москву-реку своих обозов, а затем соединился 28 сентября с главными силами королевича. Общая численность осаждавших, по польским источникам, достигла 25 тыс. чел. (включая казаков П.К. Сагайдачного).

В отличие от предыдущих трех оборон Москвы (против И.И. Болотникова, Лжедмитрия II и Я. Ходкевича), опиравшихся на укрепления Земляного города, в 1618 г. главной линией обороны стали стены Белого города. С одной стороны, это было вызвано сильными разрушениями стен Земляного города в 1611—1612 гг. Но самой главной причиной являлся недостаток сил. Согласно разрядным книгам, московский гарнизон насчитывал лишь 11,5 тыс. чел., из которых примерно 5,5 тыс. составляли ополченцы, собранные по всей Москве. Около 3 тыс. составляли казаки. Самыми надежными частями были примерно 1,5 тыс. служилых людей, 1,5 тыс. стрельцов и около 300 иноземцев. Общее руководство обороной города осуществлял князь Василий Куракин.

В преддверии осады вся московская пехота была расписана по стенам и башням Белого города и в остроги за Яузой и Москвой-рекой. Небольшие русские гарнизоны были размещены в Новодевичьем и Симоновом монастырях. Конница была сведена в четыре отряда и размещена в четырех районах Москвы, отделенных естественными преградами: к западу от Неглинной в Белом городе стояли конники князя Василия Куракина (1 тыс. чел.), к востоку от Неглинной — отряд Ивана Морозова (300 чел.), в Замоскворечье — отряд князя Ивана Катырева-Ростовского (800 чел.), за Яузой — отряд князя Семена Прозоровского (1 тыс. чел.).

В виду предстоящей зимы, не имея времени для длительной осады, Я. Ходкевич решился атаковать город почти с ходу. Штурм был намечен уже на 1 октября. Предполагалось, что он начнется на заре отвлекающей атакой запорожцев на русские острожки в Замоскворечье. Главный удар наносился по Арбатским и Тверским воротам. Часть пехоты должна была огнем заставить обороняющихся покинуть стены, а другая — уничтожить инженерные препятствия перед воротами. После этого пехота должна была атаковать и захватить стены Белого города, а конница — ворваться на улицы Москвы. В резерве были оставлены польские гусарские хоругви.

Но план сразу стал давать сбои. Огромная масса запорожцев, непривычных к штурмам, вообще не решилась вступить в бой. Кроме этого, незадолго до его начала на сторону осажденных перебежали два французских мастера-подрывника, сообщивших точные дату и время штурма. В результате штурмующие сразу наткнулись на подготовленное и упорное сопротивление. Атака Тверских ворот (их штурмовало до 2,3 тыс. чел.) захлебнулась сразу же. Огонь русской пехоты со стен Белого города расстроил ряды атакующих. К тому же стены крепости оказались слишком высоки для штурмовых лестниц. У Арбатских ворот, где штурмующих было до 2,7 тыс. чел., успех вначале был на стороне интервентов, которым удалось закрепиться на линии деревянных укреплений перед воротами и приступить к установке петард. Решающим эпизодом стало появление «бельских немцев», отряда шотландских и ирландских наемников на русской службе, вокруг которых сплотились и другие солдаты. К вечеру поляки были выбиты из укрепления.

Провал штурма Москвы фактически означал неудачу всего похода. Имеющимися силами вести осаду города не представлялось возможным, поскольку еще до начала штурма царь послал в Ярославль и Нижний Новгород князей И.Б. Черкасского и Б.М. Лыкова собирать новые рати. В этой ситуации продолжение военных дей-

ствий было признано интервентами бесперспективным, и польские комиссары при Владиславе во главе с великим канцлером литовским Львом Сапегой приняли решение начать мирные переговоры. У Москвы также не было сил продолжать войну. Вскоре после отражения штурма королевича в ней взбунтовались 3 тыс. казаков, отказавшихся воевать и попытавшихся уйти из Москвы. Царь послал за ними князей Д.Т. Трубецкого и Д.И. Мезецкого. Они застали казаков уже в 5 верстах от столицы и только с большим трудом уговорили их вернуться обратно.

Переговоры начались еще 20 октября 1618 г. на реке Пресне под Москвой, а затем продолжились в окрестностях Троице-Сергиева монастыря, куда после неудачи штурма и невозможности найти провизию непосредственно под Москвой ушли поляки и литовцы. Здесь гетман Я. Ходкевич 26—27 октября попытался с ходу захватить Троице-Сергиев монастырь, но был отбит. Неудачей окончился и рейд литовцев, посланных из-под Троицы воевать галичские, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места. Князь И.Б. Черкасский, находившийся в Ярославле, послал против них воеводу князя Г. Тюфякина, который настиг литовцев в Белозерском уезде и разгромил их.

После этих неудач королевич встал в деревне Рогачево в 14 км от Троицкой обители, а Я. Ходкевич занял соседнее село Сватково. Здесь поляки решили ждать окончания мирных переговоров. 20 ноября под Троицкую обитель прибыло русское посольство (Ф.И. Шереметев, князь Д.И. Мезецкий и А.В. Измайлов). Начались тяжелые переговоры. В ходе трех встреч в деревне Деулино (в 5 км к северу от Троице-Сергиева монастыря и в 8 км от Сваткова) велись ожесточенные споры буквально по каждому пункту перемирия. Особенно напряженной стала встреча 25 ноября, когда поляки и литовцы напрямую стали угрожать возобновлением войны.

Повод для подобных угроз дали запорожские казаки П.К. Сагайдачного, которые в поисках продовольствия ушли из-под Москвы к Калуге. 24 октября несколько запорожских атаманов взяли штурмом Серпуховской посад, но Кремль захватить не смогли и двинулись на соединение с П.К. Сагайдачным. В конце октября 1618 г. казаки самого гетмана внезапной атакой захватили Калужский посад, заставив гарнизон под руководством воеводы князя М. Гагарина укрыться в городской крепости, которую осаждали до подписания перемирия.

Не имея возможности выгнать противников со своей территории, московское правительство пошло на внесение поправок и

1 декабря 1618 г. перемирие было подписано. Его срок был рассчитан на 14 с половиной лет, начиная с 25 декабря 1618 г. по 25 июня 1633 г. Главными условиями Деулинского перемирия стала уступка Речи Посполитой Смоленской, Черниговской и Северской земель. Российское государство теряло города Смоленск, Рославль, Дорогобуж, Белую, Серпейск, Трубчевск, Новгород-Северский, Чернигов. Российская сторона также уступала Почеп, Стародуб, Невель, Себеж, Красный, Попову Гору, взамен которых поляки, в свою очередь, обязывались возвратить захваченные ими крепости Мещовск, Мосальск, Козельск и Вязьму. Указанные территории должны были быть переданы до 15 февраля 1619 г. вместе со своими жителями и имуществом. Вернуться в Россию дозволялось только дворянам, купцам и православному духовенству. К этой же дате с русской территории должны были быть выведены как польско-литовские войска, так и украинские казаки, а также совершен обмен военнопленными.

Возврату русской стороне подлежала икона св. Николая, захваченная в Можайске. Купцам двух сторон предоставлялась возможность свободного перемещения, за исключением Москвы, Вильны и Кракова.

Летом 1619 г. стороны обязывались выслать на новую границу комиссаров для межевания земель.

Царь Михаил Романов официально отказывался от титулов правителя Ливонии, Смоленска и Чернигова, зато Владислав сохранял право именоваться «царем русским» в официальных бумагах Польско-Литовского государства, что означало сохранение претензий на российский трон.

После заключения перемирия войска интервентов зимой 1618 – 1619 г. были выведены из России. Сам королевич отошел из-под Троицы к Смоленску мимо Твери, а казаки П.К. Сагайдачного отступили из Калуги на Украину. К апрелю 1619 г. в России не осталось интервентов.

Несмотря на то, что Россия теряла огромные территории, главная цель переговоров была достигнута: перемирие в Деулино завершало эпоху Смутного времени. После 14 лет непрерывных и кровавых междоусобиц, борьбы с внешними врагами, Российское государство возвращалось к нормальному мирному развитию.

Сизов В.А.

Вязёмы во время похода королевича Владислава на Москву

Одним из важнейших событий последнего этапа Смутного времени явился поход на Москву польского королевича Владислава. В тщательно подготовленном и хорошо организованном походе приняли участие элитные части польской армии во главе с королевичем Владиславом и литовское войско под командованием гетмана Яна Ходкевича. Для польского общественного мнения он был представлен как выступление законного царя Владислава против «узурпатора» Михаила Романова. Но успехи Владислава оказались очень скромными. Выступив в направлении Москвы в начале 1617 г., он, продвигаясь по Смоленской дороге, смог достигнуть ее лишь к осени 1618 г.

На этом направлении, если не считать Дорогомиловского яма на окраине Москвы, ближайшей ямской станцией к российской столице являлись Вязёмы. В начале XVII в. здесь находился небольшой острог и загородный дворец Бориса Годунова. Сохранившиеся документы довольно подробно передают обстановку в Вязёмах во время похода Владислава.

Первый раз в этот период Вязёмы упоминаются в разрядных записях за 1617 г. Еще до начала наступления регулярной польской армии, в мае 1617 г., русские военные силы под Дорогобужем одержали ряд побед над польско-литовским отрядом, которым командовал видный польский воевода Чаплинский. Удалось захватить 240 пленных и добыть ценные сведения о наступательных планах противника. Отличились полки под командованием князей Юрия Сулешова и Семена Прозоровского. Царем Михаилом Романовым для вручения наград к ним был послан князь Григорий Тюфякин. Он встретил героев в селе Вязёмы, когда те возвращались в Москву для обсуждения плана дальнейших действий: *«И, по государеву указу, к боярину и воеводам к князю Юрью Еншеевичю Сулешеву за службу с золотыми столник князь Григорей Тюфякин послан и встретил боярина на Веземе; а роздавал золотые на Веземе, как шли воеводы к Москве»*[1].

Юрий Сулешов принял награду, а Семен Прозоровский отказался, поскольку его имя в царском указе отсутствовало: *«И столник и воевода князь Семен Прозоровской золотаго у князя Григорья не взял и писал к государю царю и великому князю Михаилу Федоро-*

[1] Дворцовые разряды. 1612– 1628 гг. Т. 1. СПб., 1850. С. 275.

вичю всеа Русии, что прислан с золотыми за службу к боярину к князю Юрью Еншеевичю Сулешеву стольник князь Григорей Тюфякин, а его князь Семенова имя в наказе у князя Григорья не написано»[1].

С лета 1618 г., во время обороны Можайска, Вязёмы упоминаются как одно из мест сосредоточения русской армии. Сохранился указ царя Михаила от 31 июля 1618 г.: «*да к дворянам, же и детям боярским разных городов, которые на Вязёме с Алексеем Зубовым, ярославцам, костромичам, галичанам, волокжанам, романовцам, пешехонцам, колмничем, арзамасцам, суздальцам, юрьевцам, лушанам, гороховцам, дмитровцам, кашинцам, дорогобужанцам, ростовцам, звенигородцам, можаичам, козличам, володимирцам, коломенского владыки детям боярским, Касимовского царя...людям, да Мещерских городов татарам. ... А с Вяземы Алексею Зубову велено идти со всеми людьми к нему* (Волконскому. — *Авт.*) *на Каменскую дорогу и идти с ним в Боровск...*»[2]

В августе 1618 г. непосредственная военная угроза нависла над Москвой. Чтобы знать о продвижении неприятеля московские воеводы по царскому указу по всем западным дорогам высылали разведчиков — «подъездчиков», приносивших ценные сведения о расположении противника. С этого момента Вязёмы стали тем местом, куда стекались все разведывательные данные, отправлявшиеся затем в Москву. Дозорным на смоленском направлении в селе Вязёмы был назначен стольник Осип Андреевич Коковинский. Именно он координировал всю разведывательную деятельность из Вязём, а затем передавал сведения в Москву. Сохранился царский указ, направленный Осипу Коковинскому в Вязёмы: «*Лета 7126(1618) августа в 5 день, по государеву, цареву и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси указу, память Осипу Андреевичу Коковинскому. Как к тебе сия память придет, и ты б тотчас послал к Можайску, и к Звенигороду и к иным местом станицы, и подъезды и пеших людей и велел проведывать про литовских людей, не объявились ль где литовские люди, и будет, объявились, и в которых местах и многие ль люди, откуда будут; и которые люди придут к тебе на Вязему из полков из под Можайска, или которые люди придут из полону выходцы, или полоняники, и ты б их расспрашивал и писал к государю наскоро, и тех выходцев и полоняников прислал к государю к Москве тотчас; а однолично б тебе Можайских вестей всякими обычаи проведывать накрепко и всякие вести писать к государю тотчас, чтоб всякие вести государю были ведомы вскоре*»[3].

---

[1] Там же.

[2] Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. 1, СПб., 1853. С. 502.

[3] Российский государственный архив древних актов (Далее: РГАДА). Ф. 210. Оп. 9. Д. 1. Л. 16– 17.

К сожалению, отписки самого Осипа Коковинского до нас не дошли. Однако имеются отписки от других «подъездчиков», отправляемых уже из Москвы. В одной из них упоминается сам Коковинский и его разведывательная деятельность в Вязёмах: *«августа в 17 день приехали из подъезду подъездчики Василий Артамонов с товарищи 5 человек, а посланы они были в подъезд по Можайской дороге до Вязмы августа 16 день; и как они ехали да Вязмы, дорогою никого не встретили и литовских людей нигде не видели и, приехав они на Вязму, жили день да ночь, и при них Осип Коковинской посылал от себя в подъезд по Можайской по большой дороге до Кубенского и к Звенигороду подъездчиков, и те подъездчики приехали на Вязму назад при них и, приехав, сказали, что литовских людей нигде не видали, и ни у кого не слыхали и салмы не наезживали»*[1].

По мере приближения противника к Москве от лазутчиков начинает приходить все больше сведений. В донесении «подъездчика» Захария Озерова, датированном 9 сентября, читаем: *«едучи дорогой встретили Осипа Коковинского, который сказывал им, что литовские люди за Вязёмою в 12 верстах, да Можайскою дорогой встретили бежа из деревень, а сказывали, что они бегут к Москве; и они подъещики доезжали до Вязёмы и литовских людей не видали и расспрашивать подлинно про литовских людей некого»*[2]. Сохранилось еще одно донесение от другого «подъездчика» — Никиты Филатьева от того же числа: *«Едучи дорогою до Вязёмы, встретили крестьянских робят и мужиков, которые сказывали им, что литовские люди за Вязёмою в 5 верстах, а много ли их они не ведали»*[3].

Вскоре Вязёмы были захвачены интервентами. В донесении от 12 сентября Захарий Озеров сообщал: *«доезжали они по Можайской дороге до села Вязёмы, в стороне к Звенигородской дороге от Вязёмы верст с 5 жарево великое, а в котором месте жарево, того не видали, а как поехали с Вязёмы и слышали в стороне к Звенигородской же дороге из пищали стреляли»*[4]. Другое известие от «подъездчика» Богдана Федосеева, датированное тем же днем, сообщало дополнительные сведения о сожжении Вяземского острога и разорении села: *«едучи дорогой встретили мужика, сказывал им, королевич, по слухам стоит под Рузой; а на Вязёме острог сожжен и стоят 22 избы, а иные сожжены до половины»*[5].

Полученная информация оказалась верной. Из польских источников следует, что королевич Владислав и гетман Ходкевич прибы-

[1] Акты Московского государства, изданные императорской академией наук, под редакцией Н.А. Попова. Разрядный приказ. Московский стол. 1571—1634. Т. I. СПб., 1890. С. 151.
[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 9. Л. 131.
[3] Там же. Л. 130.
[4] Там же. Л. 140.
[5] Там же. Л. 148.

ли в Звенигород 13 сентября. При этом между ними возникли разногласия по поводу дальнейших действий. Об этом в Москве стало известно от взятого в плен подъездчиками в районе Звенигорода шляхтича Петра Пышкеева. Доставленный в столицу, он показал: *«королевич хочет идти в Литву, а гетман же хочет идти под Москву и стоять под Москвой и над Москвой промышлять»*[1].

14 сентября в окрестностях Вязём был захвачен еще один пленник, причем не «подъездчиками», а обычным вяземским крестьянином Томилой Кондратьевым вместе с племянником, которые доставили его в Москву. Поскольку наступление вражеской армии пришлось на время уборки урожая, многие крестьяне, преодолевая страх, пытались собрать выращенное. В расспросе Томила показал: *«...был аз на Вязёме, жал хлеб сам друг с племянником моим. И вчера в понедельник, сентября в 14 день в вечер пошел... к Москве. И как шел от Вяземы версты три, и тот литвин попался к нему навстречу...он тово литвина с племянником осилили, и, связав, повели к Москве»*[2]. Взятого пленника звали Мартин Староминский и служил он в королевском полку. В Вязёмы, по его словам, он ездил *«для хлеба»*, что говорит о трудностях с фуражировкой войск. Так же Староминский подтвердил сведения о спорах между королевичем и гетманом.

16 сентября «подъездчики» во главе с Микитой Филатьевым, не доезжая Вязём, встретили вязёмского крестьянина Ивашку Степанова. Он *«ходил на Вязёму ради своей рухляди, схоронена была в землю, ... рухлядь взять не удалось, так как в Вязёмах много поляков»*[3]. Другое сообщение, от *«людей Кириллова монастыря»*, датированное тем же числом, подтвердило многочисленность противника и сведения об уничтожении вяземского острога: *«на Вязёме стоят литовские люди — конные, пешие многие, острогу нет»*[4].

Этим исчерпываются наши сведения о Вязёмах в 1618 г., поскольку к концу сентября интервенты подошли к Москве. Однако взять с ходу российскую столицу им не удалось. Вскоре последовали переговоры, закончившиеся Деулинским перемирием. Вязёмы вышли из этой войны с громадными потерями. В пожаре погиб острог, а вместе с ним погибли все остальные значимые постройки: церковь Николая Чудотворца, Иоанно-Богословский монастырь, дворец Бориса Годунова, конюшенный двор, царский сад. Огонь не смог уничтожить лишь каменные сооружения — Троицкий храм и звонницу.

---

[1] Там же. Л. 167—168.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 220—221.
[4] Там же. Л. 216—217.

Рабинович Я.Н.

К вопросу о передаче русских городов польской стороне в 1619 г. по условиям Деулинского перемирия

До настоящего времени ход реализации условий Деулинского перемирия 1618 г. в отношении тех городов, которые поляки должны были вернуть русской стороне, изучен недостаточно. Еще более запутанным остается вопрос о том, как русские воеводы передавали полякам пограничные города уже после подписания перемирия.

Русские города, о которых речь пойдет в данной работе, можно условно разделить на три группы.

Первая группа — города, захваченные поляками за несколько лет до заключения Деулинского перемирия. Эти города, естественно, остались за польской стороной. Как правило, русского населения здесь уже не было, за исключением горожан, присягнувших польскому королю Сигизмунду. Соответственно, на переговорах речь не шла о судьбе этих городов и их жителей.

В качестве примера можно привести Смоленск. Смоленские помещики еще с 1611 г. в подавляющем большинстве перешли на сторону освободительного движения, воевали в составе Нижегородского и Подмосковного ополчений. Смоляне, не участвовавшие в освобождении Москвы, присягнули Михаилу Романову во время осады Смоленска русскими войсками в 1613—1616 гг.

Вторую группу составляли города, захваченные поляками во время последнего похода на Москву в 1617—1618 гг. накануне Деулинского перемирия. Часть из них поляки оставляли за собой (Дорогобуж), а часть — возвращали русской стороне (Вязьма. Козельск, Мещовск, Мосальск).

К третьей группе мы относим города, которые русская сторона передавала полякам уже после подписания Деулинского перемирия, когда прекратились всякие боевые действия.

Автор этих строк, изучая разрядные книги, обнаружил, что в 1618/1619 г. в Разрядах указаны воеводы некоторых городов, которые были переданы полякам по Деулинскому перемирию. Следовательно, эти города в момент подписания перемирия находились под контролем правительства Михаила Романова. Наиболее достоверный источник в данном случае — это отписка воеводы. Дата

отписки (например, об отражении вражеских штурмов) может служить свидетельством того, что город продолжал оставаться в русских руках. Ценный источник — Книга сеунчей, в которой приводятся сведения о награждении сеунщиков-гонцов из того или иного города, а также кратко сообщается содержание донесения воевод этих городов[1].

В Новом летописце о передаче русской стороной полякам 14 городов сказано: *«...и отдали к Литве городов Московских: Смоленеск, Белую, Невль, Красной, Дорогобуж, Рославль, Почеп, Трубческ, Себеж, Серпеяск, Стародуб, Нов городок, Чернигов, Монастыревской и записьми укрепилися»*[2].

Среди городов, находившихся под контролем русских воевод к моменту окончания Смуты, можно с уверенностью назвать Невель, псковские пригороды Себеж и Красный, а также ряд городов Северской земли (Новгород Северский и Стародуб).

По этому поводу А.А. Савич писал: *«В январе и феврале месяцах (1619) отошедшие по Деулинскому перемирию к Речи Посполитой московские города были формально переданы польско-литовскому правительству специальными комиссиями»*[3]. Какие именно города были переданы полякам, историк не пояснил.

Чтобы внести в этот вопрос ясность, необходимо проанализировать данные источников обо всех 14 городах, уступленных поляками по свидетельству Нового летописца.

Не вызывает споров лишь судьба **Смоленска**, захваченного королем Сигизмундом в июне 1611 г. и **Дорогобужа**, о позорной сдаче которого в 1617 г. воеводой Иванисом Ададуровым, присягнувшим Владиславу, хорошо известно[4].

Более сложным представляется вопрос относительно судьбы **Белой**. Из Книги сеунчей известно, что Белая в августе 1618 г. оставалась в руках московских воевод (к сожалению, их имена не указаны): *«8 августа литовские люди отошли от города прочь»*. Сеунщик Степан Травин доставил это донесение в Москву 22 августа[5].

---

[1] Книга сеунчей 1613 – 1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1995. Кн. 1. С. 19 – 98.

[2] Новый летописец // Полное собрание русских летописей (Далее: ПСРЛ). Т. 14. СПб., 1910. С. 148.

[3] *Савич А.А.* Деулинское перемирие 1618 г. // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта. Серия ист. Т. 4, вып. 2. 1939. С. 100.

[4] Новый летописец. С. 141.

[5] Книга сеунчей 1613 – 1619 гг. С. 84 – 85.

Некоторые подробности взятия поляками Белой приводит А.Л. Станиславский. Он пишет, что в сентябре 1618 г. русско-польским отрядам Ивана Мещерина удалось после годовой осады овладеть Белой. А.Л. Станиславский писал, что этот Иван Мещерин (в Бельском летописце — Мещеринов) осенью 1617 г. после захвата Владиславом Вязьмы (это произошло 18 октября) направился к Белой: *«Основная же часть русских казаков в войске Владислава во главе с Иваном Мещериным (около тысячи человек) двинулась из Вязьмы под Белую. Их предводитель был, вероятно, бельским дворянином»*[1].

Автор Бельского летописца писал, что прорывом защитников из Белой руководили князь Борис Хилков и Иван Благой, которые перед этим разрушили крепость и сожгли запасы. В Бельском летописце приводится увлекательный рассказ о прорыве из Белой русского гарнизона. Поляки и казаки во главе с Иваном Мещериным два дня преследовали отступающий к Москве бельский гарнизон, пытаясь разорвать подвижное ограждение из возов, и, лишь не доходя 30 верст до Ржевы, прекратили преследование и вернулись к Белой[2].

Примем во внимание, что поход из Белой к Ржеву возглавлял, как сказано в Бельском летописце, воевода Борис Хилков, а также то, что уже 3 сентября 1618 г. Б. Хилков и Н. Воробин были у государева стола в Грановитой палате, что отмечено в Дворцовых разрядах: *«Да у стола же были с Белые воеводы: князь Борис княж Андреев сын Хилков да Никита Дмитреев сын Воробин, и дворяне и дети боярские, Бельские сидельцы»*. Воеводы при этом были награждены шубами и кубками: *«И после стола государь пожаловал воевод: князь Борису Хилкову шубу да кубок, Никите Воробину шубу да ковш»*[3]. Про еще одного воеводу Белой — Ивана Благова, про которого постоянно пишет автор Бельского летописца, в Дворцовых разрядах ничего не говорится. По-видимому, у государева стола в Грановитой палате его не было.

Если считать, что все защитники Белой, возглавляемые воеводами Борисом Хилковым, Никитой Воробиным и Иваном Благим, покинули город и потом несколько дней уходили от отрядов поляков и казаков Ивана Мещеринова к Ржеву, а также учесть время им на дорогу из Ржевы до Москвы, то следует внести поправки к мнению А.Л. Станиславского. Ведь Борис Хилков 3 сентября нахо-

---

[1] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 195.

[2] Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 265—266.

[3] Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии: в 4 т. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 353.

дился в Москве. Уход гарнизона во главе с Борисом Хилковым из Белой никак не мог быть осуществлен в сентябре 1618 г. Взятие поляками Белой в таком случае следует отнести к августу 1618 г.

Впрочем, возможен и другой вариант: какая-то часть белян вместе с воеводой Иваном Благим еще оставалась в крепости после ухода Бориса Хилкова, Никиты Воробина и основной массы защитников, прикрывая отход товарищей. В таком случае Иван Мещеринов с поляками действительно мог после прекращения преследования вернуться к Белой и в сентябре захватить крепость, как полагал А.Л. Станиславский.

Возможен и третий вариант: беляне продолжали оборонять свою крепость, а Иван Мещеринов ушел к Торжку. А.Л. Станиславский отмечал, что уже 2 октября 1618 г. И. Мещеринов безуспешно пытался захватить Торжок[1].

Автор Бельского летописца указывал, что оборона крепости Белая продолжалась полтора года, что также может свидетельствовать о том, что сдача города произошла позже, чем в сентябре 1618 г. Возможно, русские послы узнали о потере Белой уже во время переговоров в Деулино. Пока трудно сказать, когда именно поляки установили контроль над Белой.

Определенную помощь в выяснении времени утраты русским правительством контроля над городами могут оказать разрядные книги. Здесь следует учитывать не только упоминания о воеводах этих городов и о событиях, происходящих в данных городах. Судьба городов отчасти может быть прослежена по упоминаниям служилых людей из этих крепостей в составе гарнизонов других городов, находившихся под контролем Москвы. К примеру, в Брянске в 1618 г. видим 96 дворян и детей боярских из **Рославля**, 33 — из **Почепа**, а также 220 брянских и рославльских стрельцов[2]. Поэтому можно предполагать, что к этому времени Рославль и Почеп были оставлены сторонниками Москвы, ушедшими в Брянск. Рославль был захвачен поляками давно, а служилые люди из Рославля последние годы Смуты находились в Брянске, о чем свидетельствуют не только разрядные книги, но и документы Масловского архива[3].

---

[1] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 195.

[2] Книги разрядные по официальным оных спискам (далее Книги разрядные). В 2 т. Т. 1 (1614 - 1627). СПб., 1853. Стб. 540.

[3] Грамота царя Михаила Федоровича дворянам и детям боярским Рославльцам и Почепцам о том, чтобы они были на службе в Брянске по-прежнему. 1618, декабря 3: Масловский архив. Вып. 1 (1569 - 1631 гг.) / сообщил Ф. И. Маслов // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1916. Кн. 2. Материалы исторические, № 163. С. 123 - 124 (Далее: ЧОИДР).

В Новгороде-Северском и Путивле в это же время (1618 г.) находились дети боярские из **Чернигова** (36 и 111 соответственно). В Путивле также несли службу 200 черниговских стрельцов[1]. Служилые люди из Чернигова упоминаются в Путивле и Новгороде-Северском в предыдущие годы, что свидетельствует о том, что Чернигов был еще ранее оставлен сторонниками Москвы.

Важное значение для изучения судеб русских городов после заключения Деулинского перемирия, имеет рассмотрение ситуации, сложившейся к лету — осени 1618 г. в Северской земле.

Московское правительство утратило контроль над Черниговом, Монастыревским острогом и Трубчевском задолго до этого времени. Относительно Чернигова известно, что он был разорен еще в начале царствования Михаила Романова (1613– 1615), а служилые люди из Чернигова пополнили гарнизон Новгорода-Северского и Путивля, откуда часто совершали рейды на вражескую территорию.

Трубчевск также давно был оставлен. Возможно, что он был разрушен еще в начале Смутного времени. После избрания Михаила Романова, судя по разрядным записям, московское правительство в этот город воевод не назначало.

Монастыревский острог, находившийся на русско-польской границе, — это первый русский город, который в октябре 1604 г. был взят Лжедмитрием I. В последующие годы Смуты этот городок был захвачен поляками. Из Книги сеунчей известно, что весной 1616 г. по указанию воеводы Путивля Василия Коробьина служилые люди из Путивля взяли этот острог, выжгли его и захватили в плен местного начальника, а земли в окрестностях города полностью разорили, после чего беспрепятственно вернулись в Путивль[2]. Так что к моменту окончания Смуты Монастыревский острог, находясь в польских руках, лежал в развалинах.

Про Почеп сведений найти не удалось. В одном из документов Масловского архива приводится грамота Михаила Романова от декабря 1618 г. служилым людям из Почепа и Рославля, *«которые служат в Брянске и живут по деревням возле Брянска»*. В грамоте говорится об условиях Деулинского перемирия и отдаче полякам ряда городов на юге (Почепа, Рославля, Стародуба и Новгород-Северского). При этом подчеркнуто, чтобы дворяне и дети боярские были *«на нашей службе во Брянску по-прежнему»*[3].

---

[1] Книги разрядные. Т. 1. Стб. 40 541.

[2] Книга сеунчей 1613 1619 гг. С. 43.

[3] Грамота царя Михаила Федоровича дворянам и детям боярским Рославльцам и Почепцам ... // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. Материалы исторические, № 163. С. 123– 125.

Из Книги сеунчей известно, что **Стародуб** еще в конце сентября 1618 г. оставался в руках московских воевод. Во всяком случае, о победе под Стародубом на речке Голубовке после 23–24 сентября сообщал воевода этого города Микита Карамышев. Сеунщик доставил это известие в Москву 20 октября[1].

Что касается **Новгорода-Северского**, то местный воевода князь Иван Михайлович Долгоруков в апреле 1618 г. посылал из этого города к Трубчевску в рейд на судах по Десне отряд Петра Чудинова. 20 апреля «*голова Петр Чюдинов с дворянами и детьми боярскими новгородцы и черниговцы и всякие ратные люди шли в Трубчевск на судах рекой Десной на Вострую Луку, где перевоз держали литовские люди. У перевоза в ходе боя литовских людей побили многих и языки поимали*». Судя по награждению сеунщиков, этот поход завершился успешно. Так что к лету 1618 г. Новгород-Северский являлся опорным пунктом русского правительства в Северской земле. Об обстоятельствах передачи этого города полякам сведений пока не обнаружено. По-видимому, Иван Долгоруков передал этот город полякам уже после подписания Деулинского перемирия. Именно к жителям Стародуба и Новгорода-Северского относится фраза из документа Масловского архива, составленного после завершения переговоров в Деулино, где говорится о передаче полякам этих городов, а также Почепа и Рославля: «*А ис тех городов архимаритов и игуменов и протопопов и попов и весь освещенный собор и вас, дворян и детей боярских и стрелцов и казаков и пушкарей и затинщиков и воротников и всяких служилых людей выпустить в наши городы*»[2].

Судьбы Стародуба и Новгорода-Северского во многом перекликаются с судьбами городов на северо-западе — **Себежа, Невеля и Красного.** Однако источники здесь более подробно сообщают об обстоятельствах и времени передаче этих городов полякам.

В разрядных книгах говорится о назначении в Себеж московских воевод на 127 год (1618/1619 г.). Воеводой в Себеже был Василий Федорович Туров. Его помощниками являлись Карп Ушаков и стрелецкий голова Григорий Михайлович Чириков: «*На Себеже Василей Федоров сын Туров да Карп Никонов сын Ушаков; а с ними с головой с Григорьем Чириковым стрелцов 270 ч., казаков 30 ч., пушкарей и затинщиков 20 ч.*»[3].

---

[1] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 91.

[2] Грамота царя Михаила Федоровича дворянам и детям боярским Рославльцам и Почепцам... // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. Материалы исторические, № 163. С. 125.

[3] Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 416; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 642–643.

В октябре 1618 г. псковские воеводы князь Иван Федорович Троекуров, князь Мирон Михайлович Шеховской, Семен Дементьевич Яковлев, дьяки Никита Дмитриев и Семен Лутохин заключили местное перемирие с польскими комиссарами. Перемирие было заключено 23 октября 1618 г., когда поляки продолжали боевые действия в центре страны, штурмовали Троице-Сергиев монастырь и только готовились вести переговоры о мире в Деулино.

На этих переговорах 23 октября 1618 г. стороны договорились не нападать на порубежные земли, в частности, поляки не должны приходить войной под Псков и Псковские пригороды «*под Изборск, под Остров, под Опочку, под Себеж, под Заволочье, Пустую Ржеву, под Вдов, под Печерской монастырь, на Велье*»[1].

Из текста данной грамоты видно, что в конце октября 1618 г. поляки соглашались не нападать на московский город Себеж, считая его русским городом, и не претендовали на него. На северо-западе страны наступила долгожданная тишина. Казалось, ничто не предвещало беды. Однако беда пришла оттуда, откуда ее не ждали — из самой Москвы, от московских бояр Михаила Романова.

Можно предположить, что к моменту начала переговоров в Деулино вопрос о передаче Себежа полякам еще не ставился, и польские комиссары сумели «выбить» этот город, как и некоторые южные города, уже на заключительной стадии ведения переговоров.

В конце декабря 1618 г. начальным людям Себежа Василию Федоровичу Турову, Карпу Никонову Ушакову и стрелецкому голове Григорию Чирикову поступила царская грамота, где в соответствии со 2-й статьей Деулинского договора было предписано: «*Эти города* (включая Себеж. — *Я.Р.*) *московское правительство обязуется очистить к 15/25 февраля 1619 г.; тяглое посадское и уездное население этих областей переходит в подданство Речи Посполитой, гости и торговые люди могут определить свое подданство по личному выбору, а духовенство, воеводы, дворяне, приказные и военные — все люди выпускаются в Московское государство со всем их имуществом*».

Русские люди вопреки названным условиям вывозили с собой и посадских людей, и церковное имущество, и крепостные орудия. В перемирную запись потом были внесены дополнительные статьи, одна из которых гласит: «*Возвратить в аннексированные города*

[1] *Мятлев Н.В.* Разрядная записка начала XVII в.: Список с записи, какова дана Ливонских городов державцом 129 году октября в 23 день, а также с перемирной записи Ливонских городов, какова взята у державцов у Бортломея Голт Шура с товарыщи // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. Смесь. № 2. С. 29—33.

вывезенных русскими дворянами посадских людей и крестьян, а также пушки, колокола и т.д.»[1].

Приведем текст одной из разрядных записей. Он сохранился не полностью, но смысл понятен. Сведения относятся к 1618 и началу 1619 г. Сначала говорится о воеводах Себежа в 126 (1617/1618) г.: «*На Себеже был воевода Иван Матвеев сын Бобров, а на Иваново место были воеводы Василий Федоров сын Туров да Карп Никонов сын Ушаков*». Далее указывается важная информация: для передачи Себежа польской стороне из Пскова был специально отправлен в Себеж один из псковских воевод Семен Яковлев. В Москве и Пскове хорошо понимали, что защитники Себежа могут не подчиниться и не захотят отдавать свой город полякам, а если согласятся уйти, то попытаются оставить полякам лишь выжженную землю. Такие действия защитников Себежа могли спровоцировать очередной конфликт между Россией и Польшей и надолго затянуть обмен пленными. А ведь царь Михаил ждал возвращения своего отца Филарета! Поэтому московское правительство было кровно заинтересовано, чтобы передача городов полякам, в том числе Себежа, прошла без осложнений.

Чтобы обеспечить послушание защитников Себежа Семен Яковлев взял с собой крупный отряд псковских стрельцов, на которых вполне мог положиться. В разрядной записке говорится, что этих стрельцов возглавляли два стрелецких головы (командиры стрелецких приказов), известные деятели Смуты Богдан Дубровский и Петр Ногин: «*А как посылан воевода изо Пскова Семен Дементьевич Яковлев на Себеж... (пропуск)... людем и они были с ним же... (пропуск)... были головы стрелецкие Богдан Минин сын Дубровской... (пропуск)... н Андреев сын Ногин. Да ис Себежа приведен голова стрелецкой Григорей Михайлов сын Чириков*»[2].

Судя по данной записи, Семен Яковлев был отправлен в Себеж с крупным отрядом псковских стрельцов под командованием Богдана Минича Дубровского и Петра Андреевича Ногина. Подробности событий неизвестны. Но, оставляя Себеж, при молчаливом согласии Семена Яковлева втайне от польских представителей защитники Себежа сумели вывезти в Псков несколько крепостных орудий. Известен интересный документ — «*Роспись псковского наряду, что привезено во Псков с Себежа во 127-м году по отписке изо Пскова столника и воевод князя Ивана Троекурова с товарыщи*»[3].

---

[1] *Савич А.А.* Деулинское перемирие 1618 г. С. 100–103.

[2] *Мятлев И.В.* Разрядная записка начала XVII в. С. 26.

[3] Опись архива Посольского приказа 1626 года / под ред. С. О. Шмидта. Ч. 1.

Защитники Себежа были выведены в другие псковские пригороды, прежде всего — на Опочку, где их встретили новые воеводы Опочки князь Семен Данилович Шеховской и Гаврила Артемьев Дубровский. В последующие годы на Опочке находилось более 200 себежских стрельцов и некоторое число себежских казаков.

Известно имя польского комиссара, который принимал в начале 1619 г. Себеж у псковского воеводы Семена Дементьевича Яковлева. Это был Юрий Сивицкий. Он же принимал после Себежа у Семена Яковлева псковский пригород Красный.

В Описи архива Посольского приказа составленной после майского пожара 1626 г., отмечены сохранившиеся на тот момент документы, связанные с передачей Себежа и Красного польской стороне: «*...да тут же отписка с Себежа и ис Краснова Семена Яковлева, как он отдал те городы Юрью Сивитикому, а под отпискою роспись, что у него, Семена, Юрьи в тех городех в Себеже да в Красном взял наряду и всяких пушечных запасов; да тут же роспись Себежского уезду губам, что в которой губе деревень, и пустошей, и починков, и что в них четвертные пашни по писиовым книгам лета 7076-го году; да тут же роспись имянная себежских монастырей черным попом и ружных храмов попом, и дьяконом и всяким церковным причетником, и себежским служилым людем, казаком и стрелцом, и пушкарем и воротником, которые выведены из Себежа во Псков и во Псковские пригороды; да тут же роспись города Красного уезду губам... а у себежские и у красногородские росписи по ставом рука Юрья Сивитцково...список с росписи Юрья ж Сивитцкого, как он принял город Себеж да Красной у псковского воеводы у Семена Яковлева*».

Этот же Юрий Сивицкий принимал у русских представителей Максима Радилова и у подъячего Филата Домашнего город Невель. В Описи архива Посольского приказа говорится о документе, связанном с передачей Невеля полякам: «*...список с росписи, что принял Невль у Максима Радилова да у подьячего Филата Домашнего Юрьи Сивитцкой*»[1].

В 1614—1615 гг. защитники Невеля под руководством воеводы Семена Гагарина неоднократно отбивали приступы поляков. С лета 1615 г. до февраля 1616 г. воеводами в Невеле были Василий Васильевич Волынский и Гаврила Иванович Писемский. В феврале 1616 г. в Невель были отправлены новые воеводы Семен Яковлевич Молвянинов и Крик Степанович Евфимьев. В 1617 г. на место Се-

М., 1977. С. 371.

[1] Там же. С. 147, 350.

мена Молвянинова (Крик Евфимьев уже в Невеле умер) в Невель был отправлен Борис Иванович Кокорев. Именно Борис Кокорев был воеводой Невеля к моменту подписания Деулинского перемирия. В состав гарнизона Невеля в 1616—1617 гг. кроме детей боярских входили стрельцы с головой Петром Лукомским (в 1616 г.), а также казаки с атаманом Богданом Порываевым (в 1617 г.)[1].

Максим Радилов приехал в Невель к началу 1619 г., ибо осенью 1618 г. он участвовал в обороне Москвы от войск поляков и черкас. Накануне штурма столицы войсками короля Сигизмунда в конце сентября 1618 г. Максиму Радилову было поручено защищать участок между Трубой и Стретенскими воротами (район Глухой башни)[2].

Невель, отразивший все приступы врага, был передан полякам без боя, а гарнизон города в полном составе ушел в только что начинавшую восстанавливаться крепость Великие Луки. Защитников Невеля принимал в Великих Луках родной брат бывшего невельского воеводы Б.И. Кокорева Григорий Иванович Кокорев.

Учитывая расстояние между Себежем и Невелем, а также время, необходимое для приема-передачи этих крепостей польской стороне (а принимал все крепости один и тот же человек — Юрий Сивитцкий), можно предположить, что поляки получили Невель в январе 1619 г., а Себеж и Красный — в феврале — марте 1619 г.

Что касается псковского пригорода **Красного** (речь идёт не об одноименном смоленском городке), то в нем не было укреплений. Он был передан польской стороне после завершения Смуты. Для принятия Красного сюда приехал уже из Себежа польский представитель Юрий Сивитцкий.

Таким образом, проделанная работа позволяет внести ясность в недостаточно изученные вопросы истории России в завершающий период Смутного времени.

---

[1] *Малов А.В.* Борьба за Невель в конце Смуты // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2009. Т. 1. С. 67–88; *Он же.* Невельское «сидение» 1613–1619 гг. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць: Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. Вип. 25. Рівне, 2014. С. 210–220; *Рабинович Я.Н.* Братья Семен и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640) / под ред. С.А. Мезина. Саратов, 2015. С. 34–39.

[2] Книги разрядные. Стб. 572.

Ткаченко В.А.

Село Деулино (история и памятники)

Село Деулино является одним из памятных мест Европы. Столь известным оно стало благодаря тому, что на его землях 1 (11) декабря 1618 г. было заключено перемирие между Российским государством и Речью Посполитой, положившее конец интервенции Польско-Литовского государства и Смутному времени. В России наступил долгожданный мир.

Село расположено на невысоком холме рядом с дорогой, связывающей Сергиев Посад с Угличем. Местонахождение поселения на холме и около большой дороги, в стороне от Троице-Сергиева монастыря и села Сваткова, где располагались польско-литовские послы, послужило причиной выбора его в качестве места переговоров.

В настоящее время село числится в составе Сергиево-Посадского муниципального района Московской области, территориально в его южной трети, которая со времен Ивана Калиты входила в состав московских земель в качестве Радонежской волости.

Время основания Деулино неизвестно. Поселение впервые было упомянуто в одном из хозяйственных документов 1542/43 г. как деревня Дегулинская, входившая в состав земель Троице-Сергиева монастыря[1]. Поселение возникло, предположительно, в течение XIV—XV вв. Эти столетия были периодом наиболее интенсивного заселения подмосковных земель, сопровождаемого их переходом в вотчинное и поместное владение. К началу XVI в. вся территория Радонежской волости была покрыта починками, деревнями и селами, окружавшими распаханные поля. Лес сохранялся только вдоль рек и крупных оврагов. Ко времени первых упоминаний Деулино в документах в его окрестностях насчитывались 15 поселений[2].

Деулино расположено на безводной вершине холма, у основания которого берут свои начала реки Веля, Кончура и Каменка, один из притоков реки Куньи. Такое неудобное в сельскохозяйственном отношении нахождение деревни, возможно, связано с тем, что поселение стало деревней после перехода холма во вла-

[1] Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Далее: НИОР РГБ). Ф. 303. Д. 531. № 195. Л.169.

[2] Российский государственный архив древних актов (Далее: РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 254. № 168. Л. 157– 158.

дение Троице-Сергиева монастыря. Ранее на его месте, вероятно, располагался сторожевой пункт, с которого контролировался прилегающий участок Угличской дороги. Ввиду особенностей местоположения деревни ее жители вплоть до начала XXI в. использовали в качестве водных источников пруд и колодцы.

До XVII в. деревня называлась как Дегулинская, Девулино, Деулино[1]. С XVII в. и до наших дней поселение носит название Деулино. После заключения в нем перемирия и постройки храма оно отмечалось в документах как село, а к названию Деулино стали добавлять «Мирное тож»[2], но с XVIII в. подобное двойное название вышло из употребления.

Во второй половине XVI в. большинство подмосковных поселений стало запустевать в результате последствий опричнины и Ливонской войны. Этот процесс усилился в период Смутного времени начала XVII в. Деревня Деулино запустела во время Смуты. В документах 1613/14 г. она упоминается в качестве троицкой пустоши, «что была деревня»[3], но уже весной 1617 г. вновь начинает отмечаться как деревня[4]. Почти одновременно с ней из 15 некогда окружавших ее поселений возродились существующие по настоящее время деревни Бубяково и Степково.

Для XIV—XVII вв. характерно интенсивное освоение подмосковных земель, выразившееся, в частности, в непрерывном росте мелких поселений. В XVII в. из этих поселений возродилась примерно десятая часть деревень, селец и сел. Сложившаяся в течение этого столетия количественная структура сельских поселений в общих чертах сохранилась до наших дней. Для развития поселений XVII—XX вв. характерно при их незначительно меняющемся количестве рост числа дворов.

В селе Деулино в начале 1620-х годов числились 14 дворов крестьян и бобылей[5], в 1684 г. — 22 крестьянских и бобыльских двора[6], в 1773 г. — 24 крестьянских двора[7], в 1859 г. — 28 дворов[8], в 1924 г. —

---

[1] Писцовые книги Московского государства. Часть первая. Отд. I. СПб., 1872. С. 246; НИОР РГБ. Ф. 303. Д. 599. Л. 190об.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 260. Л. 177; Д. 275. Л. 125.

[3] Там же. Ф. 1209. Оп.1. Д. 258. Л. 674об.

[4] НИОР РГБ. Ф. 303. Д. 571. № 24. Л. 303об.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 260. Л. 177– 178.

[6] Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 275. Л. 125– 127.

[7] Российский государственный военно-исторический архив (Далее: РГВИА). Ф. ВУА. Д. 18859. Л. 121об.

[8] Списки населенных мест Российской империи. Вып. 24. Московская губерния. СПб., 1862. № 2244. С. 92.

42 хозяйства[1], в 1955 г. — 90 хозяйств, в 1975 г. — 94 хозяйства, в 1983 г. — 85 дворов, в 1994 г. — 54 постоянных хозяйства.

Часть запустевших окрестных пустошей использовалось деулинскими крестьянами по февраль 1764 г. в качестве сенокосных или лесных угодий, взятых в оброк у троицких властей[2]. Средств, тем не менее, не хватало и жители села промышляли продажею сена и дров в Москве[3]. В 1764 г. в результате секуляризации Деулино вошло в состав государственных поселений, что лишило его жителей возможности использовать соседние пустоши. Рост числа деулинцев при сохраняющемся количестве земельных угодий к началу XX в. еще больше ухудшил их положение. Своего хлеба хватало только до масленицы. Одним из основных промыслов жителей села в первые десятилетия XX в. являлся вывоз дров[4]. Рядом с селом в 1899 г. был устроен кирпичный завод, на котором трудились свыше двух десятков деулинцев.

В настоящее время Деулино представляет собой полусельское — полудачное поселение.

Власти Троице-Сергиева монастыря решили отметить заключение перемирия постройкой в деревне храма, посвященного преподобному Сергию Радонежскому. Ее освятили в годовщину подписания договора 1(11) декабря 1619 г[5]. Храм был, согласно его первому описанию 1620-х годов «деревян, клецкий, вверх»[6], т.е. его нижняя часть представляла собой четверик, на который был поставлен восьмигранный шатер. В 1614 г. подобный по форме Никольский храм был устроен в подмонастырском селе Клементьеве[7] и такой же Успенский храм в 1619 г. в троицком селе Подсосенье на реке Торгоше[8].

Сергиевская церковь была выстроена из сосновых бревен, имевших «в отрубе» 35 см, плотно притесанных без использования прокладок из моха и пакли. Ее основу составлял собственно храм, нижняя часть которого представляла собою высокий прямоугольный сруб 19 м в длину и 17 м в ширину. Над двускатной крышей сруба возвышался восьмиугольный глухой барабан, завершенный небольшим граненым шатром, на котором была укреплена главка с кре-

---

[1] Сергиевский уезд Московской губернии. Статистико-экономический сборник. Сергиев, 1924. С. 392.
[2] РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 622. Часть IV. Л. 390 - 392.
[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18859. Л. 122об.
[4] Центральный исторический архив г. Москвы (Далее: ЦИАМ). Ф. 184. Оп. 10. Д. 2049. Л. 169 - 170.
[5] Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 248 - 249.
[6] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 260. Л. 177.
[7] Там же. Л. 247.
[8] Там же. Д. 9806. Л. 909.

стом. С востока к храму примыкал пятистенный прирубной алтарь, который имел в длину и ширину около 13,5 м, а с запада более низкая и широкая трапезная 20 м в длину и 21 м в ширину. За трапезной возвышалась выстроенная на небольшом отдалении от последней восьмигранная колокольня с открытой площадкой для колоколов. Ее венчал высокий глухой шатер с маленькой главкой. Сооружение представляло собой новый для того времени тип церковного здания с горизонтальной и вертикальной композиционными осями. Более характерными для начала XVII в. продолжали оставаться церкви клетского типа с одной горизонтальной композиционной осью.

Сергиевская церковь села Деулино стала одним из первых российских памятников, посвященных событиям Смутного времени. Вслед за ней в 1619—1626 гг. в подмосковном дворцовом селе Рубцове на реке Яузе в честь отражения штурма польско-литовскими отрядами столицы в ночь на 1 октября 1618 г. была поставлена сначала деревянная, а затем каменная Покровская церковь.

Деулинская церковь, судя по документам, простояла без ремонта свыше 200 лет. В мае 1849 г. священник храма Евфимий Петров вместе с церковным старостой и причтом обратился к митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету с прошением разрешить провести побелку церкви и, утеплив стены трапезной, устроить в последней «приделец для служения в зимнее холодное время»[1].

Митрополит, получив из консистории это прошение, дал послушание наместнику Лавры архимандриту Антонию осмотреть церковь в Деулино. В конце мая наместник посетил село и тщательно обследовал состояние церкви. В ходе осмотра здания он обнаружил, что древний антиминс с мощами лежал под престолом.

Митрополит Филарет приказал послать священника на 3 дня в Спасо-Вифанский монастырь «для молитвы и для наставления к благочестивейшему обращению со святынями», а антиминс перенести в Лавру «для хранения с ризничными предметами преподобных Сергия и Никона», а в Деулинскую церковь «для памяти дать с находящегося на сем святом антиминсе надписания засвидетельствованный список».

Антиминс 1619 г. согласно указу Учрежденного собора Лавры от июня 1849 г. был перенесен в монастырскую ризницу, благодаря чему сохранился до наших дней. Он представляет собой небольшого размера (17х16 см) кусок неотбеленного льняного холста. На его лицевой части рукописная запись полууставом в 12 строк: «Освятися олтарь

[1] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 431. Д. 3. Л. 1 об.

господа нашего Иисуса Христа в церковь преподобнаго отца нашего Сергия Чюдотворца при державе государя царя и великаго князя Михаила Федаривича всея Руси и святеишем Филарете патриархе Московском и всея Руси живоначальные Троицы Сергиева монастыря архимоpитомъ Дионисиемъ лета сто двадесять асмаго индито г»[1].

С организацией музея на основе историко-художественных ценностей закрытой Троице-Сергиевой лавры антиминс стал числиться в составе его коллекций.

На прошении священника о ремонте церкви митрополит Филарет написал следующую резолюцию: «Поелику Деулинская церковь преподобного Сергия есть памятник мира и избавления отечества от врагов и бед и потому преимущественно достойна неизменного сохранения; а предлагаемое внутри оштукатурение ее и устроение в ней придела не только изменило бы ее вид, но могло бы повредить и ее прочности; и поелику производство предполагаемой работы могло бы больше повредить иконостасу, начинающему приходить в ветхость, для исправления которого способов теперь не видно: то советовать прихожанам церкви оставить в настоящем виде, а дабы могли иметь для зимы теплую церковь, предложить построение таковой каменной, невысокой, отдельно, чему Лавра может пособить доставлением некоторой части материала»[2].

В августе священник храма вместе с церковным старостой и причтом обратился к митрополиту Филарету с новым прошением. В нем он писал, что причт готов приступить к строительству каменной теплой церкви согласно плану, который был приложен к прошению, но по бедности прихода просит выдать книгу для сбора средств. В книгу священник предлагал включить воззвание к доброхотным деятелям, «так как может быть не всем из усердствующих ко святыням известно обстоятельство, по которому построена наша деревянная церковь»[3].

В ноябре того же года Учрежденный собор Лавры принял решение выделить в качестве пособия на построение церкви в селе Деулино 30 000 кирпичей[4].

В феврале 1850 г. консистория выдала книгу для сбора средств годом на 1 год с одобренным текстом воззвания. Затем подобная книга ежегодно выдавалась до тех пор, пока не был выстроен каменный храм.

---

[1] *Спирина Л.М.* Рукописный источник об основании церкви в честь Деулинского перемирия // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 197–198.

[2] Там же.

[3] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 431. Д. 3. Л. 9 об.

[4] Там же. Л. 18.

В окончательном варианте воззвание гласило:

«К любителям отечества и древней святыни!

Желающим содействовать к поддержанию древних священных храмов, сооруженных в память особенных Божьих благодеяний к России!

Любезные соотечественники!

Кому неизвестны бедствия и опасности, колебавшие Россию в 17 столетии до заключения мира с Польшею? С освобождением Москвы от ляхов и воцарением Михаила Федоровича некоторые из них кончились, иные уменьшились; но еще оставались несчастные следы их: разорение городов и сел, неустройства в общественных сношениях, по местам возмущения; и еще продолжалось главное зло — война с поляками, не хотевшими признавать царя Михаила Федоровича и все еще домогавшимися престола России — война, поддерживавшая все сии неустройства. Наконец угодно было Всевышнему положить предел всем сим бедствиям: в 1618 году в деревне (что ныне село) Деулине в 4-х верстах от обители Преподобного Сергия заключено перемирие с Польшею на 14 лет, послужившее в последствии основанием прочного мира для России. Как во время тягостнейших бедствий происходивших от насильственного владычества поляков, так и пред заключением перемирия, Сергиева лавра принимала сильнейшее участие и в опасностях отечества и в усилиях к избавлению от опасностей. Прежде, одушевляемая заступлением и молитвами Преподобного Сергия, она способствовала избавлению отечества от врагов и увещеваниями, которые разсылала во все пределы России, и пожертвованиями и примирением враждовавших между собою военачальников, и защищением стен своих от неприятелей; в последствии, в воцарения Михаила Федоровича, употребила все свое содействие при переговорах о мире, который и был утвержден почти под стенами ее, в селении принадлежащем ей, но не иначе как заступлением и молитвами Преподобного Сергия: ибо во время переговоров о мире последовало некоторым образом сверхъестественное, чудесное перемене сердец врагов наших: поляки, отвергнув мирные условия уполномоченных наших при первом съезде, вдруг неожиданно, (по принесении усердных молитв к Богу в обители Преподобного Сергия со стороны нашей) сами начинают предлагать мир и без дальних прений условливаются в оном. Итак, любезные соотечественники, промысел Божий, желая прославить угодника своего, положил быть как самому началу избавления, так и концу все бед России из недр обители Преподобного Сергия. В благодарность Богу за сие благожелательнейшее для России событие по благословению Святейшего патриарха Филарета Никитича Романова и при ревностном содействии Сергиева монастыря архимандрита Преподобного Дионисия и келаря Авраамия Палицына воздвигнута была

в Деулине деревянная церковь во имя Преподобного Сергия, оказавшего столь явные чудеса в избавлении от бед отечества нашего, которая оным же архимандритом Преподобным Дионисием освящена декабря 13-го дня 1620 года, эта церковь пребывает и доселе. Ныне, хотя стены ее еще крепки, но служение и стояние в ней в зимнее время становится крайне затруднительным по причине проницающего в нее ветра и холода, а устроение в ней отопления послужило бы к ускорению ее обветшания и разрушения и могло бы подвергнуть ее опасности пожара. Почему, желая сохранить сей храм сколько возможно дольше в прежнем виде как священный памятник благодарности угодника Божия и благочестивых его современников ко Всевышнему за восстановление благоденствия России, мы, священно- и церковнослужители, равно как и прихожане сей церкви, по внушению и благословению его Высокопреосвященства митрополита Московского и Коломенского и священноархимандрита Филарета, желаем мы, не прекращая священнослужения в прежней церкви в летние месяцы, воздвигнуть близ оной новую каменную церковь во имя Всемилостивого Спаса, даровавшего на сем месте в древнее время православному отечеству нашему мир и утверждение. Но, чувствуя свои силы и способы недостаточными к совершению сего предприятия (ибо приход наш состоит не более как из 200 душ бедных крестьян, не занимающихся никакою промышленностью) прибегаем к благотворительности доброхотных дателей, надеясь, что они по благодарному воспоминанию о столь важном событии совершившемся при нашем селении не оставят нас своими благодарными пособиями. Поколику мир и благоденствие общества тесно соединены с миром и благоденствием частных лиц. Посему сие событие столько же относится к каждому из нас, как и к целому отечеству»[1].

В течение 1851—1853 гг. к югу от деревянной церкви был поставлен каменный храм, освященный во имя Всемилостивого Спаса Нерукотворенного Его Образа[2].

Спасская церковь представляет собой крестообразный в плане, бесстолпный одноглавый храм со звоном. По линии восток-запад его длина равна 15 м, по линии север-юг — 20 м. Центральные части фасадов церкви, завершенные треугольными фронтонами, примерно на метр выступают вперед. Их украшают сдвоенные прямоугольные филенки, в поле которых помещены окна с полуциркульными перемычками. Подобные, но уже одинарные филенки с окнами размещены на боковых сторонах ветвей креста. Убранство фасадов

[1] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 431. Д. 3. Л. 10.

[2] *Благовещенский И.А.* Краткие сведения о всех церквях Московской епархии, в алфавитном порядке исчисленных. М., 1874. С. 65.

здания дополняет венчающий карниз простого профиля. Над парусным сводом средокрестия возвышается восьмиугольный постамент, грани которого украшены горизонтально вытянутыми прямоугольными филенками. На постаменте установлена звонница в виде восьмигранной усеченной пирамиды, на плоской вершине которой укреплен массивный барабан с крестом. Грани звонницы украшены прямоугольной формы филенками. Филенки четырех основных граней, расположенных по странам света, прорезаны арочными проемами. Спасская церковь села Деулино является одним из последних по времени в истории культового зодчества Подмосковья памятником, в котором объединены в одно целое храм и колокольня. Ей предшествовали Духовская церковь 1470-х годов Троице-Сергиева монастыря и Крестовоздвиженская церковь частного села Воздвиженского 1847 г., расположенная в нескольких верстах к юго-востоку от Лавры.

Церковь имела трехъярусный иконостас. В первом ярусе с двух сторон от северных дверей находились иконы преподобного Дионисия и Богородицы. За металлическими царскими вратами помещалась храмовая икона Спаса Нерукотворенного, за южной дверью — преподобного Сергия Радонежского. Выше шел ряд икон, посвященный двунадесятым праздникам. Непосредственно над царскими вратами располагалась икона Спаса Нерукотворенного. В центре третьего яруса помещалась икона Господа Вседержителя с предстоящими Богоматерью и Иоанном Крестителем. Далее с левой стороны шли иконы апп. Филиппа и Варфоломея и апп. Матфея и Фомы; с правой стороны — иконы с изображением Иоанна Богослова и ап. Андрея, а также апп. Петра и Павла. Над иконостасом возвышался крест, по левую сторону которого находились иконы ап. Ионна Богослова и Снятия Господа Иисуса Христа с креста, по правую — иконы Богоматери и Страстей Христовых.

Освещался храм двухъярусным 20-свечовым вызолоченным паникадилом.

Деревянная Сергиевская церковь ввиду ее ветхого состояния[1] все же была отремонтирована в те же 1850-е годы. Здание обшили снаружи тесом, несколько изменив при этом форму барабана и купола. В таком виде церковь была зарисована известным в свое время художником Н. Мартыновым в 1860 г.[2] В 1865 г. Сергиевский храм сгорел дотла. По неизвестным причинам его не стали восстанавливать.

---

[1] Церковно-исторический месяцеслов Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1854. С. 114.

[2] Подмосковная старина. М., 1889. Вставка между С. 20– 21.

Около Спасской церкви поставили временную колокольню, которая простояла 10 лет. Затем по прошению священника и причта 1875 г. было разрешено построить каменную колокольню. Несколько лет ушло на сбор средств и в начале 1880-х годов к западу от храма по проекту архитектора Л.Н. Львова возвели двухъярусную колокольню.

Квадратная в плане колокольня (5х5 м) имеет открытый нижний ярус, прорезанный с трех сторон арками. Горизонтальные филенки северного и южного фасадов карниза прорезаны круглыми окнами. Второй ярус колокольни прорезают с четырех сторон высокие арки. Завершает колокольню деревянный четырехугольный шатер с крестом.

На колокольне висели 6 колоколов: в 105 пудов 10 фунтов, в 52 пуда 15 фунтов, в 21 пуд, в 7 пудов 18 фунтов, в 4 пуда, в 1 пуд.

Колокольня стояла на расстоянии около 5 м от храма. Между храмом и ней построили узкую трапезную с двускатной крышей.

В конце 1930-х годов Спасская церковь была закрыта. Согласно опросам местных жителей часть ее икон перешла в действующую Ильинскую церковь Загорска. В храме одно время существовал сельский клуб, затем она использовалась в качестве колхозного хранилища.

В 1990 г. разрушающийся храм был передан Троице-Сергиевой лавре. После его ремонта на праздник Рождества Христова в 1991 г. была проведена первая служба. В 2004 г. в храме и притворе были завершены росписи стен. В южной части храма они посвящены житию преподобного Сергия.

Церковь с прилегающей к ней территорией является в настоящее время одним из лаврских подворий. Богослужения в ней проводятся в воскресенье и праздничные дни. К югу от церкви в 1990 г. было устроено кладбище, на котором погребается братия Лавры.

В заключение отметим, что использование села Деулина в качестве туристического объекта в настоящее весьма проблематично. На его бывших полях во втором десятилетии нынешнего века ООО «Деулинские просторы» организовало 4 коттеджных поселка. С юга к селу примыкает кладбище. У южного подножия холма ведется строительство развязки дороги, связывающей в обход Сергиева Посада Ярославское шоссе с Угличским. Единственная возможность донести до туристов историческое значение села Деулина — это установка рядом с оградой церкви нескольких щитов с краткими сведениями о Смутном времени и договоре 1618 г.

Рыбалко Н.В.

Управление Московским государством в первый год царствования Михаила Романова

Воцарение Михаила Федоровича Романова 21 февраля 1613 г. ознаменовало отсчет нового периода в истории Российского государства. Вопросы управления страной, наряду с нерешенными внешнеполитическими проблемами, стояли на первом месте. В период междуцарствия усилилась разобщенность аппарата центрального и местного управления, распоряжения верховной власти в лице Боярской думы, выдаваемые вплоть до 1612 г., не исполнялись. Правительства Подмосковного и Нижегородского ополчений хотя и имели некоторое количество приказных учреждений, издававших распоряжения от имени их лидеров, однако являлись на тот момент лишь временной администрацией. Преодоление кризиса верховной власти с избранием Михаила Романова требовало реставрации приказной системы и восстановления централизованного управления.

1613 год в этом плане показателен: изучение сохранившейся документации дает представление о составе нового правительства и на какие вопросы это правительство обратило внимание, прежде всего, в целях преодоления кризиса Смутного времени.

Персональный состав московских приказов и его эволюция в 1613 – 1628 гг. подробно представлены Д.В. Лисейцевым. Исследователь сделал наблюдение о стабильности приказной системы относительно предыдущего периода: количество новопожалованных лиц в центральных приказах, по его подсчетам, не превышало 20%[1].

В данном вопросе весьма интересен политический аспект: влиял ли предыдущий политический выбор службы на стороне самозванцев, боярского правительства или ополчений на дальнейшую карьеру служащих. Как показало исследование А.В. Ивиной, проведенное в отношение сотрудников московских приказов и приказных изб городов за период с 1613 по 1618 г., при молодом правителе Михаиле Романове сумели удержаться большинство дьяков, служивших ранее в приказах боярского правительства периода междуцарствия, несмотря на некогда данную присягу на верность польскому королевичу Владисла-

[1] *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009. С. 510.

ву и его отцу Сигизмунду: из 37 человек продолжили службу 22 дьяка (60%), из них 12 — через службу в ополчениях. Из 27 подьячих боярского правительства на службе М. Романова упоминаются 11 человек[1].

В то же время Михаил Романов и его ближайшее окружение, участвовавшее в управлении, очень избирательно отнеслись к назначениям на высшие государственные чины и должности. В большей степени политический фактор повлиял на службу думных дьяков. Карьера девяти из них, присягавших на верность Сигизмунду III, сложилась следующим образом.

Василий Осипович Янов, думный дьяк Московского Разрядного приказа, подписавший грамоту Боярской думы о немедленной сдаче Смоленска Сигизмунду III[2], грамоту послам митрополиту Филарету и князю В. Голицыну об отправлении их в Вильно к королевичу Владиславу с предложением не спешить ехать в Москву на царствование до сдачи Смоленска королю Сигизмунду III[3], был противником ополчений. После посольства 5 октября 1611 г. к Сигизмунду III о нем ничего не известно[4].

Думный дьяк Новгородского Разряда Евдоким Яковлевич Витовтов, будучи подьячим, получил думный чин в Тушинском лагере, «преж всех» стал служить Сигизмунду III[5], в 1620/21 г. упоминается как изменник, живущий в Новгороде Северском[6].

Думные дьяки Посольского приказа Василий Григорьевич Телепнев, Томило Иудич Луговской и Иван Тарасьевич Грамотин вместе с Филаретом в составе посольства удерживались в Речи Посполитой[7]. Т.И. Луговской и И.Т. Грамотин вернулись в Россию после заключения Деулинского перемирия и были назначены думными дьяками Разрядного приказа и Новгородской чети (позже и Посольского приказа) соответственно, продолжив успешную карьеру при новом правительстве[8]. Можно усмотреть в этом влияние отца царя. О судьбе В.Г. Телепнева после 1611 г. ничего не известно.

---

[1] *Рыбалко И.В., Ивина А.В.* Приказные ставленники Сигизмунда III при новом царе М.Ф.Романове // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 154.

[2] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее: АИ): в 5 т. Т. 2. (1598– 1613 гг.). СПб., 1841. № 321. С. 379.

[3] АИ. Т. 2. № 322. С. 383.

[4] *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV– XVII вв. М., 1975. С. 600.

[5] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее: СГГиД): в 4 ч. Ч. 2. М., 1819. №. 208. С. 451.

[6] *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие ... С. 94.

[7] АИ. Т. 2. № 290. С. 351– 352; *Рыбалко И.В., Ивина А.В.* Думные дьяки Сигизмунда III и их судьба в правление Михаила Романова // «Веснік». БГПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Культуралогія. 2017. № 4. С. 58.

[8] *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие ... С. 302; *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М.,*

Думный дьяк Поместного приказа Иван Иванович Чичерин был отстранен от центральных постов и после 1613 г. в чине дьяка служил на воеводствах[1].

Еще один думный дьяк Поместного приказа Петр Алексеевич Третьяков имел крайне нестабильную политическую позицию: был думным дьяком на стороне Тушинского вора[2], в августе 1610 г. — в боярском правительстве, затем в стане кн. Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого, потом в январе 1612 г. снова в боярском правительстве[3], осенью 1612 г. был уже в чине думного дьяка Поместного и Посольского приказов Объединенного ополчения[4]. Участвовал в выборах нового царя М. Романова и присутствовал на его венчании[5], с 13 июля 1613 г. — думный дьяк Посольского приказа, и с ноября 1613 г. — Устюжской чети[6]. По мнению Н.М. Рогожина, благодаря П.А. Третьякову были восстановлены дипломатические связи со многими государствами после неблагоприятных событий Смутного времени и возвращены некоторые утраченные русские земли[7].

Дьяк Степан Михайлов Соловецкий приехал к Сигизмунду III под Смоленск из Тушино 27 января 1610 г., получил чин думного дьяка, в январе 1612 г. был приближенным коменданта Московского Кремля А. Гонсевского с боярами в Москве[8], но после 1613 г. о нем ничего не известно.

Судьба думного дьяка Новгородской чети Кирилла Скоробовецкого[9] после 1613 г. также не известна.

Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI– XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 121, 159.

[1] *Барсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 295.

[2] *Рыбалко П.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века. М., 2011. С. 125, 126, 128 и др.

[3] СГГиД. Ч. 3. М., 1822. № 277. С. 583.

[4] *Рыбалко П.В.* Российская приказная бюрократия... С. 125, 126, 128 и др.

[5] СГГиД. Ч. 2. № 188. С. 533; Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением его императорского величества канцелярии. Т. 1: 1612– 1628 г. СПб., 1850. Стб. 97.

[6] Дворцовые разряды... Стб. 100.

[7] *Рогожин Н.М.* Посольский приказ. Колыбель Российской дипломатии. М., 2003. С. 74.

[8] *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610 1611 гг. // Чтения ОИДР. М., 1911. Кн. 4. С. 77; СГГиД. Ч. 2. № 208. С. 451; Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. 1588– 1632. СПб., 1851. № 183. С. 326, 329; Боярский список 1610/11 г. // Чтения ОИДР. М., 1909. Кн. 3. С. 268.

[9] *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 478; Памятники дипломатических

Таким образом, из девяти думных дьяков подконтрольного Сигизмунду III боярского правительства Москвы в 1613 г. только П.А. Третьяков вошел в состав нового правительства, два думных дьяка вернулись с Филаретом после заключения Деулинского перемирия. То есть, если основная масса чиновников приказной системы управления Московского государства при смене правителей продолжала свою службу, принося очередную присягу верности, и смена персонального состава шла своим естественным путем, как и в другие периоды Смуты, то для думных дьяков выраженная ранее ими политическая позиция имела прямую взаимосвязь с тем, какая сила оказалась в итоге у власти.

И хотя стране нужны были опытные управленцы, место при Государевом дворе получали только проверенные деятели. Приказные служащие высших думных чинов, сделавшие головокружительную карьеру при самозванцах и Сигизмунде III, возглавлявшие приказы при Боярской думе периода междуцарствия, в состав нового правительства включены не были[1].

Но кто же из дьяков был пожалован думным чином при новом правителе в 1613 г.?

В приказе Казанского дворца — думный дьяк Алексей Захарьевич Шапилов[2] (был подьячим, дьяком в Казани, а затем в приказе Казанского и Мещерского дворца на начальном этапе в боярском правительстве, потом в Первом (Подмосковном) ополчении[3]); в Разрядном приказе и приказе Большого дворца — думный дьяк Сыдавной Васильев[4] (ранее был дьяком Посольского приказа при Боярской думе, затем стал думным дьяком в Разрядном приказе и приказе Большого дворца Первого (Подмосковного) и позже Объединенного ополчений[5]); в Поместном приказе — думный дьяк Федор Шушерин[6] (ранее был думным дьяком Поместного приказа Первого (Подмосковного) и позже Объединенного ополчений[7]).

сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. IV: 1598 1608 гг. // Сборник РИО. Т. 137. М., 1912. С. 17.

[1] *Рыбалко Н.В., Ивина А.В.* Думные дьяки Сигизмунда III... С. 59.

[2] *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI XVII вв. М.; СПб., 2015. С. 76.

[3] *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия... С. 279, 365.

[4] *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы... С. 41, 159.

[5] *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия... С. 451.

[6] *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы... С. 128.

[7] *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия... С. 501.

С 27 февраля 1613 г. к исполнению своих обязанностей приступил Ефим Григорьевич Телепнев, назначенный печатником[1]. Известно, что он начал службу подьячим в В. Новгороде в правление Б.Ф. Годунова, при Лжедмитрии I был пожалован в дьяки, а в 1606–1610 гг. фактически возглавлял Новгородскую приказную избу[2]. Дьяк Иван Тимофеев, сосланный В.И. Шуйским в В. Новгород на службу вторым дьяком, называл Е.Г. Телепнева «советником» царя, «совещателем на убийство», говоря о нем «...злонраводейственен бо той и злопомнив, прелукавен же и самолюбец»[3]. В Новом летописце отмечается любопытный факт: 8 сентября 1608 г. Е.Г. Телепнев вместе с воеводой и окольничим М.И. Татищевым тайно покинули В. Новгород и прихватили с собой казну, запятнав себя многочисленными злоупотреблениями и испугавшись народной расправы. В Ивангороде они рассчитывали дождаться шведского вспомогательного войска[4]. Намерение осуществить не удалось: М.И. Татищев был обвинен в измене и убит, а в 1608 г. состоялась распродажа его имущества[5]. Е.Г. Телепнев, тем не менее, продолжил службу. «Ведая» Денежным двором «при литве», он был обвинен в присвоении казны и сидел в 1611 г. «за приставом»[6]. По мнению Л.М. Сухотина, назначение Е.Г. Телепнева, «сидевшего при литве» с боярами, вместо Меркурия Любученинова, ставленника Д.М. Пожарского, свидетельствует о влиянии новой Боярской думы[7]. Интересно, что Е.Г. Телепнев возглавлял приказ Денежного двора с 1610/11 до 1626 г.[8]

Таким образом, места в Думе традиционно получили четыре дьяка тех же самых приказов, что и в предшествующие правления. Все они имели опыт приказной службы в чине думных дьяков. Также был определен печатник. Новых сенсационных назначений в 1613 г. не произошло. Преимущество имели думные дьяки, служившие в ополчениях. Это и понятно, так как к моменту избрания М. Романова действующими были только приказы Объединенного ополчения, на основе которых было сформировано временное правительство.

---

[1] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столбцы Печатного приказа). М., 1915. С. XX.

[2] *Рыбалко И.В.* Российская приказная бюрократия... С. 296–297.

[3] Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 105

[4] Новый летописец // Временник ОИДР. Кн. 17. М., 1853. С. 84–85.

[5] Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михаилы Татищева в 116 г. // Временник ОИДР. М., 1850. Кн. 8. С. 16–18.

[6] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы... С. XX.

[7] Там же. С. XX.

[8] *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы... С. 58.

Л.М. Сухотин отметил тот факт, что «избрание царя не сопровождалось значительными переменами в рядах приказной администрации, было причиной устойчивости правительственной деятельности в первые годы царствования Михаила Федоровича»[1].

В 20-х числах февраля 1613 г. были даны последние указы от имени Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского. Далее вплоть до начала мая 1613 г., как отметил Л.М. Сухотин, грамоты составлялись от имени Земского собора, а со второй трети апреля еще и от Боярской думы. Пока Михаил Романов со своим окружением не прибыл в Москву, до 2 мая 1613 г. существовало два правительства: 1) бояре и в исключительных случаях Земский собор в Москве, 2) царь вне Москвы[2].

Исследователи в этот период усматривают даже некоторое противостояние и борьбу за власть между молодым царем с его формирующимся окружением, с одной стороны, и Боярской думой — с другой. Как отметил Р.Г. Скрынников, вскоре после избрания царя боярин Ф.И. Шереметьев, находясь в так называемом «царском поезде», писал Ф.И. Мстиславскому о необходимости прислать «государеву печать и боярский список», так как «многие государевы грамоты стали»[3]. Земское правительство в то же время продолжало назначать воевод в города для управления, пока не выяснилось, что из походной канцелярии царя уже были сделаны новые назначения[4].

Большое число российских городов в ходе Смуты подверглось разорению, земли запустели и к царю с марта 1613 г. хлынул поток челобитных с просьбой восполнить не выплачиваемое годами жалованье и большие имущественные потери, освободить от уплаты пошлин «из-за бедности»[5]. От имени царя, а иногда от имени Боярской думы дьяки уже с 3 марта 1613 г. рассматривали челобитные, приписывая на обороте распоряжения для дьяков московских приказов о необходимости выдать деньги челобитчикам, «как деньги будут»[6].

Государство волновал главный вопрос кризисного времени: поступление доходов в казну. Начиная с мая 1613 г. было составлено множество царских и указных грамот, решения которых были про-

---

[1] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы... С. XXIII.
[2] Там же. С. XXI.
[3] Цит. по: *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 174.
[4] Там же. С. 176.
[5] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы... С. 1—202.
[6] Там же. С. 2.

дублированы в грамотах Земского собора. Так, 2 мая 1613 г. от имени царя была послана грамота Строгановым с указанием прислать денежные доходы за 1613 г. и за прошлые годы на жалованье ратным людям[1]. Вслед за этим документом по городам была разослана грамота Земского собора с аналогичным призывом собрать налоги и пошлины, отдав их государевым сборщикам. Налоги, как следует из текста грамоты, были необходимы, прежде всего, чтобы заплатить жалование ратным людям за подмосковное сидение, за избавление от польских и литовских людей, за спасение православной веры и отечества, а также «сверх государевых оброчных доходов... для честных икон и святых Божьих церквей... в займы денег, хлеба и соли»[2].

Известно, что важной проблемой Смуты стало запустение земель и запутанность в вопросе землевладения. Нужно было разбираться, кто имеет право и в каких границах владеть вотчинами и поместьями с учетом многочисленных взаимоисключающих пожалований первого и второго самозванцев, Василия Шуйского, Сигизмунда III и правительств земских ополчений.

Как отмечали и Л.М. Сухотин, и Р.Г. Скрынников, к 1613 г. фонд поместных и дворцовых земель сильно сократился[3]. 30 ноября 1613 г. было велено всем явить вотчинные грамоты, было предписано урезанные вотчины перевести в разряд поместий[4]. Что касается дворцовых земель, то за 1612—1613 гг. земские власти роздали дворянам около 60 тыс. десятин, вернуть которые новое правительство было не в состоянии. За 1613 г. правительство роздало еще 7 тыс. десятин дворцовых земель и 13 тыс. десятин черных земель[5].

Д.Ю. Лащенов в своем исследовании показал, что на первом этапе в 1613—1616 гг. царь активно осуществлял раздачу земель приближенным к нему людям. Этим, очевидно, Михаил Романов пытался укрепить свою личную власть и через земельные пожалования заручиться поддержкой ближайшего окружения. Второй этап, с 1616 г., включал раздачу земель служилым людям, проявившим себя в Смутное время, и расширение монастырских вла-

---

[1] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук: в 4 т. Т. 3. СПб., 1836. № 3. С. 2—4.

[2] Там же. № 4. С. 4—7.

[3] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы... С. XXIII.

[4] *Скрынников Р.Г.* Михаил Романов. С. 193.

[5] Там же. С. 223—224.

дений. Многие грамоты предназначались служилым людям или их родственникам, которым были дарованы земли в разных регионах страны за заслуги перед Отечеством. Третий этап ознаменован началом мероприятий по восстановлению прав на частновладельческие земли. Указ 1618 г. «О восстановлении вотчинных грамот и крепостей, утраченных в "разоренье"» предполагал, что земли восстанавливались в тех пределах, в которых они находились до 1605 г. В продолжение этого в 1622 г. Земским собором был объявлен «Большой сыск» поместных и денежных окладов стольников, стряпчих, дворян московских, дьяков, жильцов, дворян и детей боярских всех городов, голов и сотников[1].

Таким образом, первый год правления нового царя Михаила Романова в сложных социально-политических условиях Смуты был ознаменован началом стабилизации в России: сфера управления почти не претерпела реформирования за исключением смены большей части руководящего дьяческого аппарата думных чинов: приоритет отдавался тем, кто служил на стороне земских ополчений. Хотя публичных мероприятий по объявлению дьяков изменниками не проводилось, кроме осуждения всем известного Федора Андронова, который, впрочем, будучи по происхождению из торговых людей, не слишком много времени провел в приказной среде. Не назвали изменниками и членов боярского правительства, находившихся в осаде в Москве, обозначив их статус как заложников. Нужно было суметь всеми имеющимися ресурсами вывести страну из экономического кризиса, в первую очередь пополнив государеву казну, что могли осуществить только люди, имевшие опыт приказной службы.

[1] *Лащенов Д.Ю.* Правовое регулирование земельного вопроса в России на пути выхода из Смуты в 1613 1618 гг. // Материалы научной сессии. Сборник материалов: в 6 ч. Ч. 1. Исторические науки и археология. Политические науки и регионоведение. Социальные науки. Сервис и туризм. Волгоград. С. 29 - 31.

Воробьев А.В.

Восстановление деятельности Разбойного приказа и губных изб на исходе Смуты

Смутное время начала XVII в. — период гражданской войны и иностранной интервенции. Как всегда бывает в эпохи перемен, в деятельность существовавших административных институтов был внесен разлад, а на фоне борьбы за власть стали действовать многочисленные шайки разбойников, зачастую совершавших уголовные преступления под лозунгами тех или иных политических сил.

Размах преступности был настолько велик, что еще до завершения Смуты лидеры Первого ополчения задумались, как можно быстрее покончить с беззаконием. В принятом 30 июня 1611 г. приговоре читаем: «и от всякого воровства унимать и наказанье и смертную казнь чинити, а на то устроить Разбойной и Земской приказы потому ж, как преж сего на Москве было» . Речь шла о создании особых приказов ополчения, дублировавших существовавшие московские учреждения. Среди последних был и Разбойный приказ — центральное учреждение страны, главной задачей которого являлась борьба с наиболее тяжкими преступлениями — разбоями, убийствами, воровством и поджогами. Но в годы Смуты это ведомство пребывало в состоянии кризиса, практически не отвечая за правопорядок, поскольку из-за войны его связь с агентами на местах была чрезвычайно зыбкой. Там же, где московское правительство не имело власти, эти функции пытались брать на себя те, кто контролировал эти территории. Однако борьба с преступностью была не слишком удачной. В основном она велась силами отдельных миров без всякого объединяющего руководства. Во всяком случае нам неизвестно о создании соответствующих приказов ни у одной из сил, противостоявших центру.

Перелом наступил осенью 1612 г. сразу после освобождения Москвы от польского гарнизона. Уже на пятый день после освобождения Кремля (1 ноября 1612 г.) лидеры Второго ополчения князь Д.Т. Трубецкой и князь Д.М. Пожарский отдали распоряжение дьяку Поместного приказа Герасиму Мартемьянову собрать воедино все уцелевшие документы Разбойного приказа . Задача была не из легких, как признавался позднее Мартемьянов: «после Московского разорения сыскивали Поместного приказу дел, писцовых и дозор-

ных книг и столпов и дач в Посольском приказе и по иным розным приказом (далее по тексту упоминается также Казенный двор)...» .

Одновременно руководством Второго ополчения было создано особое экстраординарное ведомство, разбиравшее «многие дела судные, и разбойные и татиные, и холопьи, и всякие земьские дела». Его возглавлял князь Федор Волконский. Под его руководством были дьяки Пешек Жуков и Яков Демидов, а также большое количество подьячих . Оно действовало в конце 1612 — начале 1613 г. до избрания Михаила Романова на царство и в известной мере выполняло функции судебных приказов, в том числе и Разбойного.

Некоторое представление о деятельности Разбойного приказа в первые годы после избрания Михаила Романова нам дают записи о выдаче актов в пошлинных и беспошлинных книгах Печатного приказа за 1613—1616 гг. По данным двух пошлинных (февраль — август 1613 г. и сентябрь 1613 — июль 1614 гг.) книг и беспошлинной книги (12 августа 1613 — позднее 19 августа 1616 гг.) за неполные три года и шесть месяцев из Разбойного приказа было выдано около сотни указных грамот частным лицам. Столь небольшая цифра связана как с не очень хорошей сохранностью раннего делопроизводства, так и с тем, что в этом приказе фиксировались только указные грамоты, выдаваемые центральными органами власти по инициативе челобитчиков, составлявшие лишь небольшую долю реального делопроизводства правительственных учреждений.

Самой частой категорией актов, сохранившихся в пошлинных и беспошлинных книгах 1613—1616 гг., являются указные грамоты о проведении обыска, расследовании разбоев и краж. Меньшая часть записей посвящена организационным аспектам функционирования губных учреждений — кадровым вопросам (о выборах и сроках пребывания на посту губных старост и целовальников), строительству тюрьмы, решениям по челобитным на губных старост, которые были полностью подсудны Разбойному приказу .

Большое значение для деятельности приказа имела работа дьяка Т.Г. Корсакова, начавшего свою службу в нем еще с середины 1590-х годов, но в целом в Разбойном приказе, особенно остро в 1613—1618 гг., наблюдалась «текучка» кадров. Почти все дьяки служили около года. С такой же частотой менялись и судьи. Дольше всех в эти годы сидел в приказе дьяк в приказе Н. Нальянов (с 1613 по март 1615 гг.), а из судей — выборный дворянин Ю. Мусин-Пушкин .

Особо следует отметить деятельность подьячего Н.В. Постникова по составлению новой редакции Указной книги Разбойного приказа 1616/17 г. Ее важность заключалась в том, что со времени Судебника

Ивана IV 1550 г. было издано немало указов, которыми следовало руководствоваться в судебной практике. Однако они если и не погибли, то затерялись среди старых приказных документов. Между тем, судопроизводство требовало внесения всех законодательных новелл в Указную книгу Разбойного приказа. Помогло ее составителям то, что из Разрядного приказа прислали тетради с необходимыми указами .

Указная книга предназначалась для собственного пользования в приказе. Составители скомпоновали ее как черновой материал для дальнейшей законодательной работы. Несмотря на такой неофициальный характер, Указная книга получила распространение на местах уже с начала 1620-х годов. Это говорит о том, насколько сильно приказные люди в провинции нуждались в подобном кодексе.

Особо следует остановиться на практической деятельности Разбойного и других приказов по борьбе с ворами и разбойниками. Реконструкция целостной картины восстановления институтов, противостоявших уголовным преступлениям, требует серии отдельных исследований для каждого из регионов . Пока что наиболее разумным будет ограничиться некоторыми предварительными замечаниями, которые подкрепляются в том числе и более поздним материалом 20-х — 40-х годов XVII в.

По заведенному еще до Смуты порядку выбранный губной староста, дьяк и целовальники являлись в Разбойный приказ для принесения присяги. Там же они, по-видимому, получали детальные инструкции как на словах, так и на бумаге. Регулярная переписка, в которой приказ контролировал деятельность своих подопечных, и регулярные поездки к начальству в Москву способствовали выправлению и стандартизации работы губных изб.

Кроме того, Разбойный приказ стремился возобновить институт губных старост там, где это было возможно. Зачастую это стремление находило живой отклик у части населения. В Устюжне Железнопольской, повинуясь грамоте из Разбойного приказа, выбрали губного старосту, а затем защищали его от противников, которые утверждали, что «преж сего на Устюжне губные старосты не бывали», а потому требовали упразднения этой должности .

С другой стороны, посадские люди Шуи жаловались на своеволие губных чинов, вымогавших еду и питье и грозивших поклепом, подметом ворованной вещи или оговором . В данной ситуации Разбойному приказу предстояло решать: шла ли речь о несправедливом обвинении губного старосты частью жителей, или с самоволием своих агентов.

Каковы бы ни были успехи Разбойного приказа в организации местной администрации, она не обладала необходимой широтой

полномочий и людскими ресурсами, чтобы извести банды разбойников. Здесь на помощь губным старостам из Москвы присылали сыщиков — эмиссаров, наделенных большими правами и получавшими в свое распоряжение вооруженные отряды, которые делали сыщиков эффективным инструментом для уменьшения уровня преступности.

Однако и эти чрезвычайные посланники были не всесильны. Как хорошо видно на примере Шуи, сыщики буквально сменяли друг друга, не в силах справиться с разбойниками и ворами за один раз — в 1614 г. на место Луки Битяговского прибыл Павел Кузьминский . Из актового материала более позднего времени видно, что перед нами обычная практика, поскольку сыщики могли передавать друг другу полномочия в одних и тех же уездах по два-три раза в течении пяти и более лет .

Столь долгое пребывание на местах, сочетавшееся с напряжением ресурсов, не позволяло направлять сыщиков повсеместно. К их услугам старались прибегать лишь в крайнем случае. Однако нельзя однозначно противопоставлять экстраординарных (сыщиков) и ординарных (губных старост) агентов правительства. В последние годы Смуты к привычным функциям сыщикам добавилась еще и организационная. Прибыв в уезд, они принимали дела и казну у губных старост, которые поступали в их распоряжение. Вместе с сыщиком обычно присылался подьячий из Разбойного приказа. Вместе они наводили порядок в деятельности губной избы, инспектировали ее работу, чем способствовали возрождению системы местного управления, которой предстояло выдержать еще один, пожалуй, последний на исходе Смуты удар.

Осенью 1617 г. с походом на Москву выступил королевич Владислав, добиваясь обещанного ему в 1610 г. престола. В очередной раз сумятица военного времени была на руку ворам и разбойникам, да так, что зачастую население не могло понять с кем оно имело дело — с литовскими людьми, черкасами, русскими предателями или с обыкновенными преступниками.

Уже после заключения Деулинского перемирия в декабре 1618 г. воеводы, губные старосты и приказные люди многократно писали в Разбойный и другие приказы о том, что истцы требуют приставов, чтобы изъять поличное у тех, кто ограбил их во время войны, но дать приставов без указа из Москвы местные власти не решались. В результате 10 июля 1619 г. состоялся боярский приговор Боярской думы, запретивший расследование краж и разбоев, совершенных во время похода Владислава в 1617–1618 гг., «потому что война была о ту пору, а не розбой». Гарантировалась и неприкос-

новенность имущества, взятого во время боевых действий или найденного где-либо на дороге , но лишь в том случае, если оно было записано в специальные книги на местах. Если же подобная запись отсутствовала, то имущество отписывали на государя, однако и тогда ответчик не преследовался по закону .

Амнистия, провозглашенная на собрании московских бояр, стала своеобразным послесловием к заключительному этапу Смуты, завершившемуся принятием Деулинского перемирия в декабре 1618 г. Что же до выработанных на исходе Смуты методов восстановления деятельности Разбойного приказа и его агентов на местах, то они активно использовались и позднее в царствование Михаила Федоровича, а со временем даже стали частью административной рутины, получив дальнейшее развитие во второй половине XVII в.

Перхавко В.Б.

Торговля и купеческая среда России на закате Смуты (1613–1618 гг.)

Для Смутного времени были характерны быстротечные и резкие изменения ситуации, возрастание вертикальной и горизонтальной мобильности практически всех социальных слоев русского общества, повышение роли народных масс. Вместе с тем, несмотря на голод, эпидемии, военные действия, ожесточенную борьбу за власть, народные движения, большинство городского и сельского населения России придерживалось привычного образа жизни: люди рождались и умирали, заключали браки, жертвовали церкви; крестьяне пахали и убирали урожай; ремесленники производили свои изделия; купцы торговали; продолжалось освоение Сибири...

Однако, за редким исключением в отечественной и зарубежной историографии не уделяется должное внимание повседневной жизни России в Смутное время, в том числе в торгово-экономической сфере. Лишь в последние два десятилетия стали появляться новые работы такого плана (А.В. Антонов, А.А. Селин, Т. Бохун)[1].

[1] См., например: *Антонов А.В.* Из частной жизни служилых людей рубежа XVI– XVII веков // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 1999. С. 160 174; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008; *Бохун Т.* Кошки, мыши и люди или проблема снабжения польского гарнизона в Москве в 1610–1612 гг.: картина из торговых отношений в Московском государстве в эпоху Смуты // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI XIX вв.: сб. мате-

Смутное время не завершилось с освобождением Москвы от польско-литовских интервентов в начале ноября 1612 г. и избранием царем Михаила Романова в феврале 1613 г. И не только потому, что иноземные интервенты по-прежнему занимали ряд районов страны, а король Сигизмунд III и шведский королевич Карл Филипп продолжали претендовать на царский трон. Далеко не сразу удалось подавить мятежные казачьи отряды, не желавшие подчиняться новым властям. Кроме того, вне пределов Московского государства находился до 1617 г. Великий Новгород, оказавшийся в годы Смуты в уникальной политической ситуации.

Военно-политическая и социально-экономическая обстановка в России до конца 1618 г. продолжала оставаться сложной и неустойчивой. Осенью 1618 г. отряды казаков и юртовских татар грабили население ряда волостей Владимирского и Нижегородского уездов[1]. «Воровские люди шиши», происходившие из крестьян, наводили страх на приказных и торговых людей, путешествовавших в 1615–1616 гг. по Новгородской земле. Так, в 1616 г., совершив в районе «меж Кривой луки до Оской реки» нападение на судно с 44 бочками ржи «торгового немчина» Ягана поморянина, они стали захваченную рожь продавать, а то и отдавать даром митрополичьи и помещичьим крестьянам («мужикам»)[2]. Военные действия и грабежи мешали нормальному товарообмену между районами страны.

В Смутное время многие торговые люди разорились, но кое-кто из них сумел повысить не только имущественный, но и социальный статус. Наряду с Федором Андроновым, дьяками стали еще несколько выходцев из среды: гости Меньшой Булгаков, Кирилл Скоробовицкий; члены Гостиной сотни Булгак Милованов и Жлан Шипов. Если для первых то было повышение на одну ступень на чиновной лестнице, то для вторых — сразу на две[3]. На переговорах с польской делегацией в 1615 г. русские дипломаты, ссылаясь на действия короля Сигизмунда III осенью 1610 г., напоминали: «прислали... в казначеи кожевника детину Фетку Ондронова, в думные дьяки овчинника Степана Соловецкого да

риалов Второй международной научной конференции. Курск, 2009. С. 43–49.

[1] Нижний Новгород в XVII веке. Горький, 1961. № 17–23. С. 48–58.

[2] *Черепнин Л.В.* Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме // Проблемы источниковедения. 1961. Т. IX. С. 254–256.

[3] *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие в XV–XVII вв. М., 1975. С. 222, 378, 479–480; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 84, 97–98, 102, 110, 232, 240, 243; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009.С. 529, 586, 589, 606, 613, 626, 634.

замошника Баженка, да суконника Кирилка, Ваську Юрьева поповича и иных таких же простых худых людей». В ответ один из польских представителей, Ян Гридич, отстаивая притязания королевича Владислава на российский престол, укорял русских послов: «Часто вы говорите о Федоре Андронове, что человеку гостиной сотни непригоже было казенным урядником быть; но это случилось по утверждению ваших же больших людей, что и при прежних государях такие у таких дел бывали. Да и теперь у вас не лучше Андронова Кузьма Минин, мясник из Нижнего Новгорода, казначей и большой правитель, всеми вами владеет, и другие такие же многие по приказам у дел сидят»[1]. В 1614 г. царь Михаил Федорович повелел казнить «Фетьку Андронова, которой на Москве воровал всех больши, а был купецково чину»[2].

Сохранилось несколько жалованных грамот членам привилегированных купеческих корпораций, выданных от имени царя Михаила Федоровича в 1613—1614 гг. 20 июня 1613 г. в Печатном приказе была «запечатана жаловальная грамота Суконной сотни торгового человека Бажена Дементьева сына Клепышникова: ни в каком деле ему и его детям креста не целовать, а целовать людем их, и по городом ни в чем судить их не велено»[3]. 30 июня 1613 г. в Печатном приказе была оформлена грамота «в Ярославль по челобитью Гостиной сотни Булгака Милованова: не велено в Ярославле жены и детей его з двора ссылати»[4]. Члену Суконной сотни Ивану Онофрееву была дарована 25 мая 1614 г. еще одна привилегия: «питье ему держати про себя безъявочно»[5]. 14 июня 1614 г. «по приказу постельничего и наместника трети московские Костентина Ивановича Михалкова для его службы» была запечатана за 2,5 рубля «жаловальная грамота кормленою красною печатью гостя Федора Максимова против прежних государей грамот, что ему самому в ыскех креста не целовати»[6].

Правительство царя Михаила Федоровича вернулось к практике составления поручных записей. Так, в поручной записи 1613 г. торговых людей Харитона Самойлова с товарищами по торговому человеку Гостиной сотни Елисею Родионову давалось обязательство: «не изменять, в Крым и в Немцы и в Литву, и ни в которые государства, и к Маринке, и к сыну ее, и к Заруцку в их воровские полки, и в изменные городы не отъехать, и с ними не знатца, и грамотками и словес-

[1] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. V. М., 1961. С. 36, 49.
[2] Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 212, 216, 219.
[3] Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.). М., 1994. С. 178.
[4] Там же. С. 208.
[5] Там же. С. 367.
[6] Там же. С. 371.

но не ссылатца, и не лазучить, и ни каким воровством не воровать»[1]. Поручная запись 1613 г. Замятни Жданова Селиверстова с товарищами по попу Ивану Софонову была дополнена условием: «и с изменником Федькою Андроновым грамотки и словесно не зсылатца»[2]. Известна также поручная запись торговца Суконного ряда Москвы Михаила Захарьева сына Стругалкина с товарищами по торговому человеку Гостиной сотни Степану Юрьевичу Болотникову[3]. Порой близким приходилось отвечать за неудачные операции родственника-купчины: «А в Третьяково место Кляпикова в купчининых деньгах стоит на правеже брат ево», — отмечалось в материалах российского посольство М.Н. Тиханова в Персию 1613—1615 гг.)[4].

Частые изменения военно-политической ситуации в Смутное время заставляли торговых людей надолго покидать родные места. В Новгороде на время осели несколько торговцев из Вязьмы. Часть московских купцов сочла за лучшее уехать в другие города, и далеко не сразу после освобождения столицы они вернулись домой. 6 марта 1613 г. в ответ на челобитье «гостя Максима Твердикова да Гостиные сотни торговых людей Жлана Шипова да Ондрея да Федота Котовых» нижегородскому воеводе князю В.В. Звенигородскому было велено до весны не высылать их в Москву[5]. Член Гостиной сотни Василий Климшин, выехавший с женой и детьми из Москвы во Владимир, еще в 1611 г. обращался к московским боярам с просьбой о возврате 15 шкур рыси, которые были захвачены польско-литовскими интервентами[6].

Только на Софийской стороне Великого Новгорода во время шведской оккупации покинули место жительства 168 человек. Значительная доля убыли новгородского населения была связана с ухудшением продовольственного снабжения и последствиями эпидемий. Согласно описи Новгорода 1617 г., 368 человек скончались «от правежю и в мор»[7]. На основе материалов писцовой книги Новгорода Великого 1623 г. Е. Болховитинов подсчитал, что по сравнению с 1607 г. в городе стало на 769 единиц меньше тяглых

---

[1] РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. 1613 г. Д. 2. Л. 4.
[2] Там же. Л. 3.
[3] Там же. Л. 1.
[4] Памятники дипломатических и торговых отношений России с Персией. Т. 2. СПб., 1892. С. 247.
[5] Документы Печатного приказа (1613 1615 гг.). С. 20.
[6] Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее: ЧОИДР). М., 1911. Кн. 4.
[7] Опись Новгорода 1617 года. Ч. I. М., 1984. (Памятники отечественной истории. Вып. 3). С. 168.

дворов (1607 г. — 1498, 1623 г. — 729), на 983 человека мужского пола — тяглых людей (1607 г. — 1833, 1623 г. — 850)[1]. В документах упоминаются скончавшиеся посадские жители, в том числе те, кто умер «в моровое поветрие»[2]. По данным, полученным Г.М. Коваленко, все население Новгорода на 1617 г. составляло лишь 5 тыс. человек, сократившись по сравнению с началом XVII в. почти в 6 раз[3]. Непонятно, кому принадлежали каменные палаты на Рогатицах, упомянутые в описи Новгорода 1617 г.: «Двор гостя Истомы Демидова. Место нетяглое с полатою прежние пустоты»[4].

Немалый ущерб городским торговцам наносили пожары. В деле о дозоре Нижегородского посада после пожара 1618 г. содержится информация, что в огне погибли торговые ряды с лавками и анбары с хлебом, солью, рыбой и прочими товарами[5]. Вместе с тем кое-кому из купцов в Смутное время удалось даже улучшить свое благосостояние. К примеру, новгородский гость Первый Прокофьев в период шведской оккупации города разными способами (путем купли, заклада и т.д.) заполучил 4 двора и 8 пустых дворовых мест[6].

Перед созданным в 1613 г. правительством царя Михаила Федоровича стояло немало острых внутренних и внешних проблем. Одной из главных являлась неотложная задача формирования финансовой базы его деятельности и обеспечения вооруженных сил. Поскольку быстро обеспечить в нужном объеме пополнение государевой казны за счет традиционных видов тягла было невозможно, пришлось прибегнуть к экстраординарным сборам, в том числе с торгового люда.

Когда в начале 1614 г. в казне не хватило денег для выплаты жалованья ратным людям, Земский собор «приговорил» дополнительно собрать «от избытков по окладу, кто может от живота своего и промыслу на 100 рублев, с того взяти пятую долю — двадцать рублев, а кто может больше или меньше, и с того взяти по тому же расчету». И с апреля правительство царя Михаила Федоровича уже приступило к сбору с населения «пятинных денег» («пятины»), именующихся в источниках

---

[1] [*Евгений Болховитинов*]. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 78.

[2] Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв. / Сост. И.Ю. Анкудинов. СПб., 2003. С. 10 — 11, 49; *Nordlander I.* Real estate transfer deeds in Novgorod, 1609 — 1616: Text and comment. Stockholm, 1987.

[3] *Коваленко Г.М.* Шведская оккупация Новгорода // Великий Новгород. История и культура IX — XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2009. С. 537.

[4] Опись Новгорода 1617 года. С. 158.

[5] Подвиг Нижегородского ополчения. Нижний Новгород, 2011. Т. 1. CLXXVI. С. 330 — 370.

[6] Опись Новгорода 1617 года. С. 163 — 165; *Голикова И.Б.* Указ. соч. С. 77 — 78.

также «запросными деньгами» («запросом»). Первоначально их «собирали» только с тех торговых людей, кто имел «животов (имущества. — *В.П.*), торгов и промыслов» более чем на 10 рублей. Для одних этот чрезвычайный налог являлся принудительным займом, для других — платой в счет недоимок или будущих налоговых платежей. В.О. Ключевский, например, полагал, что «пятинный» сбор взимался в размере 1/5 (20%) с чистого годового дохода, другие историки (П.Н. Милюков, С.Ф. Платонов) — что со всего наличного капитала[1]. Собрать с торговцев «запросные деньги» оказалось не так-то просто. По свидетельству сборщиков («пятинщиков»), «многие люди животы свои таили» и сказывались небогатыми. К тому же из-за нечеткой приказной формулировки сути чрезвычайного налога («с животов» и «промыслов») на местах возникла масса недоразумений. Кое-кто из окладчиков стал даже описывать всякое имущество налогоплательщиков, менее ретивые сборщики налога руководствовались лишь записями стоимости товаров в таможенных книгах. Нередко денежная сумма «пятинного» сбора зависела не только от благосостояния торговца, но и степени его сопротивляемости натиску «пятинщиков»[2].

Как свидетельствуют записи в приходо-расходной книге Разряда 7123 года (1614/15), думный дворянин Кузьма Минин, который еще четырьмя годами ранее был простым нижегородским мясником, активно собирал «запросные деньги» с «гостей и с торговых людей, и с сотен, и слобод» для уплаты жалованья ратным людям. 28 сентября 1614 г. он сдал в Разрядный приказ 480 рублей 5 алтын, 22 января 1615 г. — 100 рублей, а 1 марта — 44 рубля и 20 алтын[3]. 4 ноября 1614 г. в Разрядном приказе была составлена «память» о выдаче денег стольнику И.И. Плещееву взамен взятых у него Мининым на раздачу жалованья ратным людям в Нижнем Новгороде[4]. Не успев полностью собрать первую «пятину», власти в апреле 1615 г. уже приступили к сбору второй. Собранные таможенные, мытные, откупные и прочие пошлины шли на содержание не

---

[1] *Милюков П.П.* Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 60; *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 ти т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 219– 220; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 345.

[2] *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. М., 1908. С. 28.

[3] Русская историческая библиотека (Далее: РИБ). Т. 28. Кн. 1. СПб., 1912. Стб. 282, 286, 287.

[4] РГАДА. Ф. 141. Д. 7. Л. 5; *Воскобойникова И.П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII века (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Кн. II. М., 1999.С. 13.

только царского двора, но и воевод, губных старост, стрельцов, пушкарей, о чем свидетельствуют, в частности, материалы приходо-расходных книг земских старост Балахны 1617/1618 г., опубликованные С.В. Сироткиным[1].

Несмотря на нехватку средств, правительство раздавало некоторым привилегированным русским и иностранным торговцам тарханные грамоты. В 1614 г. царь Михаил Федорович пожаловал льготами голландских купцов «для их многово разоренья и убытков, что им учинилось в Московском государстве и в городех в смутное и безгосударное время от польских и литовских людей и от черкас»[2]. До нас дошла «роспись» 7121—7124 (1613—1616) гг. «у кого Устюжские чети в городех по государевым жалованным грамотам не взято таможенные пошлины с тарханщиков». Из 56 записей 31 относится к монастырям, 15 — к иноземцам, 10 — к русским гостям и торговым людям (Г. Жаворонкову, Ф. Котову, Н. Светешникову, М. Строганову, Г. Юдину и др.)[3]. В ответ на просьбу сотского Степана Киприянова и «всех посадских жилцов» Архангельска, жаловавшихся на тяжесть налоговой нагрузки из-за убыли части тягленов, 1 августа 1613 г. была оформлена царская грамота Михаила Федоровича Архангельскому посаду. После подписания Столбовского мира 1617 г. в пригородах и уездах Новгородской земли (Ладоге, Порхове и др.) таможни и кабаки были отданы на откуп частным лицам[4].

Условия рыночной деятельности в Смутное время существенно усложнились. Из-за частых ограблений, от которых нельзя было уберечься, часть русских торговцев в те годы разорилась. И все-таки их профессиональная активность продолжалась, обеспечивая товарообмен, без которого не могло существовать ни городское, ни сельское население страны.

К услугам торговых людей нередко прибегала и казна. 13 июля 1613 г. она закупила у купца Афанасия Твердикова за 27 рублей 50 золотых монет (по 18 алтын за каждую)[5]. Московские барышники Василий Данилов и Григорий Васильев в 1615 г. поставляли ло-

---

[1] *Сироткин С.В.* Один год из жизни Балахны (по материалам приходо-расходных книг земских старост Балахны 1617/1618 года // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. Материалы Всероссийской научной конференции. Город Балахна Нижегородской области. 6–7 октября 2011 г. Нижний Новгород, 2012. С. 121–182.

[2] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25. М., 2000. С. 220.

[3] РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Д. 5 (Связка). Л. 1–17.

[4] Опись Новгорода 1617 года. С. 144–146.

[5] РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 1.

шадей для Разряда[1]. 24 мая 1613 г. в Печатном приказе была запечатана грамота в Юрьев Польской по челобитью барышника Спирки Юрьева «на келаря на Никифора о управе в хлебе»[2]. В 1614 г. московский гость М. Смывалов обращался к властям с челобитной о выделении ему места под амбар на Архангельском гостином дворе[3].

Торговыми помещениями владели и женщины, которыми имели полное право ими распоряжаться[4]. Они могли не только продавать, но также закладывать и жертвовать принадлежавшие им торговые помещения. 6 июня 1617 г. датирована закладная жены Саввина Быкова Федосьи Исаковой Верещагиной с сыном Петром Савельевым посадскому человеку Василию Юрьеву Кобелеву на лавочное место в Большом ряду Великого Устюга[5].

Объем межобластных рыночных операций в условиях Смуты не мог не сократиться. По подсчетам В.А. Варенцова, в 1613/1614 г. число явок иногородних торговцев уменьшилось в 16,5 раза, а общий товарооборот сократился в 6 раз[6]. В начале февраля 1613 г. в Новгород приехали из Москвы два известных русских купца, сообщивших о выборах нового царя и о том, что кандидатура Михаила Романова предложена казачеством[7].

С торгово-ремесленного населения Новгорода шведами во время оккупации взималась денежная контрибуция. Только 1 и 8 января 1613 (?) г. купец Истома Демидов вынужден был заплатить 100 рублей[8]. Шведы запрещали жителям Порхова в 1613 г. торговать с мятежным Псковом[9]. Как выяснилось из допросов крестьян Порховского и Старорусского уездов, «пристают к ним изо Пскова торговые люди», приезжая «с камками, и с тафтами, и с сукнами» для продажи и закупая тайком у местных жителей «всякие товары, кожи, сало, и пеньку, и лен,

---

[1] РИБ. Т. 28. Кн.1. Стб. 344.

[2] Документы Печатного приказа (1613 – 1615 гг.). М., 1994. С. 125.

[3] РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1614 г. Д. 8. Новгородская четверть. Л. 13– 14.

[4] АЮБ. СПб., 1864. Т. 2. Стб. 443.

[5] РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Устюжская четверть.1624 г. Д. 4. Л. 171– 173.

[6] *Варенцов В.А.* Торговля и купечество Новгорода по данным таможенных книг 1610/11 и 1613/14 гг. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994; Новгородские таможенные книги XVII в. Великий Новгород, 2009. С. 100, 115.

[7] Арсеньевские шведские бумаги. I. 1611– 1615 гг. // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 20 – 22.

[8] *Якубов К.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива. М., 1890. С. 46.

[9] *Замятин Г.А.* «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613 – 1614 гг. Великий Новгород, 2012. С. 25.

и съестные запасы», и, в свою очередь, «волостные люди то таят и в городех воеводам и приказным людям не объявливают», хотя «в городы из Новагорода о том писано многижда, а велено того псковичем беречи накрепко, что товаров никаких продавати не велено, потому что Псков с Новгородцким государством не в соединенье»[1]. В ходе расследования незаконной торговли, производившейся с позволения порховского воеводы, представители новгородских властей обнаружили и опечатали товары (меха белки, горностая, лисицы, связки льна и пеньки), принадлежавшие заезжим псковским купцам. Семеро крестьян Порховского и Старорусского уездов, уличенных «во псковском в товарном деле», были приговорены шведским правителем-военачальником Я. Делагарди и боярином И.Н. Большим Одоевским к наказанию кнутом и конфискации закупленных товаров. После наказания виновных из Новгорода велели «учинить заказ крепкой», дабы впредь «Порховского уезда крестьяне со псковичи никакими товары не торговали до тех мест, покаместа они с Новгородцким государством соединятца»[2]. В Государственном архиве Швеции в Стокгольме сохранились также росписи сукон, взятых у новгородских торговцев для «немецких ратных людей» (1613 г.), отпись в уплате новгородцу Савелью Алексееву денег за соль «немецким людям на корм» (1614 г.)[3].

Отказ новгородцев в 1614 и 1615 гг. от присяги Густаву II Адольфу повлек за собой ужесточение оккупационного режима, репрессии и увеличение поборов. С середины 1614 г. в Новгородской земле уменьшился подвоз продовольствия, сократилась торговля, начался продовольственный кризис, следствием которого стал голод: «В Новгороде голодно, пить, есть нечего, а хлеб купят рожь четверть в рубль и больше». Таможенная книга 1614/15 г. фиксирует сокращение ввоза непродовольственных товаров, что объясняется падением покупательной способности населения. С другой стороны, увеличился ввоз продуктов питания из-за рубежа, в том числе эксклюзивных продуктов: пряностей, европейских вин и пива, немецких сыров, угрей, предназначенных, очевидно, для шведских властей и новгородской верхушки[4]. Вяземский купец Севастьян Воценицын в 1615 г. продавал солдатские куртки и сапоги в шведском королевском лагере под Псковом. Во время шведской

[1] *Черепнин Л.В.* Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме // Проблемы источниковедения. Т. IX. М., 1961. С. 247.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 249.

[4] Новгородские таможенные книги XVII в. Великий Новгород, 2009.

оккупации зелейщик Богдан приобрел 117 солдатских пищальных стволов «в рознь втаи у неметцких солдат недорогою ценою»[1]. 16 июля 1616 г. в Невское устье пришло из Иван-города русское судно-сойма, на котором находился торговый человек Осип Васильев сын Тончюков, привезший «30 мехов соли, 13 бочек ржи, 5 коробочек сахару горозчатого, 2 бочки инберю»[2].

Новгородское купечество проявляло здравый прагматизм[3]. Знавший шведский язык посадский житель Корелы Тимофей Хахин в эпоху Смуты торговал со шведами и сотрудничал со шведскими оккупационными властями[4]. Гость С.Ю. Иголкин участвовал летом 1613 г. в Выборгских переговорах со шведским королевичем Карлом Филиппом и вместе с гостем Иваном Харламовым присягнул ему[5].

Материалы новгородских таможенных книг Смутного времени свидетельствуют об участии в рыночной деятельности как торговцев из посадской среды, так и крестьян. В декабре 1614 г. новгородец Яков Афонасьев сын Коробейников предъявил на таможне «на дву возех шесть туш свиных, бочка да крошня ягод изюму весом десять пуд две чети, три суденка масла коровья весом наголо десять пуд с четью, две бочки меду патоки, два быка» (цена товара — 132 руб.)[6]. В 1617 г. новгородские торговые люди «Иван молодожник с товарыщи» выручили за проданный на государев обиход мед свыше 29 рублей, а у Дмитрия Воскобойникова казной было закуплено 305 четвертей ржи за 610 рублей[7].

Провинциальные торговцы в самый тяжелый период Смуты (1610—1612 гг.), сопровождавшийся анархией и наличием нескольких

---

[1] Опись Новгорода 1617 года. С. 134.

[2] Таможенная книга Невского устья 1615–1616 гг. Л. 17об. Опубликована: Новгородские таможенные книги XVII в. Великий Новгород, 2009.

[3] *Селин А.А.* Торговые люди Новгорода Великого в 1615–1617 гг.: в поисках политического ориентира // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Коломна, 2015. Т. 1: XVI–XVIII вв. С. 35–44.

[4] *Якубов К.И.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1987. С. 270; Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. С. 355; *Коваленко Г.М.* Новгородские переводчики XVII в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17).

[5] См. о роде Иголкиных, переселившихся в Новгород из Пскова: *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 600; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 51–53; *Селин А.А.* Семья новгородских купцов Иголкиных до Смуты, в Смуту и после нее // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Второй международной научной конференции. Курск, 2009. С. 49–53.

[6] *Коваленко Г.М.* Новгородская таможенная книга 1614/15 г. // Новгородский исторический сборник. 2005. Вып. 10 (20). С. 416.

[7] Опись Новгорода 1917 года. С. 143, 147.

центров власти, привыкли заниматься рыночной деятельностью без согласования с московским правительством. Согласно сообщению дворянина Л.С. Плещеева, в 1613 г. новоторжцы «с немецкими людьми ссылались и торговали без ведома бояр, которые Москву очистили»[1]. Несколько торговцев из Осташкова за самовольную поездку в Литву без воеводского разрешения были в марте 1615 г. наказаны кнутом[2].

Гораздо меньше сохранилось материалов о более дальних, заморских поездках русских купцов в Смутное время. В Таллинн, где издавна находилась русская православная церковь св. Николая Чудотворца, ездили чаще всего новгородские и псковские купцы[3]. 23 мая 1617 г. послы царя Михаила Федоровича предлагали бургомистрам и ратманам Таллинна (Колывани) отпустить домой гостя Ивана Харламова после уплаты им долга[4].

Роль южных внешнеторговых ворот России играла Астрахань, через которую ввозились шелковые ткани, шелк-сырец, сафьян, драгоценные камни, нефть, пряности, а экспортировалась икра, пушнина и полотно. Из Астрахани на русские областные рынки поступали также в значительном объеме соль и рыба[5].

Как информирует посольская книга по связям России с Англией 1614—1617 гг., «московской торговой человек» Яков Покрышкин бывал «в Кизылбашех», т.е. в Персии[6]. В 1616 г. тяглец Покровской сотни Москвы Родион Пушник получил разрешение отправиться торговать в Персию вместе с московским посольством при одном условии: «только б заповедных товаров, кречетов, и всяких ловчих птиц, и соболей, и белок, и горностаев живых и железного ничего с ним не было». Его сопровождали три человека, помогавшие упра-

---

[1] *Корецкий В.И., Лукичев М.П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612–1613 гг. // Источниковедение отечественной истории. 1989. М., 1989. № 7. С. 265 - 266.

[2] РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1615 г. Д. 5. Посольский приказ. Л. 1– 12; Сыскное дело частично опубликовано: Русско белорусские связи. Мн.,1963. № 44. С. 63 – 65.

[3] 23 августа 1619 г. гость Иван Харламов составил роспись казны русской церкви св. Николая Чудотворца в Таллинне (Колывани). См.: Древние русские грамоты, хранящиеся в Ревельском городском архиве. Ревель, 1890. С. 60. № 113.

[4] Древние русские грамоты, хранящиеся в Ревельском городском архиве. С. 60. № 112.

[5] См. подробнее: *Штылько А.П.* Астраханская торговля в старину. Астрахань, 1909; *Тушин Ю.П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978. С. 67 и др.; *Васильева О.А.* История возникновения и социально-экономическое положение городов Астраханского края накануне Смутного времени // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. С. 29 – 46.

[6] Посольская книга по связям России с Англией 1614 – 1617 гг. М., 2006. С. 155.

виться с товаром («одиннадцать сороков соболей, двенатцать поставов сукна английского, тритцать пуд костьи рыбьи, пятнадцать дюжин зеркал хрустальных, четыре сорока харек»)[1].

Торговля с Англией и Голландией велась через Архангельск. Согласно Посольской книге по связям России с Англией 1614—1617 гг., 28 июня 1614 г. Боярская дума заслушала информацию московских гостей и торговых людей, торговавших в Астрахани и Архангельске (Родиона Котова «з братьею» Ивана Кошурина, Федора Максимова с сыном, Григория Мыльникова, Ивана Сверчкова, Надею Светешникова, Михаила Смывалова, Григория Твердикова «з братьею», Андрея и Ивана Юдиных)[2]. Проанализировав материалы о консультациях с русскими купцами (преимущественно гостями) в 1617 г. по поводу английской волжско-каспийской торговли, С.Н. Кистерев пришел к выводу о существовании «двух несогласных между собой партий, одна из которых усматривала выгоду для себя и себе подобных, а тем самым и для отечественной экономики в получении крупной прибыли от экспорта сырьевых ресурсов и стремилась возможно большую массу их направить за рубеж» («торговцы-сырьевики» Иван Максимов, Григорий Мыльников, Андрей Юдин), а «другая, нисколько не преуменьшавшая значение для русского рационального хозяйства экспортных операций, стремилась отстоять идею развития в России перерабатывающих отраслей промышленности, как уже ранее существовавших, так и новых» («торговцы-промышленники» Булгаков, Котовы, Кошурин, Иван Юдин)[3].

Несмотря на военно-политическую нестабильность, анархию, беспорядки, грабежи, наличие нескольких властных центров, претендовавших на приоритет, в Смутное время в России сохранялись традиционные формы рыночной активности: лавочная торговля в рядах, обмен с иногородними и иностранными купцами на гостиных дворах, использование кредитов по кабалам. Осуществлялись разного рода сделки с торговыми помещениями (купля, продажа и т.д.). Не прекращался межобластной товарообмен. Лишь в период междуцарствия (июль 1610 — февраль 1613 г.) из-за отсутствия легитимной царской власти не выдавались новые жалованные грамоты членам привилегированных купеческих корпораций. После избрания царем

[1] *Веселовский А.Н.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., Т. 3. С. 156; Перепечатано: *Кашин В.Н.* Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1926. С. 153.

[2] Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 153, 157.

[3] *Кистерев С.Н.* Потребности национальной экономики в представлениях русского купечества начала XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 14. М., 2010. С. 388–389.

Михаила Федоровича страна стала постепенно возвращаться к мирной хозяйственной жизни. Вновь стали выдавать купцам жалованные и проезжие грамоты, возобновилась практика составления поручных записей. Восстанавливались международные торговые связи, предпринимались меры для пополнения торгово-ремесленного посадского населения, хотя для ликвидации экономических последствий Смутного времени понадобилось несколько десятилетий.

Морозова Л.Е.

Окружение царя Михаила Федоровича в первые годы его правления

Царствование первого царя из династии Романовых — Михаила Федоровича — по каким-то причинам не привлекало внимания историков ни до революции, ни после нее. При этом для истории Российского государства оно имело особое значение, поскольку именно тогда было покончено с многолетней Смутой, сотрясавшей устои страны и едва не закончившейся ее гибелью.

В XIX — начале XX в. о царе Михаиле писали: В.Н. Берх, Н.И. Костомаров, П.Г. Васенко, С.Ф. Платонов, Д.В. Цветаев, Е.Д. Сташевский. Но при этом большинство указанных работ было приурочено к юбилейной дате — 300-летию Дома Романовых[1]. В советскую эпоху фигура Михаила Романова не привлекала особого внимания, поскольку заниматься данной тематикой было не принято. Положение начало исправляться лишь в последнее время[2].

Следует отметить, что исследователи, посвящавшие свои труды 300-летию Дома Романовых, не поднимали в них какие-либо научные проблемы. Однако до сих пор перед учеными встает вопрос:

---

[1] *Берх В.Н.* Царствование царя Михаила Федоровича. Т. 1. СПб., 1832.; *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. Вып. 4. СПб. 1874; *Васенко П.Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913; *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. СПб., 1912; *Цветаев Д.В.* Избрание Михаила Федоровича на царство. М., 1913; *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев. 1913. Ч. 1. и др.

[2] *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. М. 1990; *Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996: *Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф.* Первые Романовы. М., 2007 (2-е доп. и переработ. изд.); *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты. М., 2005.

как и с чьей помощью юный боярский отпрыск смог остановить в государстве длительную междоусобицу и начать его восстановление. Ведь традиционно считающийся мудрым соправителем Михаила отец Филарет прибыл из польского плена в Москву только в середине 1619 г. Между тем, к этому времени юному монарху удалось очень многое: отбить все атаки польских и шведских интервентов, разгромить астраханский мятеж Марины Мнишек и Ивана Заруцкого, оформить на царскую службу мятежных казаков, подписать важный мирный договор со Швецией и вернуть России Новгород с окрестностями, заключить перемирие с претендентом на московский трон польским принцем Владиславом и т.д.

Поскольку Михаил Романов сел на престол в возрасте всего 16 лет, не обладая каким-либо управленческим опытом, попробуем определить, кто помогал ему в самом начале царствования. Главным источником для выяснения этого вопроса являются Дворцовые разряды и государственные актовые документы за период с 1613 по 1619 г.[1]

Анализ переписки царя Михаила с временным правительством в апреле 1613 г. во время его длительного путешествия из Костромы в Москву показывает, что избранный монарх не спешил формировать новое правительство. Он опирался на лиц, организовавших избирательный Земский собор. Ими являлись руководители ополчений Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский, глава Костромского посольства Ф.И. Шереметев и окружавшие их лица[2]. Через некоторое время, видимо по просьбе царя, главой временного правительства стал князь боярин Ф.И. Мстиславский, его дальний родственник[3].

Главной же советчицей Михаила Федоровича в это время, несомненно, являлась его мать Ксения Ивановна Шестова, в монашестве Марфа, получившая титул Великой государыни старицы Марфы. В ее окружение входили сестра-инокиня, вдова окольничего М.М. Салтыкова, и ее два взрослых сына Борис и Михаил, которые при дворе Бориса Годунова значились стольниками[4].

---

[1] Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии: в 4 т. Т. 1. СПб., 1850; Собрание государственных грамот и договоров. Т. 2. М., 1819; Т. 3. М., 1822; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1841; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1836.

[2] *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты... С. 153– 170.

[3] Там же. С.153 – 154.

[4] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI – XVII вв. М., 2004. С. 295, 297.

На пути в столицу к избранному царю присоединилось много людей (не менее 200), ищущих его покровительства. Из анализа тогдашней царской переписки с московским правительством можно сделать вывод, что среди указанных лиц были и представители знати, и рядовые члены двора, и дьяки, и городовые дворяне, и казаки. Так в число бояр входили: Ф.И. Шереметев, князь В.И. Бахтеяров-Ростовский, князь И.М. Воротынский, В.П. Морозов. Окольничими являлись: Ф.В. Головин, князь Д.И. Мезецкий; стольниками: князь И.Ф. Троекуров, И.П. Шереметев, князь А.М. Лыков, князь В.С. Куракин, князь Б.А. Хилков, И.И. Бутурлин, князь П.И. Пронский, Ф.В. Волынский. Все они были представителями высшей знати, а некоторые состояли с царем в родстве. В случае необходимости они могли защитить юного государя и войти в новое правительство[1].

Михаил Федорович въехал в Москву 2 мая 1613 г., но официально сесть на царский престол он решил только после венчания на царство. Этот обряд состоялся в день его именин 11 июля этого же года. По именам участников церемонии можно судить о том, кто вошел в состав Боярской думы нового царя.

Главой Боярской думы остался князь Ф.И. Мстиславский, сохранивший за собой чин конюшего. Остались в думе и другие «седьмочисленные» бояре: Ф.И. Шереметев, князь Б.М. Лыков, князь И.М. Воротынский и дядя царя И.Н. Романов. К этому времени еще два боярина (князья А.В. Голицын и А.В. Трубецкой), ранее входившие в это временное правительство, уже умерли[2].

Следует отметить, что оставшиеся в думе бояре состояли с Михаилом Романовым в той или иной степени родства. Этим, видимо, и объяснялось их вхождение в состав нового правительства.

Остались в Боярской думе и члены правительства царя Василия Шуйского В.П. Морозов, князья В.И. Бахтеяров-Ростовский, В.Т. Долгорукий, И.С. Куракин[3]. Кроме того, в его состав были включены руководители ополчений князья Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский. Первому Михаил Федорович подтвердил его чин, полученный от Лжедмитрия II, второй получил его в день венчания на царство.

Необходимо отметить, что часть прежних бояр служила в городах, и приглашать их на службу в Москву царь не собирался. Вместо этого, по совету матери, он стал окружать себя близкими родственниками. Так, в конце 1613 г. он пожаловал боярство своему двоюродному брату (по линии матери) Б.М. Салтыкову, который

---

[1] *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты. С. 208.
[2] Там же. С. 79, 212.
[3] Там же. С. 69–70.

до этого являлся только стольником. Вскоре Салтыков возглавил Дворцовое ведомство, т.е. стал дворецким. Его младший брат Михаил получил чин кравчего[1].

Покровительствуя родственникам, царь стал резко пресекать любые попытки представителей знати местничать с Салтыковыми. Спорщиков нередко отправляли в тюрьму, как, например, прославленного полководца князя Д.М. Пожарского[2].

В первые годы правления царя Михаила Федоровича обстановка в стране была очень напряженная: на севере бунтовали казаки, на юге в Астрахани пыталась создать свое государство Марина Мнишек с Иваном Заруцким, на западные границы нападали шведы, у Смоленска хозяйничали поляки. Но Салтыковых на поля сражения царь не посылал. Они участвовали в дипломатических приемах, семейных празднествах и других увеселительных мероприятиях.

Более того, старший Борис Салтыков вскоре стал особенно близок к государю, поскольку был назначен ответственным за его здоровье и личную жизнь. В его ведении оказались иностранные врачи и Аптекарский приказ.

В 1616 г. невестой молодого царя была объявлена Мария Ивановна Хлопова — дочь одного из представителей многочисленного дворянского рода, активно служивших при царском дворе в XVI в.[3] Можно предположить, что с ней Михаил познакомился еще в детстве, поскольку во время нахождения в ссылке в Клину в 1603—1605 гг. он был под надзором пристава В. Хлопова. Дворяне в то время на службе жили со своими семьями. Еще одной причиной выбора Марии в невесты царю могло быть то, что она состояла в родстве с Желябужскими — родичами Елены Глинской.

По существовавшему обычаю царскую невесту заранее поселили в верхние царские покои и стали готовить к свадьбе: знакомить с будущими правами и обязанностями, шить наряды и т.д. Ей даже изменили имя — после венчания она должна была стать Анастасией, как знаменитая прабабка царя.

Все родственники невесты автоматически влились в число придворных и вошли в ближнее окружение Михаила Федоровича. Естественно, что прежним фаворитам братьям Салтыковым пришлось потесниться, и это им не понравилось. Поэтому они стали

[1] Дворцовые разряды. Т. 1. СПб. 1850. Стб. 120, 123—126.

[2] *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI—XVII вв. М., 1994. № 1000 и дальше.

[3] *Корзинин А.Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период. М.; СПб., 2016. С. 502.

изыскивать любую возможность, чтобы отдалить Хлоповых от двора. И она вскоре появилась.

Внезапно у Марии, казалось беспричинно, началась сильная рвота, которая продолжалась несколько дней. Б.М. Салтыков отправил к ней докторов, но те не обнаружили никакого заболевания. Они просто решили, что желудок и печень девушки дали сбой из-за чрезмерного употребления сладостей. Дело в том, что на Руси особое восхищение у всех вызывали пышные тела девушек, поэтому царская невеста и решила поправиться перед свадьбой.

Но Салтыковых диагноз врачей не устроил, и они стали усиленно распространять слухи о том, что Мария Хлопова серьезно больна, не сможет родить детей, но ее родственники умышленно скрывали недуги девушки, чтобы обманным путем попасть в царский дворец. Об этом вскоре узнала мать царя Великая государыня старица Марфа Ивановна и потребовала, чтобы Хлоповы были изгнаны из дворца. Характерно, что расспросить врачей о заболевании невесты сына она не захотела, поскольку полностью доверяла своим племянникам.

Михаила Федоровича, естественно, данная история расстроила, но он не стал сам принимать решение, касающееся невесты и ее родичей, а поставил этот вопрос для обсуждения на Земском соборе. Его участники, видимо, были заранее подготовлены царскими фаворитами, поэтому вынесли вердикт: лишить Марию звания царской невесты и выслать в Тобольск вместе с бабкой и дядей И. Желябужским[1].

Царь Михаил, видимо, интересовался судьбой своей несостоявшейся невесты, поскольку через некоторое время ее перевели в Верхотурье, а потом в Нижний Новгород. Там ее поселили в доме уже скончавшегося к тому времени Кузьмы Минина[2].

О неблаговидной роли братьев Салтыковых в судьбе царской невесты стало известно только после возвращения из польского плена отца царя Филарета. Вернувшись в 1619 г., он сразу же озаботился тем, что у сына все еще нет наследника. Обнаружив, что высватать невестку-иностранку невозможно, Филарет через некоторое время решил пересмотреть «дело Хлоповой» и для этого повелел создать комиссию уже из своих родственников бояр Ф.И. Шереметева, князя Б.М. Лыкова и князя И.Б. Черкасского. Они выяснили, что абсолютно здоровая Мария проживает в Нижнем Новгороде. Ее родственники сообщили, что вне дворца рвота у нее не повторялась. На хорошее здоровье Марии указали и придворные врачи, а временное недомогание они объясни-

[1] *Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 56.

[2] *Соловьев С.М.* Сочинения. Т. 9. М., 1990. С. 260.

ли неправильным питанием. Дальнейшее расследование показало, что Салтыковы умышленно оболгали царскую невесту, чтобы иметь предлог для удаления ее с родственниками от двора. С Хлоповыми они поссорились из-за турецкой сабли во время осмотра царской казны.

В итоге в 1623 г. Салтыковы были официально обвинены в том, что «государевой радости и живота учинили помешку». Сделали они это «изменою, забыли крестное целование и государскую милость, выше вашея меры все это поставили... Только то и делали, что себя богатили, земли крали, во всяких делах делали неправду, кроме себя никого не видели... а доброхотство и службы государю не показали». За все преступления братья Салтыковы были лишены чинов и имущества и сосланы в отдаленные города: один — в Галич, другой — в Вологду. В Покровский монастырь Суздаля была отправлена и их мать — родная сестра Великой государыни старицы Марфы[1]. На этом закончилось сильное влияние матери на царя Михаила Федоровича. Началось его совместное правление с отцом Филаретом.

Таким образом, видим, что в первые годы царствования Михаила Федоровича большое влияние на него оказывала мать — Великая государыня старица Марфа. В число ближних людей государя были включены ее племянники братья Салтыковы. Один из них стал дворецким, другой — кравчим. Но поскольку они не являлись опытными политическими деятелями, их влияние на царя ограничивалось сферой личной жизни, главным образом, вопроса женитьбы. Проблемы военной опасности, международных взаимоотношений, реформ и т.д. решали другие лица — те, кто избрал Михаила на престол. Среди них преобладали родственники царя по линии отца, которые с древнейших времен стояли у московского престола. В первую очередь это — видные политики и дипломаты князь Ф.И. Мстиславский, Ф.И. Шереметев, полководцы князья Б.М. Лыков, Д.М. Пожарский, Д.М. Черкасский и многие др.[2].

Совместная деятельность с ними помогла Михаилу Федоровичу разгромить Марину Мнишек с Иваном Заруцким, утихомирить «воровских казаков», заключить мирные договоры со Швецией и Речью Посполитой и восстановить в государстве законность и порядок. Со Смутой было покончено еще до возвращения на родину Филарета, но жениться царь смог несколько позднее.

---

[1] *Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 57.

[2] Дворцовые разряды. Т. 1. С. 96—317.

Николаева С.В.

К истории Троице-Сергиева монастыря в период Смутного времени (по синодикам, вкладным книгам и описи 1641/42 г.)

Одной из самых сложных проблем истории Смутного времени является вопрос о демографических потерях. В литературе иногда мелькает оценка в 1,8 млн человек. Некоторые говорят о гибели примерно одной трети жителей страны. Эти цифры строятся на оценке динамики численности населения России в конце XVI — начале XVII вв. Но относиться к ним можно только скептически, ибо зачастую их опровергает анализ писцовых описаний, в частности сравнение количества поселений на одной и той же территории в книгах 1580-х и 1620-х годов. Например, по исследованиям М.С. Черкасовой, в целом по владениям Троице-Сергиева монастыря число жилых дворов во второй четверти XVII в. сократилось по сравнению с концом XVI в. всего на 9,6%[1]. Правда, в эти подсчетах есть определенные неточности, поскольку указанный промежуток охватывает кроме Смуты и другие события, вызвавшие убыль населения, например, голод первых лет XVII в. Поэтому ряд историков, не вдаваясь в детали, предпочитают говорить, что в ряде районов к 1620-м и 1640-м годам населенность была все еще ниже уровня XVI в.

Если подобные затруднения встречаются в общей оценке демографических потерь в Смутное время, то потери во время отдельных сражений и кампаний историки даже не берутся оценивать. Тем не менее, ситуация выглядит не такой безнадежной. Покажем это на примере одного из главных событий Смутного времени — осады Троице-Сергиева монастыря польско-литовскими войсками в 1608 – 1610 гг. Важнейшим источником по численности и составу защитников Троицкой крепости являются синодики.

«Устроение» душ предков в средневековом обществе понималось как семейный долг, который возлагался на родственников усопшего. Исключение составляли одинокие и неимущие, молитвы за которых были обязанностью духовенства вне зависимости от поступления вкладов в монастырь. Особое общественное и государственное значе-

[1] *Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI– XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004. С. 143.

ние имели воинские поминания. Такое отношение к защитникам Отечества было закреплено в решениях соборов и царских указах. В XVI–XVII вв. в приказах велись списки убитых в сражениях и эти сведения дошли до нас в форме синодичных воинских поминаний[1]. Известный Синодик Успенского собора Московского Кремля XIV–XVI вв., имел, по выражению С.Б. Веселовского, значение «государственного», поскольку важнейшим его назначением было «поминание и прославление пострадавших в борьбе за веру, церковь и отечество»[2]. Очевидно, что эта практика осуществлялась и за пределами столицы, о чем свидетельствуют синодики Троице-Сергиева монастыря.

Списки поминаний погибших и умерших в период военных действий содержатся в нескольких троицких поминальных книгах[3]. В этих источниках[4] нашли отражение следующие события: Куликовская битва 1380 г., Суздальское побоище (1445 г.), взятие Казани (1551 г.), нашествие на Москву хана Девлет-Гирея (1571 г.), осада Великих Лук (1580 г.), Ливонская война, военные действия в период Смутного времени (1605–1615 гг.), осада Троице-Сергиева монастыря (1608–1610 гг.), война с Польшей: бои в Дорогобуже (1634–1635 гг.), в Смоленске (1654 г.), городское восстание во Пскове (1650 г.). В троицких рукописях нет точных данных о размере вклада за эти поминания и кормы, но само их появление в этих докумен-

---

[1] Многие из них восходят к списку, сохранившемуся в рукописи XVII в., известному под условным названием «Синодик по убиенным во брани». М.Е. Бычкова опубликовала и проанализировала этот источник. Появление этого документа она связывает с соборным решением 1548 г. об установлении, начиная с 21 июня 1548 г., регулярных панихид по всем «православным христианом от иноплеменных на бранех и на всех побоищах избиенных» в Успенском соборе и во всех московских церквях. – *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 168–189.

[2] Государственный исторический музей (Далее: ГИМ), Синодальное собрание № 667. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 27.

[3] На этот факт обращали внимание исследователи, начиная с XIX в. (иеромонах Арсений, Голубинский Е.Е., Веселовский С.Б., в последние годы, Спирина Л.М.). Состав и происхождение этих списков впервые проанализированы автором, см.: *Николаева С.В.* К вопросу о воинских поминаниях в синодиках Троице-Сергиева монастыря XVI–XVII вв. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы международной конференции. Сергиев Посад, 2010. С. 167–174.

[4] Это синодики, хранящиеся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Далее: НИОР РГБ) (Ф. 304/I, III) под номерами 25 (1574/75 г.), 42 (80 – 90-е годы XVI в.), 814 (1660 г.), 817 (1653–1669 гг.), 818 (30-е годы XVII в.), далее для краткости будем называть синодики по номерам хранения; Синодик 1679/80 г., находящийся в фондах СПМЗ (Инв. 322). Из этих источников относятся друг к другу как протограф к списку синодики 25 и музейный 1679/80 г., 42 и 817, 814 и Кормовая книга.

тах, особенно в Кормовой книге[1], предполагает поступление в монастырь значительного царского пожертвования, свидетельствующего о государственном значении сохранения памяти о павших[2].

Троицкие синодики дают возможность проследить «документальное оформление» одного из воинских поминаний — помянника погибших во время осады монастыря в 1608—1610 гг. Наиболее полным списком погибших во время осады до недавнего времени считался перечень имен, включенный в троицкий Синодик 1630-х годов (Синодик 818)[3], носящий явные признаки редакционной обработки. В списке все имена мужские (кроме одного), при этом отобраны только люди, непосредственно связанные с монастырем, что отмечено в заголовке: «братии, слуг и всяких монастырских служебников». Выделены группы: священноиноки, дьяконы, клирошане, соборные старцы, служебники-иноки, слуги, постригшиеся, не постригшиеся, постригшиеся перед смертью; служебники-миряне объединены по профессиям; отдельно указаны монахи Подольного монастыря. Кроме принадлежности к группе список не дает никаких сведений о поминаемых. Протограф этого списка пока не известен, хотя, безусловно, в 30-е годы XVII в. у составителей рукописи был более полный источник информации, на основе которого и была сделана редакция, вошедшая в Синодик 818. Возможно, таким источником являлись записи в самом древнем из известных троицких синодиков. Именно в составе Синодика Троице-Сергиева монастыря 1574/75 г. (Синодик 25)[4] нами обнаружен самый ранний из известных в настоящее время помянник троицких сидельцев[5].

---

[1] Кормовая книга 1673/74 г. Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник (Далее: СПГИХМЗ). Инв. 5561. Опубл.: *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008.

[2] В предисловии Кормовой книги, говорится о вкладе от 100 до 500 рублей за корм, в синодиках-сельниках – о 50 рублях или вотчинах, движимом и недвижимом имуществе.

[3] НИОР РГБ. Ф. 304/I. № 818.

[4] НИОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Синодик 1574/75 г. Л. 246 – 251 об. Синодик имеет сложную структуру, включающую несколько протографов. Текст, написанный основными почерками, заканчивается на л. 216 об., далее записи делались различными почерками с обозначением года на полях. В этой части находятся фрагмент, о котором идет речь. Подробнее атрибуцию и характеристику выявленного помянника периода осады см.: *Николаева С.В.* К вопросу о воинских поминаниях. С. 167– 174.

[5] Прямых структурных аналогий между помянниками погибших в Синодиках 25 и 818 проследить не удается. Ни в одной из групп, выделенных в Синодике 818, нет полного совпадения с перечнем имен той же категории лиц, упомянутых в Синодике 25. Например, все пятеро соборных старцев, записанные в Синодике 818 упомянуты и в Синодике 25, из пяти дьяконов четверо прослеживаются в Синодике 25. По другим категориям обнаруживается гораздо меньше совпадений: в Синодике 818 – восемь кры-

Записи, относящиеся к 1608—1610 гг., в Синодике 25 сделаны несколькими почерками, листы местами очень загрязнены и потерты, в конце чернила бледно коричневые, сильно разбавленные, в чем можно усмотреть косвенное подтверждение хронологического соответствия записей периоду осады, во время которой были исчерпаны все монастырские запасы. Большая часть основного текста написана двумя, возможно, тремя почерками (графика полууставного письма даже разных почерков очень схожа), на каждом листе имеются приписки отдельных или групп из нескольких имен, а также обнаруживаются записи по смытому тексту. Записи отчетливо выделяются среди соседних: и до, и после этих дат в среднем под одним годом записано по 50–65 поминаемых, под 7117 г. (1608/09 г.) перечислены более 1000, под 7118 г. (1609/10 г.) — около 400 поминаемых. Начало интересующего нас текста определяется по именам поминаемых, даты смерти которых точно известны (Обрезков Иосиф — 15.07.1608 г., Мещерский Серапион — 6.11.1608 г.[1]). В конце — имя троицкого «осадного» архимандрита Иоасафа, вернувшегося после снятия осады в Боровский монастырь и погибшего там в 1611 г. Лист завершается записями рода патриарха Гермогена, умершего в польском плену в 1611 г., и рода келаря Авраамия Палицына, что можно рассматривать как своеобразный эпилог драматических событий.

Список погибших в период осады по количеству (более 1400 имен) сравним с цифрами, приведенными в других источниках, в отличие от краткого редактированного перечня из названного выше Синодика 818. Особая ценность раннего синодика состоит в том, что большинство имен сопровождается надстрочными пояснениями: фамилии, прозвища, должность, профессия, социальный статус, место жительства, родство. Отметим, что в основном тексте помянника, за исключением надстрочных надписей, почти нет «домашних» имен (например, таких как Первой, Третьяк, Неждан, Любим и т.п.), нередко встречающихся во многих частях рассматриваемой рукописи, так же как и в

лошан, в Синодике 25 – четыре, из них в обеих рукописях – только три имени, в Синодике 25 только 15 имен сопровождаются пометкой «служебник», в Синодике 818 под заголовком «Служебники» – 173 имени, слуг перечислено более ста человек, в Синодике 25 слугами названы только 16 иноков, еще меньше аналогий среди представителей ремесленных профессий. Следует, однако, учесть, что в Синодике 25 значительное число имен не имеет надстрочных помет, среди которых могут оказаться представители любой группы, выделенной в Синодике 818. Так, в Синодике 25 только над одним именем есть пометка «Подольного монастыря» (в Синодике 818 их 24), что, очевидно, не соответствует реальному числу иноков Подольного монастыря, умерших в период осады. Вероятнее всего, их имена записаны в помянник без соответствующих надстрочных помет.

[1] Синодик 25. Л. 246, 246 об.

других синодиках. Поскольку записи велись синхронно событиям, возможность ошибки или неточности идентификации имени почти исключалась. Не менее 70 имен помянника прослеживаются по троицким вкладным книгам XVII в.[1] Записи о вкладах дают уточнения, имеющие принципиальное значение для понимания надстрочных надписей в Синодике. Например, слово «Олгин» над именем инока Макария, в контексте записи о вкладе: «Олгин человек», может означать только нахождение его на службе у царевны-инокини Ольги (Ксении) Годуновой; полустертое слово над именем игумена Антония прочитывается как географическое название: «из Масальска». Уверенно идентифицируются имена священников из троицких вотчин, даже при отсутствии прозвищ, что позволяет сделать указание на размер вклада. Например, крупные вклады, данные священниками Герасимом и Геннадием (20 и 50 руб.), объясняют запись в Синодике их многочисленных родственников. Поддаются идентификации по вкладным книгам имена троицких слуг и крестьян, принявших постриг в период осады (выявленные сведения приведены нами в именном указателе к публикации).

Данные вкладных книг позволяют конкретизировать хронологию записей в помянник. На полях Синодика проставлены четыре даты: 7116 (л. 245 об.), 7117 (л. 246), 7118 (л. 250), 7119 (л. 251 об.). Благодаря идентификации имен поминаемых по Вкладным книгам, уточняется, что записи на л. 245 об. — сентябрь — октябрь 1608 г., на л. 246 относятся к ноябрю — декабрю 1608 г., на л. 246 об.—247 — к январю — февралю 1609 г., на л. 247 об.—248 об. — к марту — маю 1609 г., на л. 249—249 об. — к маю — июлю 1609 г., на л. 250 — к июлю — сентябрю, на л. 250 об.—251 к октябрю — декабрю 1609 г., на л. 251 об.—252 — начало 1610—1611 г.

Соотношение числа погибших соответствует развитию событий осады: на осень 1608 г. и начало зимы 1609 г., несмотря на активные боевые действия (в том числе известный штурм 1 ноября 1608 г.), приходится гораздо меньше имен, чем на весну — лето 1609 г., самый тяжелый период осады, когда силы защитников монастыря были истощены, но они отбили приступ 7 марта и выдержали самый страшный штурм с 28 на 29 июня[2].

В названном помяннике периода осады из Синодика 1574/75 г. перечислено более 1400 имен погибших. Эта цифра красноречиво свидетельствует о тех военных потерях, что понесли защитники обители.

---

[1] Вкладная книга 1638/39 г. СПГИХМЗ. Инв. 5559, 5560; Вкладная книга 1673 г. СПГИХМЗ. Инв. 288.Опубликована: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

[2] См.: *Токарева Т.Ю.* Осада монастыря в документах и воспоминаниях очевидцев // Сергиев Посад. Взгляд сквозь века. Сергиев Посад, 2009. С. 102– 113.

Обнаруженные нами в Синодике 1574/75 г. самые ранние записи имен погибших в осаде в отличие от других воинских поминаний, включенных в этот Синодик, не выделены заголовком. Эти записи, современные событиям, в начале XVII в. имели исключительно местное значение. Только через 20—25 лет список погибших при защите монастыря был оформлен «официально» и наряду с другими воинскими поминаниями внесен в сокращенном и отредактированном виде с указанием дня панихиды в Синодик 1630-х годов (818).

К этому моменту осада монастыря уже стала легендарным событием, поэтому важнее, чем сведения о реальных людях, был большой киноварный заголовок, стройная структура текста, демонстрирующие отношение к славной истории обители[1]. Так, «повседневный» необходимый церковный обряд превращался в особо значимую социальную и государственную миссию монастыря — прославление тех, кто отдал жизнь за Отечество, вдохновлявшее на подвиг будущих героев. Это можно соотнести с новым каменным строительством, развернувшимся в это время в обители, в том числе Больничных палат с церковью св. Зосимы и Савватия Соловецких (1637 г.), сюжет декора на поливных керамических плитках (воины, пушки) которой напоминает о героической обороне крепости.

Отметим еще одну важную особенность Синодика 818. Кроме чисто военных потерь защитники обители несли урон от голода. Поэтому помимо свидетельства о потерях в период осады в Синодик 818 были внесены также поминания, умерших от голода в начале XVII в. (с 1602 по 1605 г. и с 1605 до 1612 г.[2]).

Уточнить наши сведения о динамике потерь позволяет анализ монастырских вкладных книг. Особые условия, в которых обитель находилась во время осады, не могли не сказаться на количестве и характере поступлений вкладов в эти годы. Особенно отметим 1609 г., когда вкладные книги фиксируют наивысший показатель годовых вкладов за XVI—XVII вв. (125 вкладов). Это самый драматический период осады Троице-Сергиева монастыря войсками Сапеги и Лисовского. Монастырские села и слободы сожжены или разорены, их жители укрылись за стенами монастыря, терпя нужду и лишения, их жизни постоянно подвергались опасности не столько из-за военных действий, сколько вследствие голода, холода и эпидемий.

[1] Не случайно, в списке Синодика 25, созданном по заказу боярина Богдана Матвеевича Хитрово в 1679/80 г., уже появился заголовок «Лета 7117 года в Троицком монастыре померло братии и всяких монастырских людей», но совсем в другом месте (под ним всего 24 имени). Синодик 1679/80 г. СПГИХМЗ. Инв. 322. Л. 420 об.

[2] Синодик 818. Л. 78—79, 196, 200.

Для большинства населения, лишившегося жилья и имущества, отсутствовали перспективы на улучшение своего положения даже после окончания войны. Сложилась экстремальная ситуация, когда монастырь из закрытого сообщества на время превратился в более сложный социум, небольшой город, что в совокупности с тяготами блокады приводило к противоречиям и конфликтам[1]. В тоже время, широких социальный состав троицких «сидельцев» позволяет говорить о действительно народном характере защиты обители.

Отчаянное положение заставляло людей уповать только на высшее заступничество и думать об устройстве своей души и душ своих близких. Неудивительно, что небывало высокое число пожертвований в монастырь приходится именно на 1609 г. — 125 вкладов; из них 43 вклада за постриг. Те же условия повлияли на характер, качество поступлений и состав вкладчиков. Только 4 вклада поступило от представителей феодальных родов, остальные от братии (61 вклад), слуг и служек монастыря (30 вкладов) и от крестьян (25 вкладов). В 1609 г. поступил один земельный вклад, 16 вещевых (рухлядь, личные вещи монахов, иконы, книги и т.п.) и 117 денежных пожертвований. При этом преобладают мелкие вклады: 10 руб. и меньше. Крупных вкладов всего 14 (11 вкладов по 50 руб., по одному вкладу в 70 руб., 130 руб. и 200 руб.). Однако благодаря численности вкладов, их сумма за 1609 г. (2157 руб. 144 алтына 14 денег) уступает только поступлениям в монастырь в 1558 г. (2963 руб.), в 1564 г. (2610 руб.) и в 1571 г. (3319 руб.).

Возрастает число вкладов продуктами сельского хозяйства, скотом, лошадьми — чуть более 43% (в XVI в. их было менее 5%), доля вещевых вкладов, составлявшая в XVI в. около 9%, увеличилась до 31,7% от общего числа пожертвований.

В этой связи представляется целесообразным сравнить вклады периода осады с последующим временем. Наибольшее количество вкла-

---

[1] Здесь оказались представители практически всех слоев общества от высшей аристократии (в том числе царевна Ксения Борисовна (инокиня Ольга) с королевной инокиней Марфой Старицкой) до крестьян и холопов. Если на защите крепостных стен наравне сражались и дети боярские, и дворяне, и стрельцы, и монахи, и «черный люд», то при распределении монастырских запасов возникали серьезные конфликты, доходившие до разбирательств «с пристрастием» (в Синодике среди умерших в конце 1609 г. значится имя казначея Иосифа Девочкина (Кочергина), погибшего от пыток при расследовании по доносу о его предательстве, реальной причиной которого, очевидно стал конфликт между монастырскими властями и стрельцами). Известны и челобитные царю от воинов (дворян, стрельцов, монастырских слуг) на братию, очевидно, не безосновательные (*Державина О.А., Колосова Е.В.* Сказание Авраамия Палицина. М.;Л., 1955; *Токарева Т.Ю.* Осада монастыря в документах и воспоминаниях очевидцев // Сергиев Посад. Взгляд сквозь века. С. 102–113; *Тюменцев И.О.* Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М., 2007).

дов поступило в монастырь в первой половине XVII в. в период царствования Михаила Романова. С 1612 г. (после снятия осады) по 1645 г. было получено более 62% всех вкладов, данных за оставшиеся годы XVII в. В этот же период наблюдаются самые высокие показатели ежегодных вкладов. В следующие тридцать лет, приходящихся на царствование Алексея Михайловича, с 1645 по 1676 г., число вкладов уменьшается более чем в два раза и составляет около 26% всех вкладов за XVII в.

Земельных вкладов и вкладов другой недвижимостью за 1612—1645 гг. поступило в монастырь почти втрое больше, чем за все годы после смерти Ивана IV (с 1584 г.). Наибольшее число вложений приходится на 1612 г. и 1628 г. — по 10. В первые 20 лет XVII в. отмечается увеличение земельных вкладов в монастыри, связанное с передачей вотчин угасавших семей, с разорением мелких и средних вотчинников в период интервенции. Фактически способствовало переходу земель в монастыри правительство царя Михаила Федоровича, которое, принципиально подтверждая соборное постановление 1581 г., не контролировало его выполнение и даже позволяло некоторые отступления от него: указ от 28 ноября 1620 г. разрешал продавать, закладывать и давать в монастыри вотчины, полученные при Василии Шуйском; постановление от 27 августа 1622 г. нарушало установленный сорокалетний срок выкупа вотчин (рассматривались только челобитные о выкупе, поданные до 1613 г.)[1].

Еще один отголосок событий Смутного времени находим в самой ранней из сохранившихся описей монастыря, Описи 1641 г.[2] Как известно, Троице-Сергиев монастырь определял экономическое развитие всей близлежащей к нему территории, род занятий и уклад жизни населения окружавших его сел и слобод, а позднее города Сергиев Посад. Являясь крупнейшим вотчинником, имея значительные натуральные и денежные ресурсы, монастырь был своего рода «гарантом» стабильности развития местного сообщества. Особенно важно это было в неурожайные годы, в период военных разорений и моровых поветрий. Монастырские ссуды давали возможность обнищавшему населению по крайней мере засеять поля и собрать урожай, а значит — выжить. При этом далеко не всегда монастырь имел доход с должников, поскольку многие займы были «бескабальными», не предполагавшими «процентной ставки». Прежде всего, такие преимущества получали монастырские крестьяне и слуги.

В специальном «разделе» Описи 1641 г. содержится перечень долговых обязательств, «кабал». Сохранилось множество имен

[1] *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. М., 1937. С. 231—232, 235.
[2] Опись 1641/42 г. СПГИХМЗ. Инв. 289.

должников[1] с указанием их статуса. Большинство должников — крестьяне, хотя среди них есть и мелкие вотчинники, и представители известных княжеских родов, например, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, князь Иван Васильевич Куракин. В Описи зафиксированы многочисленные факты раздачи в долг зерна и аренды рабочих лошадей[2], упомянуты также деньги, отданные в долг погорельцам. Монастырские власти шли на «экономический риск» и принимали в качестве вкладов или оплаты кабалы мирян.

В Описи 1641 г. выделены списки долгов, срок давности которых позволяет предположить, что, несмотря на сохранение долговых записей[3], возвращение в монастырскую казну этих денег было маловероятным[4]. Речь идет о долгах, относящихся к 1607/08 г., 16014/15г., 1628/29 г. Часть из них приходится на период Смутного времени.

Долги многих представителей служилых землевладельцев были связаны с их воинскими обязанностями — необходимостью приобретать снаряжение и лошадей. Долговые обязательства крестьян зачастую были связаны с необходимостью восстановления своего хозяйства, пострадавшего в эпоху Смуты. Власти монастыря сознательно шли на «потерю» некоторых средств, поскольку были заинтересованы в сохранении населения и развитии хозяйства на окружавших его землях. Та же «политика» проводилась монастырем и в отношении населения своих отдаленных владений[5]. Изучение подобных долгов в дальнейшем поможет решить вопрос о географии районов разорения, связанного с событиями Смутного времени.

---

[1] Условия и характер этих сделок рассматривались в исследованиях Л.А. Кириченко. См.: *Кириченко Л.А.* Акты землевладения и хозяйства Троице-Сергиева монастыря 1584 – 1641 гг. как источник по истории землевладения и хозяйства. М., 2006.

[2] В Опись 1641 г. «по книгам, каковы взяты у казначея» Симона Азарьина, внесены записи о казенных деньгах «в долгах его казначеевой дачи», в том числе 69 долговых записей на крестьян троицких вотчин «за лошадь» (Л. 399 – 403).

[3] Этот учет имел значение, прежде всего, для контроля движения средств монастырской казны, особенно при смене должностных лиц.

[4] Под заголовками «Да прежних казначеев долговых же заемных денег и по вкладным, и по вымерлым кабалам...» (Л. 439) и «Взяти по старым кабалам» (Л. 442 об.) значатся денежные долги за 1607/08 г., 1614/15 г., по росписям хлебного старца Варсонофия Ипацкого хлебные займы числятся с 1628/29 г. (Л. 491). По приписному Троицкому Чухчеремскому монастырю (Каргопольский у.) в Описи числятся денежные долги с 1612/13 г. (Л. 457).

[5] В Описи 1641 г. зафиксирован долг на «Авнежского монастыря и авнежских сел на крестьянех» – более 150 рублей, «Казанского монастыря и казанских сел на крестьянех» – более 60 рублей, «Алаторского монастыря и алаторских сел на крестьянех» – более 60 рублей, «Чухчеремского монастыря на крестьянех» – более 47 рублей (Л. 437 – 437 об.).

Марасанова В.М.

Ярославцы и память преодоления Смуты. 1613–1623 гг.

Известия о Смутном времени зафиксировали письменные источники: летописцы, челобитные, исторические повести, жития, сказания о чудотворных иконах, записки иностранцев. Но понятие «исторической памяти» всегда шире свода письменных свидетельств прошлого. Оно включает разные по происхождению нарративы, духовное и материальное наследие, традиционные представления и современные дискурсы. Православная архитектура и литература несли важнейшие смыслы-значения — память погибших и преодоление Смуты. Они сохраняли в сознании и пространстве населенных мест память о значимых событиях прошлого. Можно говорить о непреходящей ценности данного процесса в историческом, социокультурном и иных отношениях.

Осмысление Смуты и исторической памяти о ней может рассматриваться через ключевые понятия церковной и светской, отечественной и зарубежной науки, например, в русле Memory Studies (исследований памяти и наработанных веками практик фиксации событий, образов и персоналий прошлого) и коммеморации (изучения материального компонента коллективной памяти). В современных гуманитарных исследованиях широко используются многозначные понятия «политика памяти», «коллективная память», «общественная память», «историческая память», «культура памяти», «культурная память» и т.п. Они занимают все большую долю по сравнению с более привычными и разработанными терминами «традиция», «историко-культурное наследие», «историческое сознание».

Из этого следует, что историческими дискуссиями наши представления о прошлом не ограничиваются: в них всегда будет присутствовать социальный, общественный, а подчас и политический, т.е. наиболее подверженный «реконструктивной пластике» компонент. Память социальных и профессиональных сообществ с течением подвергается реорганизации, включая не только процессы «воспоминания», но и «забвения», «запрета», а иногда «возвращения». Какие памятники/объекты/доминанты создает/сохраняет/разрушает каждое поколение? Что из событий, традиций и церемоний прошлого актуализирует современная жизнь? И какие уроки прошлого недооценены потомками и не оградили от повторения, казалось бы, очевидных ошибок?

Для позднего средневековья ответы на эти вопросы немыслимы вне религиозной жизни и церковной организации. От начала XVII столетия пошло прославление многих святых подвижников, послуживших вере и отчизне. Русская Православная церковь особо отмечает труды патриархов Гермогена и Филарета, преподобного Иринарха Затворника Борисоглебского монастыря. Своим покаянием и служением преподобный Иринарх помогал православным перенести и преодолеть Смуту. В его келью за благословением в 1612 г. приходили Дмитрий Пожарский и Козьма Минин и получили предсказание скорой победы. Возле монастырской стены находилась тесная келья, в которой Иринарх провел 38 лет в затворе, прикованный цепями к стенам. Его вериги состояли из 142 металлических крестов, камня, цепей, железного колыца на голову и железной палки. Иринарх скончался в 1616 г., и его канонизация произошла уже во второй половине XVII столетия. В конце 1990-х годов Угличский музей передал в Борисоглебский монастырь часть вериг Иринарха[1]. В память преподобного с 1998 г. в поселке Борисоглебском собираются Всероссийские Иринарховские чтения[2].

Митрополит Филарет в 1606 г. возглавил древнейшую Ростовскую кафедру, и одним из его важнейших деяний стала организация канонизации царевича Димитрия. Он был прославлен как благоверный царевич Димитрий, «угличский и московский и всея Руси чудотворец». Для царя Василия Шуйского важно было подтвердить гибель царевича и пресечь притязания самозванцев на русский престол. В мае 1606 г. Филарет и посланные с ним астраханский архиепископ Феодосий, бояре князь Иван Михайлович Воротынский, Петр Никитич Шереметев, а также Андрей и Григорий Нагие открыли мощи царевича, свидетельствовали их нетленность и торжественно принесли в столицу. Мощи царевича не были погребены по обычному чину в Архангельском соборе, а поставлены в раке на поклонение верующим. В 1631 г. царь Михаил Федорович разрешил вернуть в Углич носилки, на которых тело царевича доставили в Москву. Эта реликвия хранится в Угличском историко-архитектурном и художественном музее.

В конце 1608 г. после захвата Ростова митрополит Филарет был вывезен в Тушинский лагерь. После поляки увезли его в Иосифо-Волоколамский монастырь, и только оттуда Филарет попал в Москву. В составе посольства, отправившегося к Смоленску

[1] Сайт Ярославской митрополии. Раздел Святыни. – Режим доступа http://yareparhia.ru/eparhia/sanctuary/ [Дата обращения 12.01.2018 г.].

[2] *Марасанова В.М.* Святыни и Смута: Ярославский список Казанской иконы Божией матери // XVI Иринарховские чтения: сборник материалов. Вып. 13. Борисоглебский, 2016. С. 35– 38.

осенью 1610 г., Филарет из статуса дипломата попал более чем на восемь лет в положение пленника. После заключения в деревне Деулино соглашения о перемирии с Речью Посполитой стороны решили вопрос об обмене пленными, и Филарет, наконец, смог вернуться на родину. 1 июня 1619 г. он был освобожден из плена, 14 июня прибыл в Москву, а 24 июня совершилась его интронизация. Русская церковь обрела патриарха.

Ценой тяжелых уступок в 1617 г. России удалось заключить Столбовский мир со Швецией. При этом южная граница была по-прежнему не защищена, и крымские татары без перерыва грабили окраины государства. К тому же вплоть до 1619 г. отмечалось несколько вспышек казацкого движения. Атаманы Баловень и Кума действовали под самой Москвой. Если в 1606–1608 гг. Ярославль являлся местом ссылки «царицы» Марины Мнишек с отцом и тремя сотнями поляков, то позднее здесь держали бывших сторонников Лжедмитрия II. Так, 7 мая 1623 г. царь Михаил Федорович дал указную грамоту на Соль Вычегодскую об отправке в Сибирь с Соловков Андрея и Ивана Просовецких. Жену Андрея Просовецкого Ульяну было велено «взяти из Ярославля сибирским посыльщиком к Соли Высегоцкой и побыть у Соли до тех мест, покаместа по наказу из Устюжские четверти Иван Иванов сын Борняков привезет к Соль Вычегоцкой с Соловков Ондрея да Ивана Просовецких», и далее «у Соли Ондрееве жене дати двор постоять в городе»[1].

Из-за сложной обстановки власть в Ярославле после освобождения от тушинцев находилась в руках не просто воевод, а опытных военных: в 1609 г. — это Никита Вышеславцев, князь Сила Гагарин, Евсей Резанов, Иван Озерецкий, в 1611 г. — князья Иван Иванович и Иван Васильевич Волынские, в 1612 г. — князь Федор Андреевич Елецкий и т.д. Восстановление государственности, церковной организации, населения, хозяйства шло медленно и трудно. Сочетание многих негативных факторов — неурожаев, эпидемий, династического кризиса, внутренних неурядиц, разбойничьих шаек, иностранных вторжений — все это в комплексе привело к «запустению» земель, «оскудению» и «охуданию» населения в центральных районах.

Но в то же время зарождалось осознание рубежа, победы, преодоления. Уже в конце 1610-х годов на освобожденных территориях не только восстанавливались органы власти, но и постепенно возобновлялось церковное зодчество — отстраивались разрушенные и

[1] Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям. 1613–1626 гг. М., 2012. № 99.

вновь созданные обители, храмы, приделы; появлялись новые святыни и списки чудотворных икон. По всей России памятниками в честь окончания Смутного времени стали Покровские храмы. Осенью 1618 г. Владислав подступил к Москве и обосновался в селе Тушино. После того как в ночь на 1 октября 1618 г., в праздник Покрова, была предотвращена последняя попытка поляков захватить Москву, царь Михаил Федорович дал обет построить в честь Покрова храм в дворцовом селе Рубцово. В память этого события в 1619 г. был построен сначала деревянный храм Покрова Пресвятой Богородицы. Затем в 1626 г. был освящен каменный храм с двумя приделами — приделом во имя преподобного Сергия Радонежского и приделом царевича Димитрия. Так в посвящениях престолов продуманно совместились эпохи Куликовской битвы и Смутного времени. На территории Ярославского края Покровские храмы появились в середине XVII столетия. Из сохранившихся отметим каменный храм Покрова Пресвятой Богородицы — самое древнее сооружение в Романове, нынешней левобережной части Тутаева (1654), деревянная Покровская церковь в Переславле Залесском (1659 г., перестроена «в камне» в 1789 г.).

«Свидетелями» Смутного времени в Ярославле являются Спасо-Преображенский собор и Святые ворота Спасского мужского монастыря, построенные в начале XVI в. Осада и пожары нанесли городу значительный урон. В 1609 г. тушинцами и польскими отрядами Александра Лисовского были разорены три из четырех городских монастырей — Николо-Сковородский, что на Глинищах, мужской монастырь, Вознесенский женский и Рождественский женский монастыри. Только Спасский монастырь смог выдержать трехнедельную осаду неприятеля, продолжавшуюся с 1 до 23 мая 1609 г. 18 мая, в дни осады Ярославля, вблизи города отрядом Александра Лисовского был разграблен Свято-Введенский Толгский мужской монастырь, а 46 иноков убиты[1]. Но и после этого монастырская жизнь в Толге не пресеклась.

Фиксация памяти о святынях и героях Смуты в Ярославле началась в 1610 – 1620 гг. с основания Казанского женского и Кирилло-Афанасиевского мужского монастырей и закладки церкви Николы Надеина. И з этого следует, что Ярославль стал первым городом, который включил память о Смуте в «программу» церковного строительства и, следовательно, в коллективную историческую память. Это тем более важно с учетом того, что на момент основания Казанского монастыря столица еще находилась в руках поляков.

[1] Сайт Свято-Введенского Толгского женского монастыря. Раздел История. – Режим доступа http://montolga.ru/history/tolga/4 [Дата обращения 09.01.2018 г.].

Основание монастырей связано с обретением чудотворных икон — ярославского списка Казанской иконы Божией Матери и иконы Спаса Нерукотворного. История ярославского списка Казанской иконы Божией Матери началась в 1588 г., когда было установлено почитание списка с чудотворного образа Казанского в городе Романове. Согласно тексту «Сказания о чудотворной иконе Казанской Богоматери», список принес из Казани в Романов местный житель Герасим Трофимов, и образ был поставлен в Никольскую церковь. Герасим позднее принял постриг под именем Галактиона в ярославском Спасском монастыре.

Церковные тексты фиксируют, что список Казанской иконы начал свое бытование в Ярославле с 1609 г. Точнее: 8 марта 1609 г., покидая Романов, Казанскую икону Божией Матери «взял» некий «литвин поручик» Яков Любский. Он привез чудотворный образ в Ярославль, о чем узнали архимандрит Спасского монастыря Феофил и горожане. Яков Любский долго не соглашался продать икону, но 18 марта 1609 г. передал её ярославскому земскому старосте купцу Василию Георгиеву Лыткину. Василий и его брат Георгий (Третьяк) отнесли икону в церковь Похвалы Богородицы. В дни осады Ярославля с 1 по 23 мая 1609 г. икона находилась в деревянной церкви Рождества Христова. Именно поэтому в новом каменном храме Рождества Христова, построенном на том же месте в 1644 г., на юго-западном углу паперти находится придел во имя Казанской иконы.

В память избавления Ярославля от неприятеля в мае 1609 г. был воздвигнут храм Казанской иконы Божией матери, а в него из церкви Рождества Христова с крестным ходом перенесена чудотворная икона[1]. В 1610 г. вместо сожженного Рождественского монастыря при новом храме Казанской иконы основали Казанский женский монастырь. В нем поселились 72 монахини из разоренного Рождественского монастыря. В том же году было составлено «Сказание о чудотворной иконе Казанской Богоматери», известное во многих списках. В списке начала XVIII столетия в библиотеке Троице-Сергиевой лавры после «Сказания» и молитвы помещен «Список с патриарши грамоты о чудотворном образе пречистыя богородицы Казанские, что в Ярославле в девичь монастыре в 118 году»[2]. Грамота патриарха Гермо-

[1] *Рутман Т.А.* Ярославский Казанский женский монастырь. Ярославль, 2010; Сайт Казанского женского монастыря в Ярославле. Режим доступа http://xn----6kcac2agfkdhedd9aggfi8bghiz8u2a.xn--p1ai/?page_id=90 [Дата обращения 10.01.2018 г.].

[2] Дополнительное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 83. Режим доступа http://old.stsl.ru/manuscripts/index.php?col=2&gotomanuscript=083 [Дата обращения 15.01.2018 г.].

гена адресована ярославскому воеводе Никите Михайловичу Пушкину и подьячему Ивану Зарецкому с указанием Казанскую икону оставить в Ярославле, а снятую копию направить по первоначальному местопребыванию в Романов. Это «место памяти» фиксирует Казанская-Преображенская церковь в Тутаеве (Романове-Борисоглебске), построенная в середине XVIII века на месте уже несуществующего Казанского женского монастыря. Чудотворный список Ярославской-Казанской иконы 1588 г. сейчас считается утраченным[1].

В 1612 г. Ярославль более чем на четыре месяца принял ополчение Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского[2]. Как известно, свой список Казанской иконы Божией Матери сопровождал ополчение Минина и Пожарского в походе на Москву. Этот образ принял роль общегосударственной святыни накануне решающего штурма. Казанский собор на Красной площади в Москве, освященный в 1636 г., стал главным воинским мемориалом России.

Кирилло-Афанасиевский монастырь Ярославля был основан в 1615 г. по благословению ростовского митрополита Кирилла (Завидова) на памятном для горожан месте обретения чудотворной иконы Спаса Нерукотворного, согласно преданию, избавившей город от мора в мае 1612 г.[3] Когда в Ярославле собиралось и усиливалось второе Нижегородское ополчение, из-за скученности населения началась эпидемия «моровой язвы» (чумы), поставившая и горожан, и ополченцев на грань вымирания. Согласно церковной традиции, мор прекратился после крестного хода 24 мая и сооружения деревянного Спасо-Пробоинского храма с чудотворной иконой Спаса Нерукотворного, взятой из небольшой часовни. Этот образ пережил все пожары XVII в. и был особенно почитаем ярославцами. В начале XVIII в. вместо деревянного был сооружен каменный Спасо-Пробоинский храм; его освятил в 1705 г. ростовский митрополит свт. Димитрий Ростовский. В настоящее время Спасо-Пробоинский храм входит в комплекс Кирилло-Афанасьевского

---

[1] *Марасанова В.М.* Память о Смутном времени в храмовой архитектуре Ярославля // Смутное время: итоги и уроки. Материалы III Всероссийской научной конференции (п. Палех, 22 апреля 2016 г.). Иваново, 2016. С. 135–143.

[2] *Иерусалимский Ю.Ю., Марасанова В.М., Дутов Н.В.* Ярославцы и защита российской государственности в Смутное время начала XVII века // Страницы военной истории Ярославии. Ярославль, 2013. С. 33–50.

[3] Сайт Кирилло-Афанасиевского мужского монастыря. Раздел История. – Режим доступа http://xn------7cdaabo0aexaecelecjmanupjfhn4budqdi9ad6c6smb.xn--p1ai/istorija/ [Дата обращения 11.01.2018 г.]; Сайт Ярославской митрополии. Раздел Святыни. – Режим доступа http://yareparhia.ru/eparhia/sanctuary/ [Дата обращения 12.01.2018 г.].

монастыря. Спасо-Пробоинский храм стал первым примером увековечивания памяти об ополчении на территории города.

Как храм-памятник событиям Смутного времени должна быть упомянута церковь Николы Надеина в Ярославле — первый каменный посадский храм города, построенный в 1620—1622 гг. Церковь стоит на месте деревянного храма Благовещения, и, по церковной традиции, в 1612 г. на пути в Москву Михаил Федорович Романов служил здесь молебен иконе Николая Чудотворца, «испрашивая теплою молитвою угодника Божия, да укрепит его править народом, изнеможенным смутами и раздорами». Главным храмоздателем выступил Епифаний Андреевич Светешников по прозвищу Надея — ярославский купец, оказывавший материальную помощь ополчению и самим Романовым.

Знаковым событием стало возведение в Ярославле храма в честь моленного образа Романовых — Федоровской иконы Богоматери, годы постройки 1682—1687. Она завершила формирование комплекса православных монастырей и храмов города, посвященных преодолению Смуты и воцарению новой династии. Как видим, он складывался более семидесяти лет от постройки первого Казанского храма.

В годы Смуты жестокому разгрому подверглись Углич и его окрестности. За несколько лет были практически полностью разрушены Архангельский в бору монастырь на р. Улейме, Николо-Улейминский мужской монастырь у слияния Воржехоти и Улеймы, Кассиано-Учемская Успенская мужская пустынь на месте впадения р. Учмы в Волгу. В самом Угличе после трех штурмов были разрушены восемь обителей: мужские монастыри Богоявленский, Воскресенский, Макарьевский, Иоанна Богослова «на прудищах», Вознесенский, Алексеевский, а также женские — Введенский и Богоявленский монастыри. Последний основала инокиня Марфа (Ксения Шестова)[1]. Не все обители смогли продолжить свою деятельность после Смуты.

Первой крупной постройкой Углича после Смутного времени стала Успенская Дивная церковь 1628 г. — храм в память о погибших пятистах угличанах и монахах Алексеевского монастыря[2]. В 1692 г. в Угличе появился каменный храм царевича Димитрия на крови. До него на месте гибели царевича стояли сначала деревянная часовня, затем небольшая «клетская» церковь и, наконец, рубленная шатровая церковь 1630 г. Другой храм — церковь Ди-

[1] Энциклопедия Угличского края. Иваново, 2013. С. 232, 234, 238, 241–243, 245, 260, 264–265, 277–280, 286, 312.

[2] *Денисов В.В.* Угличский Алексеевский монастырь. Углич, 2000.

митрия на поле — фиксирует место последнего прощания угличан с мощами царевича на пути в Москву. Существующий ныне храм Дмитрия на поле строился в 1798—1814 гг. В 1638 г. в Угличе была возведена деревянная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери; ныне существующий каменный храм построен в 1807—1814 гг. в стиле барокко. Таким образом, в Угличе память о погибших и преодолении Смуты хранят Успенская и Казанская церкви, а храмы в честь царевича Димитрия напоминают об истоках Смутного времени и пресечении династии Рюриковичей, непосредственно связанных с городом.

Вслед за городами Казанские храмы начали появляться в ярославских селах. В 1631 г. впервые упомянута церковь во имя Казанской иконы Божией Матери в с. Данилове. Традиция возведения Казанских храмов продолжилась в дальнейшем. В XVIII в. появились новые храмы с посвящением Казанской иконе: в поселке Караш (строилась в 1780 – 1786 гг.) и в селе Заозерье (построена к 1730 г.) и далее.

Итак, важнейшими факторами после освобождения Москвы стали воцарение Романовых, интронизация патриарха Филарета, урегулирование отношений с Речью Посполитой и Швецией, пресечение казацких выступлений. Одновременно в пост-Смутное десятилетие память о героическом прошлом сохранялась, а, значит, передавалась в будущее. Осмысление преодоления Смуты утверждало легитимность новой династии и стабильность государственных и церковных институтов. Православное восприятие окончания «великого Московского разорения» фиксировалось в церковной архитектуре, дополнялось художественными образами икон и фресок, памятников книжности. Конечно, письменные источники имели довольно узкий круг создателей и читателей, и до перехода от накопления исторических знаний к их превращению в науку еще оставались многие десятилетия. При этом показанные на примере ярославского региона храмы и монастыри, фиксирующие память Смуты и ее преодоления, охватывали практически все население. Передаваемые ими смыслы и образы были важны, понятны, близки. Не случайно при общей традиции церковного поминовения погибших и событий Смуты, закрепленное в строительстве Покровских и Казанских храмов, прослеживались региональные особенности основания обителей и храмовых посвящений. Среди них переживание гибели царевича Димитрия в Угличе, почитание Ярославской-Казанской иконы в Романове и Ярославле, память пребывания ополчения Минина и Пожарского и царя Михаила Федоровича в Ярославле.

Тюменцев И.О.

Перезахоронения тел Бориса Годунова и его семьи в контексте идеологического противостояния в Смутное время

Одним из памятников событий Смутного времени в Троице-Сергиевой лавре является усыпальница Годуновых у северо-западного угла Успенского собора, сооруженная над их гробницами в 1782 г. История данного некрополя самым непосредственным образом связана с идеологической борьбой в Смутное время.

В начале нынешнего столетия она вновь стала предметом интереса специалистов. Исследователи традиционно уделяют много внимания изучению начала идеологического противостояния царя Бориса Годунова и Лжедмитрия I, но при этом упускают из вида его завершение и роль в последующем противостоянии правительственных сил и повстанцев.

Как известно, Борис Годунов скончался в Москве 13 (23) апреля 1605 г. в Кремле, приняв пострижение под именем Боголеп, и был похоронен в кремлевском Архангельском соборе вместе с другими московскими государями. Вскоре современники зафиксировали появление двух взаимоисключающих легендарных версий этих событий. Согласно первой, Борис Годунов умер отнюдь не своею смертью, а покончил самоубийством, выпив от отчаяния яд в страхе перед неминуемой расплатой за грех перед законным государем, которого ранее пытался лишить жизни. По другой версии, «земский» царь тайно бежал из России в Англию, чтобы вернуться в тот момент, когда люди разберутся, что «царь Дмитрий» в действительности является самозванцем. Нетрудно догадаться, что автором первой легенды являлись Лжедмитрий I и его приближенные, а второй — немногие оставшиеся и ностальгирующие по прошлому фавориты Годуновых.

Лжедмитрий I, предъявляя свои «законные» права на московский престол, обвинял Годунова в узурпации власти. Он якобы организовал неудачное покушение на царевича Дмитрия Угличского и погубил царя Федора Иоанновича. Однако этих доводов было

явно недостаточно, чтобы вынести тело законно избранного царя Бориса из Архангельского собора и, предав анафеме, перезахоронить у стены Варсонофьевского женского монастыря. Поэтому во время царствования самозванца официальной становится версия самоубийства Бориса Годунова, о чем свидетельствует сам факт захоронения «у стены». Аналогичным образом Лжедмитрий I и его окружение объясняли гибель царя Федора Борисовича, вдовы Бориса Годунова Марии Григорьевны и царевны Ксении. Якобы, боясь расплаты за грехи Бориса Годунова, они выпили яд. Но царевну Ксению отрава будто бы не взяла, и она осталась жива, а ее мать и брат умерли. В действительности мать и сын Годуновы были казнены бывшими опричниками М.А. Молчановым и А.В. Шерефетдиновым, а красавица царевна Ксения была отдана в наложницы самозванцу. Именно эти лживые обвинения в самоубийстве позволили самозванцу в первые же дни своего правления вынести тело Бориса Годунова из Архангельского собора и вместе с семьей перезахоронить у ограды Варсонофьевского монастыря. Тем самым, согласно православным канонам, их души отправились в Ад, и за них нельзя было молиться.

Каким же образом могилы Бориса Годунова, его жены и сына оказались в Троице-Сергиевом монастыре? Описания сюжета, связанного с перезахоронением тел, имеются только в сочинениях немецкого наемника Конрада Буссова и шведского резидента в Москве Петра Петрея из Элезунда[1]. Но эти авторы не дают точных дат. Известно лишь, что это произошло в правление Василия Шуйского. Поэтому, исходя из контекста повествования К. Буссова, Р.Г. Скрынников пришел к выводу, что Василий Шуйский организовал перенесение тел Годуновых как жертв самозванца в ноябре 1606 г., когда Москву осаждали войска И.И. Болотникова, И.И. Пашкова и П.П. Ляпунова[2]. В.Н. Козляков датировал перезахоронение Годуновых «осенью 1606 г.»[3].

При этом исследователи проигнорировали тот факт, что вряд ли московские власти могли затеять перенесение тел семьи Годуновых из Москвы в Троице-Сергиев монастырь во время осады столицы повстанцами, когда в ближайших окрестностях столицы

---

[1] *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 86–87; *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 327–328.

[2] *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII века. Иван Болотников. Л., 1988. С. 120.

[3] *Козляков В.Н.* Смута в России XVII век. М., 2007. С. 208.

шли ожесточенные бои и не существовало реальной возможности организации торжественной процессии. В пользу пересмотра датировок свидетельствует хронологическое указание в тексте П. Петрея, на которое историки не обратили внимания. Шведский резидент, положивший в основу своего сочинения текст К. Буссова, счел необходимым уточнить, что перезахоронение Бориса Годунова произошло спустя «три года» после первых похорон, т.е. в 1608 г.[1]

Все историки единодушны, что инициатором перезахоронения Годуновых был царь Василий Шуйский. По мнению Р.Г. Скрынникова, тем самым он стремился обличить самозванца, погубившего законно избранного царя и его семью, а с другой стороны — обвинял москвичей и всех русских людей в нарушении присяги законному царю, за что Бог попустил на них дьявола и его слуг — повстанцев[2]. На взгляд В.Н. Козлякова, реабилитацией Годуновых Василий Шуйский пытался доказать «преемственность своей власти» от Годунова, минуя «Расстригу», а также показать, каковой бывает расплата за грех клятвопреступления[3].

Но произошел ли перенос тел Годуновых в 1608 г., о чем вроде бы свидетельствует П. Петрей? Его сочинение было написано в 1613—1615 гг., почти 7—9 лет спустя после перезахоронения Годуновых, поэтому вряд ли хронологическую реалию «три года спустя» нужно толковать буквально.

В этой связи следует напомнить, что посвятивший специальную работу истории канонизации царевича Дмитрия Угличского В.И. Ульяновский установил, что царь Василий Шуйский, дискредитируя самозванца, был вынужден привлечь находящего на покое первого патриарха Московского Иова. Тот поставил условием своего участия необходимость разрешения русского народа от присяги Годуновым и достойное перезахоронение их тел. Исследователь заметил, что во всех своих речах во время службы Иов ни разу не обвинил Бориса Годунова в организации цареубийства. Виновными в гибели царевича вновь стали некие «враги и ласкатели»[4]. Повсеместно было объявлено, что Бог на этот раз попустил дьявола и его слуг из-за греха русских людей, нарушивших присягу Годуновым и допустивший их убийство слугами самозванца.

---

[1] *Петрей П.* Указ. соч.
[2] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч.
[3] *Козляков В.Н.* Указ. соч.
[4] *Ульяновский В.И.* Смутное время. М., 2006. С. 391.

Службы с участием Иова прошли в Москве 19 - 20 февраля 1607 г. через два месяца после разгрома повстанцев и снятия осады столицы[1]. Скорее всего, именно тогда и было проведено перезахоронение Бориса Годунова и его семьи. Тело Бориса Годунова несли 20 монахов, тем самым церковь и власти публично признавали, что царь не был самоубийцей, а умер своей смертью, успев принять пострижение. Тело царя Федора Борисовича несли 20 бояр, царицы Марии — еще двадцать бояр. За ними ехала инокиня Ольга — царевна Ксения Борисовна Годунова в небольшом возке (крытом зимнем экипаже на полозьях) и горько оплакивала родных. Плач царевны-инокини потряс очевидцев до глубины души. Ему была посвящена одна из немногих дошедших до нас исторических песен Смутного времени[2]. За царевной шествовали «все» монахи, монахини, священники, князья и бояре. П. Петрей к тексту К. Буссова добавил, что их возглавляли царь и патриарх. У Троицких ворот гробы положили в сани, а монахи, князья и бояре сели на лошадей, и процессия отправилась в Троице-Сергиев монастырь, где и произошло погребение тел Годуновых[3]. В 1622 г. здесь же была погребена монахиня Ольга — Ксения Годунова. После этого в российской литературе и публицистике утвердилась версия, согласно которой, царь Борис умер своею смертью, а царь Федор Борисович и его мать были убиты.

Несмотря на покаяние в грехе клятвопреступления и частичной реабилитации царей Бориса и Федора Годуновых, никто так и не сделал вклады по их душам в Троице-Сергиев монастырь[4]. На табличках, прикрепленных к гробницам, были написаны только их имена без указания даты перезахоронения. Успокоение не пришло Годуновым даже три с лишним столетия спустя. При вскрытии гробницы в советское время были открыты лишь фрагменты костных скелетов нескольких человек без черепов. Замысел советского антрополога М.М. Герасимова восстановить облик царской семьи методом реконструкции остался неосуществленным.

Таким образом, акции по захоронению и перезахоронению Годуновых были наполнены глубоким сакральным смыслом, хотя и были вызваны чисто политическими мотивами. Лжедмитрий I объ-

---

[1] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией. СПб., 1836. Т. 2. № 67. С.148– 160.

[2] Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 537 538.

[3] *Буссов К.* Указ. соч. С. 86– 87; *Петрей П.* Указ. соч. С. 328.

[4] Вкладная книга Троице Сергиева монастыря. М., 1986. С. 29.

явил Годуновых самоубийцами и приказал похоронить их вне ограды Варсонофьевского монастыря с запретом молиться о них. Царь Василий Шуйский, борясь с самозванчеством и пытаясь наложить на него канонический запрет, был вынужден реабилитировать Годуновых как жертв еретика и расстриги Григория Отрепьева, с помощью дьявола завладевшего троном. Патриарх Иов пошел еще дальше, публично отказавшись признать Бориса Годунова виновным в смерти царевича.

Из компромисса между царем Василием и Иовом в проведении процедуры отрешения русских людей от клятвы Годуновым родилась ставшая в последствии знаменитой версия гибели царевича, согласно которой «врази сущие и ласкатели, великим бедам замысленицы» погубили царевича, чтобы выслужиться перед правителем и будущим царем[1]. Впоследствии именно она составила основное содержание трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

[1] *Палицын А.* Сказание. М.; Л., 1955. С. 251.

Устинова И.А.

Архиерейский корпус русской церкви в 1598–1619 гг.: состав и динамика

Роль Церкви и русского духовенства в период Смуты не раз привлекала внимание исследователей. В большинстве обобщающих трудов по истории Смуты можно обнаружить более или менее подробные заметки о деятельности, биографиях, участии представителей русского духовенства в ключевых событиях истории государства и Церкви, народно-освободительном движении. В то же время в большинстве случаев вниманию читателей предлагаются лишь отдельные эпизоды участия духовных лиц в событиях Смуты. Общим местом стало и утверждение о нарушении в эпоху Смуты всего строя жизни, в том числе и церковной. Подобные выводы подтверждаются источниками. Интересной исследовательской задачей представляется выявление состава и динамики архиерейского корпуса периода Смуты в абсолютных цифрах. Под динамикой в данном случае понимаются процессы поставления и смены архиереев, их мобильности между кафедрами, распространенность случаев насильственного удаления с престола, пленения и убийства епископов, частота и длительность «вдовства» епархий. Такой анализ позволит ответить на вопрос: в какой мере традиционные формы пополнения и функционирования русского епископата были поколеблены в период Смуты. Подобные проблемы уже ставились и успешно решались исследователями в отношении Государева двора[1], двора Лжедмитрия II[2], приказного аппарата[3]. В рамках настоящей статьи поставленные задачи анализируются в отношении высшего слоя русского духовенства, который составляли архиереи — патриарх, митрополиты, архиепископы и епископы. Они осуществляли управление обширными землями своих епархий, соборно — Русской церковью,

---

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584 1605 гг.). СПб., 1992; по истории церковной иерархии: *Павлов А.П.* Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества. // Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen 14– 17.Jahrhundert. P. 65– 79.

[2] *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

[3] *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М; Тула, 2009; *Рыбалко И.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011.

принимали участие в заседаниях земских соборов, являлись крупными вотчинниками.

В начале XVII в. на территории Московского государства существовало 14 епархий: Патриаршая область — самая большая и богатая епархия, возглавлявшаяся непосредственно патриархом, митрополии: Новгородская, Казанская, Ростовская и Крутицкая, архиепископии: Рязанская, Вологодская, Смоленская, Суздальская, Тверская, Астраханская, епископии: Коломенская, Псковская (с 1616 г. — архиепископия), Корельская. Псковская епархия была открыта в 1590-е гг. во исполнение решений собора 1589 г. Корельская епархия возникла на землях, возвращенных России по Тявзинскому мирному договору 1595 г. от Швеции. Наконец, в 1602 г. была основана Астраханская епархия, что закрепило факт вхождения этих земель в состав Московского царства в 1550-е гг.[1] Таким образом, при отсутствии вакантных кафедр в России начала XVII в. единовременно считалось 14 архиереев. К этой группе следует добавить архиепископа при Архангельском соборе Московского кремля, которым с 1597 г. по 1615 г. являлся бывший архиепископ Елассонский Арсений (Грек).

К 1619 г. каноническая территория Русской церкви сократилась до 12 епархий. С 1611 г., когда в Карелии велись боевые действия, эти земли были оккупированы шведами. По Столбовскому миру 1617 г. они были утрачены Россией (Корела, Орешек, Ивангород, Копорье и Ям). Корельская епархия прекратила свое существование. По настоянию шведских послов в церковном отношении православное духовенство этих земель получило право окормляться у Новгородского митрополита (поставление, благословение, решение духовных дел и проч.[2]). Такая ситуация сохранялась вплоть до возобновления Корельского викариатства Новгородской епархии в 1685 г.[3] По Деулинскому перемирию 1618 г. Россия уступала Речи Посполитой Смоленск, Рославль, Дорогобуж, Белую, Серпейск, Трубчевск, Новгород-Северский, Чернигов, Монастырский с окрестными землями. Смоленская епархия, которую составляли эти города, была для Московского па-

---

[1] См., например: *Дубаков А.В.* Астраханская епархия Русской православной церкви (середина XVII – XVIII столетие). Волгоград, 2004.

[2] Об этом см.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 3. СПб., 1836. № 107, 111, 127.

[3] *Покровский И.* Русские епархии в XVI – XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. В 2-х т. Т. 1. Казань, 1913. С. 86; *Дмитриев А.П. История Корельской (Кексгольмской епархии) // «Вуокса».* Приозерский краеведческий альманах. Вып. 2. Т. 1. СПб., 2000 – 2001. Режим доступа: http://www.priozersk.ru/1/text/0016_1.shtml.

триархата утрачена более чем на 30 лет. Оставшиеся в составе России Брянск, Карачев, Севск, Комарицкая область, Козельск, Вязьма, Мещовск, Мосальск были включены в состав Патриаршей области[1].

Всего в 1598—1619 гг. на канонической территории Московского патриархата архиерейскую власть осуществляли 34 архиерея (в это число не вошли владыки, поставленные в 1619 и 1620 гг.)[2]. И з них 14 были поставлены в 1578 по 1598 гг., а 20 — в 1599—1618 гг. В отношении Корельского епископа Павла (1613—1616) в историографии нет единодушия. Сведения источников о нем чрезвычайно скупы — он упоминается лишь в общих списках архиереев. На этом основании К.Я. Здравомыслов усомнился в существовании владыки[3]. Однако А.П. Дмитриев справедливо указал на следующие обстоятельства: во-первых, вплоть до 1617 г. земли Корельской епархии являлись театром военных действий, но формально не были утрачены Россией, поэтому вполне резонным было назначение сюда епископа, который мог проживать в Новгороде (так, с 1685 г. корельские епископы проживали в новгородских Антониевом или Юрьевом монастырях). Во-вторых, нет оснований считать фальсификацией само упоминание имени епископа Павла в официальных документах[4]. Аргументы А.П. Дмитриева представляются убедительными, и в настоящей статье имя епископа Корельского Павла учтено в группе архиереев.

Мобильность архиереев между кафедрами в период Смуты практически отсутствовала. Подавляющее их большинство — 26 персоналий — занимали только одну кафедру с момента поставления до смерти или удаления.

Пять архиереев эпохи Смуты поднялись в Лествице духовных властей. Трое из них были поставлены в патриархи — Рязанский митрополит Исидор, Казанский митрополит Гермоген, Ростовский митрополит Филарет Никитич Романов; двое переведены на более значимые кафедры — архиепископ Вологодский Иона (Думин) в митрополиты Ростовские, архиепископ Макарий Вологодский в митрополиты Новгородские. Перемещение еще двух архиереев между кафедрами было вызвано обстоятельствами Смуты. В 1611 г. епископ Корельский Сильвестр по приглашению жителей Вологды (кафедра

---

[1] *Покровский И.* Указ. соч. С. 171.

[2] *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.

[3] *Здравомыслов К.Я.* Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени. Краткие биографические очерки. Новгород, 1897. С. 36.

[4] Епископ Сильвестр (1595– 1613) // *Дмитриев А.П. Указ. соч.* Режим доступа: http://www.priozersk.ru/1/text/0016 1.shtml.

вдовела с 1609 г.) и в связи с напряженной ситуацией в собственной епархии переехал в Вологду, откуда окормлял обе епархии, в 1613 г. он был поставлен во архиепископы Псковские (последнее упоминание Псковского архиепископа Иосифа относится к 1610 г.). Архиепископ Елассонский Арсений (Грек), оставшийся в Москве после учреждения патриаршества, с 1597 по 1615 г. являлся архиепископом при Архангельском соборе Московского кремля, в 1613 г. занял Тверскую кафедру с сохранением прежнего титула, а в 1615 г. был переведен в Суздаль и более не носил титула архиерея при Архангельском соборе.

Особый случай составляет карьера митрополита Ростовского и Ярославского Кирилла (Завидова). Он был поставлен на кафедру 18 марта 1605 г., а в апреле 1606 г. удален с нее (жил в Троице-Сергиевом монастыре). Решением Лжедмитрия I в Ростов был поставлен Филарет Никитич Романов, однако после пленения последнего поляками Кирилл (Завидов) по просьбе жителей Ростова вновь занял прежнюю кафедру (занимал ее до смерти 7 мая 1619 г.).

В эпоху Смуты отмечается высокий процент насильственного сведения архиереев с кафедр, их гибели. Решением светских властей с епархии были сведены патриархи Иов, Игнатий, митрополит Ростовский Кирилл (Завидов). Еще двое владык были взяты в плен. В 1608 г. войсками Лисовского при взятии Коломны был пленен архиепископ Коломенский Иосиф, вскоре освобожденный войсками Василия Шуйского (вернулся на епархию). В 1611 г. при взятии Смоленска раненый архиепископ Сергий был пленен и увезен в Варшаву, откуда возвратился в 1619 г. В тушинском плену в 1608—1610 гг., и в польском плену в 1612—1619 гг. находился митрополит Ростовский и Ярославский Филарет Никитич Романов. Двое русских архиереев Смутного времени приняли мученическую смерть. Патриарх Гермоген († 1612) был уморен голодом в темнице Чудова монастыря. В 1608 г. тверской архиепископ Феоктист был захвачен в плен тушинцами, подвергался мучениям, бежал, но был настигнут и убит (в 2000 г. прославлен в чине священномучеников). Таким образом, семеро архиереев (более 20% исследуемой группы) были отторгнуты от епархии насильственно, пятеро из них перенесли тяготы плена, двое погибли. Решением Освященного собора был осужден вологодский архиепископ Нектарий (Грек). Но в 1620-е гг. решение признали ошибочным, архиепископа Нектария оправдали и восстановили на кафедре[1]. Первый архиепископ Астраханский Феодосий скончался на пути на епархию в 1606 г.

[1] Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. III. М., 1866. Отд. V (Смесь). С. 8–10.

В литературе существуют две точки зрения о судьбе архиепископа Суздальского Галактиона. Согласно первой из них, высказанной Н.М. Карамзиным, владыка был низложен в 1608 г. сторонниками Лжедмитрия II, после чего скончался в изгнании[1]. Однако А.В. Маштафаров обратил внимание на другие источники, свидетельствующие, что Галактион присягнул самозванцу вместе с жителями Суздаля при появлении тушинцев в октябре 1608 г.[2] Он дважды бывал в Тушино, вскоре после присяги с просьбой о защите епархиального имущества, а в 1609 г. — для оправдания в обвинениях в измене, был оправдан и отпущен на епархию[3]. Вскоре по возвращении в Суздаль он умер «от кручины».

Во время Смуты случались весьма длительные периоды вакантности кафедр. Так, учрежденная в 1602 г. Астраханская и Терская епархия не знала архиерея до 1616 г. В 1602 г. на нее был поставлен архиепископ Феодосий, скончавшийся в 1606 г. по пути в Астрахань. Его преемник — архиепископ Онуфрий — был рукоположен лишь в 1615 г. Таким образом, Астраханская кафедра оставалась без пастыря почти 10 лет, а, считая годы правления епархией архиепископом Феодосием из Москвы, — 13. Семь лет продолжалось вдовство самой патриаршей кафедры после смерти в 1612 г. патриарха Гермогена. В 1612—1619 гг. кафедра управлялась местоблюстителями: митрополитом Казанским Ефремом (1612—1613), митрополитом Крутицким Ионой (1614—1619). Тверская кафедра вдовела после убийства архиепископа Феоктиста в 1608 г. до 1613 г., когда ее занял архиепископ Елассонский Арсений (Грек). Длительное вдовство этих епархий объяснялось не столько внутрицерковными проблемами, сколько политическими обстоятельствами. Астраханские земли 1613–1614 гг. были охвачены мятежом И. Зарцкого, на территории Тверской епархии бесчинствовали поляки и тушинцы, патриаршую кафедру должен был занять «нареченный» патриарха Филарет Никитич, до 1619 г. находившийся в польском плену.

В остальных случаях смена архиереев (по смерти или удалении на покой) происходила довольно быстро — в течение нескольких месяцев. При этом кандидаты в большинстве случаев избирались по традиции из числа настоятелей и архимандритов наиболее зна-

---

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 12. М., 1989. С. 76; *Карташов А.В.* Очерки по истории Русской Православной Церкви. М., 1991. Т. 2. С. 67–68 и др.

[2] *Маштафаров А.В.* Галактион, архиепископ Суздальский // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 289–291.

[3] *Тюменцев И.О.* Указ. соч. С. 271–272.

чимых монастырей. Из 20 владык, поставленных в 1598—1619 г., 13 (65%) были хиротонисаны из архимандритов и игуменов Чудова, Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского (двое), Спасо-Евфимиева, Соловецкого, Рязанского Спасского, Тихвинского Успенского (двое), Псковского Печерского, Астраханского Троицкого, Болдина, Переяславского Данилова. Двое — из бывших греческих архиепископов (Нектарий Критский и Арсений Елассонский). Один из иноков Антониево-Сийского монастыря (Филарет Романов). Сведений о сане остальных четырех владык до поставления в архиереи не сохранилось. Все 13 владык до поставления в епископы имели большой опыт игуменства в одном или более монастырях: четверо более 20 лет руководили монастырями (Кирилл (Завидов), Иона (Архангельский), Феодосий Астраханский, Иоаким Псковский), семеро управляли монастырями более шести лет, остальные — два—три года. Карьеру архиепископа Макария в рассматриваемый период можно назвать самой динамичной. В 1615 г. он стал игуменом Тихвинского Успенского монастыря. Его предшественник — игумен Онуфрий — был поставлен в архиепископы Астраханские и Терские. В 1617 г. после осуждения архиепископа Вологодского и Великопермского Нектария (Грека) Макария назначили на Вологодскую кафедру. Наконец, в 1619 г., после освобождения Новгорода и смерти митрополита Исидора, Макарий занял Новгородскую кафедру.

Наиболее часто архиереи в период Смуты менялись в Вологодской епархии: архиепископ Иона (Думин) в 1603 г. был переведен на Ростовскую кафедру, по смерти его преемника Иоасаф (1603—1609) кафедру занял бывший архиепископ Охридский Нектарий (Грек) (1613 - 1616), а после его осуждения на кафедру был рукоположен архиепископ Макарий (1617—1619), вскоре переведенный в Новгород. Без смены владык пережила Смуту Коломенская епархия, которую в 1586—1615 гг. (29 лет) окормлял архиепископ Иосиф. Митрополит Исидор занимал Новгородскую кафедру 16 лет (1603 - 1619 гг.).

Наиболее тяжелым для русской церкви, как и для страны в целом, стал период 1608—1612 гг. В это время без пастыря остались многие епархии. В 1611—1612 г. число незанятых кафедр достигло пика — восемь из четырнадцати (60%). Вдовели патриаршая кафедра (1612—1619), Тверь (1609—1619), Суздаль (1609—1612), Псков (1610 - 1616), Вологда (1609—1613), Астрахань (1606—1616), Крутицы (1611 - 1613). Были лишены возможности находится на территории своих епархий Сильвестр Корельский (с 1611 г. в Вологде),

Сергий Смоленский (с 1611 г. в польском плену). Грамота князя Д.М. Пожарского и Совета Всей земли митрополиту Казанскому и Свияжскому Ефрему от 29 июля 1612 г. сообщает о смерти патриарха Гермогена и рисует картину церковного опустошения: «по градом многие пастыри наши и учители, Митрополиты и Архиепископы и Епископы, яко пресветлые звезды апогасоша... едина соборная церковь Пречистые Богородицы осталась на Крутицах, и та вдовствует»[1].

В период Смуты Русская церковь пережила тяжелые испытания, затронувшие все слои духовенства и достигшие высшего слоя русской иерархии — епископата, который за весь этот период насчитывал лишь 34 персоналии. Семеро архиереев были насильственно сведены с кафедры, двое убиты (в том числе патриарх). Наиболее тяжелым стал период 1611—1612 гг., когда без пастырей остались 8 из 14 кафедр. К концу Смутного времени каноническая территория Московского патриархата сократилась на две епархии (Корельскую и Смоленскую). С другой стороны, за исключением случаев, объясняющихся политическими или военными обстоятельствами, вдовевшие кафедры замещались в относительно краткие сроки, и большинство представителей русского епископата было поставлено из опытных игуменов наиболее значимых русских монастырей. Не возникло распространенной практики случайного или ангажированного поставления архиереев. Незначительны и показатели перемещений архиереев между кафедрами — 80% архиереев в своей карьере управляли только одной кафедрой. В целом, анализ данных о составе и динамике архиерейского корпуса позволяет утверждать, что, несмотря на разрушительное воздействие Смуты, в Русской церкви того времени сохранялись традиционные формы и сроки пополнения архиерейского корпуса, соблюдались требования к кандидатам в епископы, не сформировалась практика перемещения их между епархиями.

[1] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Т. 2. М., 1819. № 283. С. 599—600.

Давыдов В.А., Аверьянов К.А.

Московский Кремль в годы Смутного времени

Сердцем столицы России является Московский Кремль, который моложе Москвы лишь на девять лет. Если первое упоминание Москвы относится к 4 апреля 1147 г., то первое известие о Кремле находим в Тверской летописи под 1156 г.: «князь великий Юрий Володимерович (Долгорукий) заложи град Москву на устниже Неглинны, выше реки Аузы»[1].

За годы своего существования Кремль, будучи важной в стратегическом отношении крепостью, неоднократно перестраивался. Первая известная по источникам его перестройка приходится на конец княжения Ивана Калиты, когда зимой 1339/40 г. вместо прежних городских укреплений были возведены новые дубовые стены. Работы начались 25 ноября 1339 г., а уже через четыре месяца — к марту следующего года они были завершены.

Превращение Кремля из маленькой крепости в великокняжескую резиденцию способствовало тому, что новая перестройка кремлевских стен последовала уже через четверть века. Возведенный в 1366–1367 гг. белокаменный Московский Кремль времен Дмитрия Донского стал первой каменной крепостью в Северо-Восточной Руси.

Современные кремлевские стены относятся уже ко времени великого князя Ивана III. В 1462 г., в самом начале его княжения, известный московский зодчий В.Д. Ермолин обновил камнем кремлевскую стену от Свибловой башни до Боровицких ворот. Но прежний Кремль уже не соответствовал значению Москвы как центра могущественного государства. Он был построен в самом начале эпохи огнестрельного оружия. Постоянное развитие артиллерии предъявляло к устройству оборонительных сооружений новые требования. К тому же крепость, пережившая несколько тяжелейших осад и опустошительных пожаров, пришла в полную ветхость. Разрушавшиеся участки крепостных стен наскоро заделывались деревянными заплатами. Их было настолько много, что побывавшему в Москве в 1475 г. венецианскому послу Амброзио Контарини весь Кремль показался деревянным. «Город Москва, — писал он, — расположен на небольшом холме, и все строения в нем, не исключая и самой крепости, — деревянные»[2].

---

[1] Там же. Т. XV. М., 2000. Стб. 225.

[2] Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 227.

Сооружение новых кремлевских стен началось с наиболее опасной в военном отношении южной стороны, выходившей на Москву-реку. В июле 1485 г. приехавший на русскую службу итальянский архитектор Антон Фрязин на месте старых Чешковых ворот заложил «стрельницу» (башню), а под ней вывел «тайник», т.е. скрытый под землей ход к реке, позволяющий беспрепятственно снабжать защитников Кремля водой в случае осады. От этого тайника произошло название Тайницкой башни. В 1487 г. была построена угловая Беклемишевская башня, а в 1488 г. выше по течению Москвы-реки на месте старой Свибловой заложили новую, также с тайником. В 1490 г. поставили две башни — Боровицкую и Константино-Еленинскую; одновременно была возведена стена от Свибловой до Боровицкой башни. Их строительством руководил известный мастер Пьетро Антонио Солари, выходец из знаменитой миланской семьи архитекторов и скульпторов. В Москве он получил титул генерального «архитектуса».

В 1491 г. приступили к строительству восточной стены — были заложены Фроловская (Спасская) и Никольская башни. В 1492 г. возвели крайнюю угловую башню с тайником, который вел к Неглинной, а также стену, соединявшую Фроловские и Никольские ворота.

Смерть Солари в 1493 г. и случившийся в том же году большой пожар несколько затормозили работы. Тем не менее, они продолжались. Наибольшие трудности вызвала постройка западной стены Кремля по высокому берегу Неглинной, где необходимо было предварительно провести сложные работы по укреплению береговой возвышенности. Кроме того, берега этой реки были одним из самых густозаселенных районов города со множеством церквей и жилых домов, что было опасно в пожарном отношении и давало неприятелю хорошее укрытие во время осады крепости. Специальным указом Ивана III в 1493 г. были снесены все церкви и дома вдоль Неглинной на пространстве более ста саженей (это примерно равнялось дальности полета стрелы) от возводившихся кремлевских укреплений[1].

Строительство кремлевских стен с характерными двугорбыми зубцами общей длиной 2270 м было закончено к 1495 г. После их возведения Кремль получил форму треугольника (он занял территорию 0,28 кв. км), на каждой из сторон которого было возведено по семь башен (считая угловые для каждой стороны). Всего же

[1] ПСРЛ. Т. XXV. С. 332; Т. XXVIII. С. 156 157. Сажень старая единица длины, равнявшаяся 152 см.

было построено 19 башен, некоторые из которых являлись проездными (одна из них, находившаяся между Никольской и Сенатской башнями, изображенная на некоторых планах XVII в. и упоминаемая в описи 1667 г., впоследствии была утрачена). Еще одна башня — Кутафья являлась отводной. В соответствии с рельефом местности высота стен колебалась от 10 до 21 м. Наиболее высокие стены были построены с восточной стороны, не имевшей естественной водной преграды, — там, где ныне располагается Красная площадь. С другой стороны, вдоль Неглинной, где подход к Кремлю затруднялся, стены заметно понижались. Что касается толщины стен, она везде была примерно одинаковой — от 4 до 6 м.

Кремлевские укрепления вполне отвечали требованиям тогдашнего фортификационного искусства. Кремль представлял собой систему надежно защищенных и сильно вооруженных точек — башен, контролирующих окружающее их пространство. Стены, как можно заметить и сейчас, местами идут не прямо, а с небольшим изломом, башни же несколько выдвинуты вперед. Благодаря этому во время боя с каждой башни можно было наблюдать за положением на соседних и своевременно оказывать необходимую помощь. С точки зрения обороны каждая башня представляла собой как бы самостоятельную крепость. Она могла защищаться, даже когда соседние участки крепостной стены были заняты противником. Внутри башни были разделены сводами и деревянными настилами на несколько ярусов и имели отверстия — амбразуры, приспособленные для трехъярусного «огненного боя» — верхнего, среднего и нижнего (или «подошвенного»). Сверх того были устроены и машикули[1]. В толще стен на всем их протяжении были устроены внутренние ходы, которые соединяли все башни. Впереди проездных башен для прикрытия ворот были построены отводные «стрельницы». Уровень земли около стен и башен с внутренней стороны Кремля везде был выше, чем извне, что увеличивало их прочность и устойчивость.

Интересно, что многие иностранцы, описывавшие Кремль, едины во мнении о его сходстве с итальянскими замками. На это их наталкивало многое: создание системы, позволившей превратить Кремль в защищенный остров, решение инженерных задач по возведению стен вдоль реки Неглинной и даже форма зубцов стен и башен. Но самым ярким показателем явилось то, что въезд в крепость осуществлялся по мостам и через башни, имевшие до-

[1] Машикули - навесные бойницы на башнях и стенах.

полнительные стрельницы или предмостные укрепления. Из них сохранилась только Кутафья башня. Все эти гидротехнические, фортификационные и конструктивные приемы использовались при завершении строительства дворца Сфорца в Милане.

Это обстоятельство заставило некоторых исследователей поставить вопрос о существовании предварительно разработанного проекта кремлевской крепости, автором которого считали Аристотеля Фиоравенти. Однако в ходе реставрационных исследований было поставлено под сомнение наличие достаточно подробно разработанного проекта такого рода. К примеру, оказалось, что основной объем Беклемишевской башни был выстроен в два приема, причем первоначально машикули располагались примерно вдвое ниже, чем сейчас. Это дало основание датировать нижнюю кладку 1487 г., в соответствии с летописным известием о завершении этой башни Марко Фрязиным, а верхнюю — 1490 г., когда Пьетро Антонио Солари возвел высокое смежное прясло стены с Константино-Еленинской башней, что в итоге заставило значительно увеличить высоту уже законченного сооружения.

Выяснилось, что каждый из зодчих, работавших над строительством кремлевских укреплений, привносил в них что-то свое. Так, Благовещенская башня, относящаяся к первому этапу строительства под руководством Антона Фрязина, отличается от более поздних башен сравнительно небольшими размерами, особым устройством бойниц. Марко Фрязин, возводивший Беклемишевскую башню, проявил вкус к тонкой и изящной прорисовке деталей. Отличающие кремлевскую крепость размах и величественную суровость она приобрела в период, когда работы возглавил Пьетро Антонио Солари. Таким образом, по мере возведения Кремля его первоначально задуманный облик претерпевал определенную трансформацию, и завершенная крепость оказалась в итоге более могущественной и монументальной, чем предполагалось на начальном этапе строительства.

Позднейшие перестройки изменили первоначальный вид Кремля, хотя основная его часть сохранилась от эпохи Ивана III. В период Смутного времени башни не имели привычных нам шатровых завершений, а заканчивались площадкой с низкой конусообразной кровлей, дававшей прикрытие защитникам от непогоды. Деревянная кровля шла также вдоль всей стены. Она служила одновременно и для обороны от навесного боя, и для предохранения стен от разрушительного действия дождя и снега.

После кончины Ивана III в 1505 г. великим князем стал его сын Василий III, продолживший начатое его отцом строительство Кремля, превратившее его в неприступную крепость. В 1508 г. Алевизом Фрязиным были проведены работы по устройству рва с водой, шедшего вдоль восточной кремлевской стены и соединявшего Неглинную с Москвой-рекой около Беклемишевской башни. Вода поступала из прудов, устроенных на Неглинной в районе нынешней площади Революции. При прокладке первой линии московского метро в 1930-х годах были открыты остатки плотины, стоявшей ниже угловой Арсенальной башни, и выяснилось, что ров наполнялся водой через подземный канал. Во рву она удерживалась посредством шлюзов. Ров на Красной площади имел глубину от 9 до 12 метров, а ширину вверху — от 28 до 34 метров. Он был облицован камнем и кирпичом, а позднее с обеих его сторон были поставлены невысокие зубчатые стенки. У Фроловских (Спасских) и Никольских ворот через него были переброшены деревянные подъемные мосты.

С противоположной стороны крепости у Троицкой башни через Неглинную в 1516 г. был устроен каменный арочный мост, заканчивающийся отводной стрельницей (ныне Кутафья башня). Система обороны Кремля дополнялась сетью подземных сооружений — тайников и «слухов» (длинных подземных галерей), предназначенных для наблюдения за осадными работами противника, а также для того, чтобы осажденные могли выбраться наружу. Один из таких потайных ходов был обнаружен в конце XIX в. Он начинался около Тайницкой башни, тянулся через весь Кремль, а за его стенами шел подо рвом в сторону Никольской улицы. Сохранились сведения, что другой подземный ход шел от тех же Тайницких ворот к Варварке, проходя под храмом Василия Блаженного.

После перестройки Кремля на рубеже XV—XVI вв. Москва производила по внешнему облику двойственное впечатление как бы двух городов — каменного и деревянного, что отразилось во впечатлениях иностранцев. Посол Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн, побывавший в ней в первой четверти XVI в., писал: «Крепость же настолько велика, что, кроме весьма обширных и великолепно выстроенных из камня хором государевых, в ней находятся хоромы митрополита, а также братьев государевых, вельмож и других весьма многих лиц. К тому же в крепости много церквей, так что своей обширностью она почти как бы напоминает вид города»[1]. Что же касается посада со слободами, то он, отделен-

[1] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 132.

ный от Кремля водой и незастроенным пространством, резко контрастировал с ним, будучи сплошь деревянным.

В XVI в. Москва становится крупнейшим городом России, намного превосходя по своим размерам и численности населения все остальные города страны. По оценкам историков, в Москве с пригородами до событий Смутного времени жило около 200 тыс. человек (48 тыс. посадского населения, 53 тыс. дворян, 27 тыс. человек духовного звания, 28 тыс. иноземцев и 44 тыс. в военных слободах).

Бурный рост населения Москвы и расширение городской территории привели к тому, что Кремль уже физически не мог вместить всех горожан в случае внезапного набега противника. Со всей остротой встал вопрос о строительстве новых укреплений. В малолетство Ивана Грозного вокруг «великого посада» в 1534 г. построили вал. Он представлял собой довольно мощное укрепление, получившее название Китай-город. Это необычное для московской топонимии имя пытались объяснить по-разному. Для этого пытались привлечь даже тюркские языки, где можно найти схожее по звучанию слово, означающее «срединный город». Но происхождение названия легко объясняет сама летопись, когда рассказывает о технике возведения Китай-города. Для того чтобы насыпанный земляной вал не оплывал, его сооружали по всем правилам тогдашнего фортификационного искусства: «сплетаху тонкий лес около большаго древия и внутрь насыпаху землю и крепку утвержаху». В современном русском языке до сих пор уцелело редкое диалектное слово «кита», означающее плетень, плетение. От него-то и получилось название Китай-города. На вершине вала был устроен деревянный частокол, а перед ним вырыт глубокий, до 10 метров, ров, наполненный водой, уровень которой поддерживался целой системой плотин. Но уже через год вместо деревянного частокола начали возводить каменные стены с 13 башнями. Китайгородская стена, с двух сторон примыкавшая к Кремлю, была ниже кремлевской, но лучше приспособленной к ведению артиллерийского и ружейного огня. Для своего времени она являлась очень сложным фортификационным сооружением с целой системой тайников, «слухов» и подземных ходов. Во время строительства первой очереди метро на Лубянской площади были обнаружены следы подобных подземных сооружений.

Все работы были завершены в 1538 г. Ими руководил итальянский архитектор Петрок Малый. Он выехал из Италии в Москву при великом князе Василии III, здесь принял православие, женился и получил поместья. Помимо Китайгородской стены он

принимал участие и в других постройках, в частности, выстроил в Кремле Воскресенскую колокольню, являвшуюся наиболее древней частью позднейшей колокольни Ивана Великого. В 1539 г. он был послан укрепить город Себеж, но бежал за границу «от великого мятежа и безгосударства боярского правления», как выразился один из современников[1].

С постройкой укреплений Китай-города укрепленная площадь Москвы составила 1,07 кв. км. Но новая стена не смогла охватить всей территории городской застройки — ее значительная часть по-прежнему оставалась незащищенной. Толчком для постройки новых укреплений стал набег крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. Крымцы появились под Москвой 23 мая. Русские войска вместе с толпами москвичей и окрестных жителей отступили под защиту городских стен. На узких улицах Москвы образовалась страшная давка. Между тем татары подожгли покинутые москвичами дома. Вспыхнувший огонь оказался настолько сильным, что пламя перекинулось на Китай-город. Загорелся и Кремль. В какие-нибудь несколько часов Москва фактически превратилась в груду пепла. И хотя крымцы так и не взяли город, урон от нашествия показал всю очевидность возведения нового кольца укреплений.

Вскоре после набега 1571 г. по линии нынешнего Бульварного кольца был возведен вал шириной в три сажени, с бревенчатыми воротами, обложенными землей и дерном. Но приступить к созданию здесь более серьезных укреплений удалось лишь в начале царствования сына Ивана Грозного — Федора. В мае 1585 г. начались работы по постройке вдоль этого вала каменных стен. Ими руководил русский мастер Федор Конь. Камень для постройки ломали в карьерах подмосковной Мячковской дворцовой волости. Там же выжигалась известь.

Строительство растянулось на несколько лет. В результате этих длительных работ к 1591 г. вокруг Москвы было возведено третье кольцо укреплений, охватившее площадь в 533 га. Оно представляло собой правильный полукруг, концы которого упирались в устья Яузы и ручья Черторый, а десятикилометровая стена, соединявшая их, смыкалась с южными стенами Кремля и Китай-города в одну общую линию, защищенную Москвой-рекой.

Вновь укрепленное пространство первоначально получило название Царева города. Однако вскоре это прозвание было вытеснено именем Белого города, данного по белому цвету побеленных

[1] ПСРЛ. Т. XIII. С. 79–82.

штукатуркой стен. Новые укрепления состояли из трех десятков башен, десять из которых были проездными и именовались воротами: Яузскими, Покровскими или Кулижскими, Фроловскими (позднее Мясницкими), Сретенскими, Петровскими, Тверскими, Никитскими, Арбатскими, Чертольскими (позднее Пречистенскими) и Водяными (они выходили на Москву-реку). Память о них до сих пор сохранилась в именах теперешних площадей по линии Бульварного кольца.

Едва закончилась постройка стен Белого города, крымские татары попытались проверить силу новых московских укреплений. Летом 1591 г. крымский хан Казы-Гирей совершил новый набег на Москву. 4 июля крымское войско предприняло нападение у Коломенского. Но в бой вступила русская артиллерия, и это решило исход дела. В ночь на 5 июля крымский хан спешно покинул лагерь под Москвой, а на следующий день уже переправился через Оку. И хотя крымцам удалось дойти лишь до окраин города, московское правительство, помня о страшной трагедии 20-летней давности, решило обезопасить столицу полностью. Сразу после ухода врага было постановлено «устроити... окрест всех дальних посадов град древян»[1].

Новые укрепления пролегли по линии нынешнего Садового кольца и тем самым впервые защитили Замоскворечье, а также Заяузье в районе Новоспасского монастыря. Они представляли собой деревянные стены толщиной «в три добрых сажени», окруженные рвом. По вынутой из него земли новое пространство получило название Земляной город. Работы по строительству Земляного города начались в 1591 г., а закончились уже в следующем году. За их спешность иногда новый город в народе называли «Скородом».

Эти предпринятые московским правительством меры привели к тому, что к началу XVII в. Москва стала одним из самых укрепленных городов Европы. Всего четырьмя кольцами укреплений была защищена огромная территория в 1878 га.

Серьезные беды выпали на долю Кремля и московских укреплений во время Смутного времени начала XVII в. Если не считать восстания против Лжедмитрия I 17 мая 1606 г., первым боевым испытанием московских укреплений стала двухмесячная осада Москвы осенью 1606 г. восставшими во главе с И.И. Болотниковым. За ней последовала осада города новым самозванцем — Лжедмитрием II, продолжавшаяся с начала июня 1608 г. по конец декабря

[1] Там же. Т. XIV. Вып. 1. С. 11, 43.

1609 г. Восстание москвичей против польско-литовских интервентов 19 марта 1611 г. привело к уничтожению большей части московских укреплений. Пытаясь заставить восставших отступить из российской столицы, поляки решили сжечь Москву, за исключением Кремля и Китай-города. Посад был подожжен сразу в нескольких местах. Пламя сплошным морем охватило скученные деревянные постройки и, раздуваемое ветром, быстро распространилось во все стороны.

Московские укрепления сильно пострадали осенью 1612 г., когда началась правильная осада Кремля и Китай-города силами Второго ополчения. У Пушечного двора в Георгиевском монастыре, между Дмитровкой и Тверской, у церкви Всех святых на Кулижках были поставлены пушки, которые непрерывно били по стенам, осыпая их ядрами.

Любопытно, что именно к Смутному времени относится первый известный рисунок Кремля. Это была гравюра в сборнике Геселя Герритса, выпущенном в Амстердаме в 1613 г. и переизданном в 1614 г., изображающая кремлевские стены и башни со стороны Китай-города. Предполагают, что источником для этой гравюры, помещенной в качестве врезки к карте, послужил рисунок нидерландского купца Исаака Массы, который долго жил в России и вернулся на родину в июне 1609 г.

Интересные подробности о Кремле, топографические описания кремлевской территории, конкретные характеристики укреплений, храмов и даже отдельных зданий и внутренних интерьеров, включая и несохранившиеся, встречаем у польских авторов, ставших очевидцами событий начала XVII в. В их дневниках, воспоминаниях сталкиваемся с рассказом о «Золотой палате», дворце Лжедмитрия I, Благовещенском, Архангельском соборах. К примеру, в «Записках» С. Маскевича упоминается, что вся крепость застроена боярскими дворами, церквями, монастырями. Ворот в ней четверо. Над Фроловскими воротами «на шаре стоит орел» — символ российского герба. Высокая толстая стена и глубокий, выложенный с обеих сторон камнем ров отделяют Кремль от Китай-города. В этой связи примечательна еще одна деталь мемуаров иностранцев. Если слово «Кремль» сейчас известно всем в мире и даже не нуждается в переводе, то западноевропейские авторы конца XV — начала XVII в., в отличие от русских летописцев, еще не знали его, употребляя термины «замок», «крепость», а с конца XVI в. (после постройки других укреплений) — «старый город» или «внутренний город». Появление названия «Кремль» в иностранной литературе

относится лишь ко второй половине XVII в. и впервые отмечено у Яна Стрейса.

Сразу после освобождения в 1612 г. Кремль представлял печальную картину: все палаты и хоромы стояли без кровель, полов и крылец, без окончин и дверей, расхищенных интервентами для отопления своих жилищ. «Государева казна» была расхищена. Но постепенно он восстанавливается вновь. К приезду нового царя Михаила Романова постарались по возможности привести в пристойный вид хотя бы царский дворец, но из-за нехватки денег все делалось «на скорую руку». Наскоро отремонтировали и кремлевские укрепления. Лишь с середины 20-х годов XVII в. возобновляется новое строительство. В 1624 г. Баженом Огурцовым к столпу Ивана Великого и Петроковской звоннице с севера была пристроена так называемая Филаретовская пристройка (инициатором ее возведения был патриарх Филарет), увенчанная своеобразным шатровым верхом. Она предназначалась для четырех самых больших (из тридцати трех) колоколов Ивана Великого.

Вскоре после Смуты Кремль утрачивает оборонное значение. Внутренние укрепления, защищавшие лишь небольшую центральную часть, в таком большом городе, как Москва, потеряли смысл, и Кремль постепенно превращается в обширный и величественный дворцовый комплекс. Это не замедлило сказаться на его внешнем облике. В 20-х годах XVII в. под наблюдением С. Караулова и Г. Загряжского была надстроена Фроловская (Спасская) башня. До этого она имела лишь небольшую надстройку, внутри которой был повешен колокол, а вверху красовался государственный герб в виде двуглавого орла с распростертыми крыльями. На башне имелись часы. Они, вероятно, были довольно значительных размеров, судя по тому, что их механизм весил 60 пудов. Но в годы Смуты они испортились и поэтому были проданы на вес одному из монастырей.

В 1621 г. на службу был принят «аглицкой земли часовой мастер» Христофор Галовей. Ему за большое по тем временам жалованье в 60 рублей в год, не считая поденного корма на 20 копеек в сутки и дров, было поручено устроить новые часы. Для этого приступили к постройке каменного верха башни, сохранившегося до наших дней. Работы осуществили каменщики под руководством каменных дел подмастерья Бажена Огурцова. Башня была украшена изваяниями, высеченными из белого камня и представлявших собой фантастические фигуры зверей и людей. Но москвичам они не понравились. «Болваны» (так именовались фигуры) пока-

зались неприличными. Их одели в суконные кафтаны. Когда во время пожара 1626 г. часть статуй погибла, то их не восстановили, а на их месте оказались пустые ниши. Одновременно Галовей разработал проект устройства новых часов с «перечасьем» (боем). Для этого отлили 13 колоколов. Часы установили мастера-кузницы из Устюжского уезда Ждан, его сын Шумило Жданов и внук Алексей Шумилов.

Куранты располагались этажом ниже, чем в настоящее время. Они отличались от современных. Время показывала неподвижно установленная стрелка в виде солнечного луча, а вращался циферблат. Счет времени производился от восхода до захода и от захода до восхода. Так как на широте Москвы продолжительность самого длинного дня составляет 17 часов, то на циферблате было нанесено 17 делений с обозначением часов славянскими буквами и арабскими цифрами. Диск представлял собой небесный свод лазоревого цвета с солнцем, серпом луны и золочеными звездами. Поскольку продолжительность дня меняется, часовщику приходилось на рассвете ставить часы на первый час, после чего начиналось течение дневных часов. На закате он снова переводил часы на первый час, и тогда начиналось течение ночных часов. Эта операция называлась «отдачей» дневных и ночных часов. Если верить Павлу Алеппскому, посетившему Москву в середине XVII в., бой курантов был слышен на 10 верст. Часы он характеризовал как «знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству и по громкому звуку своего большого колокола». Позднее часы были устроены на Тайницкой и Троицкой башнях.

В 1633 г. Свиблова башня стараниями уже упоминавшегося часовщика Галовея под наблюдением князя С. Горчакова была приспособлена для водопровода. В верхнем этаже был устроен выложенный свинцом большой бак, куда накачивалась вода, поступавшая затем по свинцовым трубам на царский двор. При водопроводе состоял «водовзводного дела мастер», получавший в 1681 г. 20 рублей жалованья в год, и большой штат «кормовых» работников, т.е. плотников и кузнецов, получавших поденный корм.

Поскольку кремлевские стены и башни уже не рассматривались в качестве военно-оборонительных сооружений, последствия Смуты были видны еще несколько десятилетий. В середине XVII в. встал вопрос о ремонте кремлевских стен. В 1646 г. была составлена опись повреждений в стенах и даже создан новый кирпичный завод. Однако нехватка финансов задержала работу. Вновь к этому вернулись в 1667 г., когда была составлена новая опись поврежде-

ний, оказавшихся еще более значительными. Московские мастера запросили слишком большие деньги, и поэтому по городам были разосланы грозные грамоты о присылке в столицу кирпичников и каменщиков с предупреждением, что если кто из них «ухоронится» и в Москву не поедет, то их жены и дети подвергнутся тюремному заточению, пока беглецы не объявятся.

Однако работы затянулись надолго. Окончание ремонта и надстройка угловых башен относятся, по всей вероятности, ко времени после смерти царя Федора Алексеевича (1682 г.). При царевне Софье были окончены надстройки в виде высоких шатров на Беклемишевской и Водовзводной башнях, сохранившиеся до сих пор. В 1685 г. по образцу Спасской была надстроена и Троицкая башня. Никольская башня вплоть до 1806 г. оставалась в прежнем виде. На месте прежней деревянной вышки в 1680 г. была построена соседняя со Спасской шатровая Царская башня, имеющая вид открытой беседки. С этого времени общее число всех кремлевских башен, включая и отводную Кутафью, дошло до двадцати.

Интересно, что надстройки башен преследовали не только декоративные функции. Для борьбы с пожарами на Спасской, Тайницкой башнях и на Троицком мосту было установлено постоянное наблюдение за всеми районами города. Москвичей оповещали об «огненном запалении» набатным звоном колоколов, висевших на башнях. Если пожар возникал в Кремле, то били в три колокола «в оба края поскору», если загоралось в Китай-городе, то в один Спасский, «в один край скоро-ж». При пожарах в других частях столицы тревога поднималась различным звоном.

В 1680 г. по распоряжению правительства кремлевские стены были окрашены в белый цвет. В это же время были вымощены и улицы в Кремле.

Сироткин С.В., Карташова М.В.

Легенды и были Балахны: Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин

Нижний Новгород, Балахна. С этими городами неразделимо связаны имена освободителей Русской земли князя Дмитрия Михайловича Пожарского и нижегородца Кузьмы Минина. Из Нижнего Новгорода Второе ополчение шло вверх по Волге, и первым городом на их пути стала Балахна — важнейший центр солеварения в Среднем Поволжье. По преданиям, род Мининых происходил из этого города, а у Д.М. Пожарского в Жарской волости Балахнинского уезда находилось имение в селе Юрине.

Далекие сполохи Смутного времени основательно затронули Балахну. В сознании народа многие события смешались, взаимозамещая друг друга. Такая контаминация вольно или невольно привела к причудливому переплетению реальных исторических фактов с вымыслом и фантазией и дала повод к возникновению многочисленных местных легенд и преданий о героях Смуты. Фольклор несомненно имеет право на жизнь, но беда, если он попадает в исторические исследования, статьи и монографии без должного критического осмысления, превращаясь в устоявшийся факт, который никто не дерзнет подвергать сомнению. Подобные легендарные сведения кочуют из одной статьи в другую, из книги в книгу, со временем приобретая реальную историческую оболочку.

Одной из таких легенд является версия о балахнинском происхождении Кузьмы Минина. Даже несмотря на ряд статей и книг Б.М. Пудалова, С.В. Сироткина, А.В. Морохина и А.А. Кузнецова о Кузьме Минине, доказывающих что этот факт не соответствует действительности[1], в печати продолжают появляться новые версии о происхождении рода Мининых — на этот раз от балахнинского жителя Мины Редозубова[2].

---

[1] *Пудалов Б.М.* К биографии Кузьмы Минина // Мининские чтения: труды Научной конференции Нижегородского государственного университета им Н. И. Лобачевского, 20-21 октября 2006 г. Нижний Новгород, 2007. С. 184–195; *Сироткин С.В.* «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд // Мининские чтения: труды участников Международной научной конференции Нижегородского государственного университета им Н. И. Лобачевского, 24-25 октября 2008 г. Нижний Новгород, 2010. С. 138–151; *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017.

[2] *Селезнев Ф.А.* О происхождении, профессии и нижегородском доме Кузьмы Минина // Нижегородский краевед. Сборник научных статей. Нижний Новгород, 2016. Вып. 2. С. 43–67.

И если с балахнинскими корнями Кузьмы Минина историки выяснили истину, то подобное нельзя сказать о другом мифе — о так называемой вотчине Д.М. Пожарского в селе Юрине Жарской волости Балахнинского уезда.

По преданию, князь поставил в имении деревянную Казанскую церковь, сохранившуюся до наших дней, вырыл пруд, а место его последнего упокоения находится на юринском кладбище. Сейчас Юрино — небольшое селение, стоящее на краю бывшей Жарской волости и окруженное со всех сторон лесами. Опрос местных жителей подтвердил, что устоявшееся предание живо в народной памяти. По словам старожилов, могила полководца находилась вблизи Казанского храма и была отмечена надгробным камнем, который куда-то «запропастился». В соседней деревне Бредове, что в двух километрах от Юрина, также помнят имя героя, утверждая, что он владел и их деревней, на краю которой также вырыл пруд. Жители пояснили, что на месте одного из бредовских дворов стояла кузница, в которой Дмитрий Михайлович ковал оружие на захватчиков, а также указали на общую могилу интервентов между Юриным и Бредовым, якобы побитых в одном из сражений с полководцем. Подобные предания пришлось услышать и в поселке Конево близ указанных селений. Да и само название волости «Жарская», а местности «Жары», по мнению здешних жителей, дало основание фамилии князей Пожарских.

Недавно инициативная группа местных уроженцев выступила с просьбой к властям об установлении памятника, или хотя бы памятного знака, Д.М. Пожарскому в Юрине. А в начале 2018 г. в Российский государственный архив древних актов пришло письмо, которое приводим дословно, т.к. оно лучше всего характеризует укрепление легендарного вымысла в сознании народа и превращение его в исторический факт:

«*(Л. 1) В ноябре 2018 года исполняется 440 лет со дня рождения освободителя земли Русской — Дмитрия Михайловича Пожарского.*

Еще в пятилетнем возрасте (кажется, это было в 1981 году) худеньким вихрастым мальчишкой впервые попал я в село Юрино Балахнинского района Горьковской области. Всё мне было там интересно. Нескончаемым потоком сыпались из меня вопросы:

— А почему село называется Юриным?

— Село назвали так в честь Юрия Долгорукова, охотно отвечала мне бабушка — Медведева Наталья Степановна, которая очень обрадовалась приезду на всё лето внука. — Наше село основал в XIV веке потомок Долгорукова — Иван Фёдорович Пожарский.

— А почему деревенские гордятся, что здесь жил Дмитрий Пожарский?

— В трудную годину Руси народ призвал князя Пожарского освободить Москву от врага.

А я, не дослушав, уже мчался, сшибая одуванчики, по узкой тропинке к водоёму, который тогда мне казался большим прудом. Я так и сказал однажды:

— Бабуля! Я пошел купаться на пруд.

— Это не пруд, это — купальня рода Пожарских, — возразила мне бабушка.

На ночь бабушка читала мне сказания о подвиге Пожарского из третьего тома писателя-историка Василия Сиповского. А ночью мне снилось, как я вместе с воеводой Дмитрием Пожарским на Сретенке оборонял Москву от наступающих поляков.

"Пожарский, Пожарские, Дмитрий Пожарский" — эта фамилия склонялась в селе Юрино ежедневно. "Церковь князя Пожарского", "вотчина воеводы Пожарского", "Усадьба полководца Пожарского", "Могила Дмитрия Пожарского" ... Могилу я, конечно, не видел, но в домашней церкви Пожарских в последующие приезды бывал неоднократно. Говорят, что построил её боярин Дмитрий Имихайлович в 1615 году в честь Казанской иконы Божией Матери. С каким-то внутренним трепетом заходил я в церковь (к тому времени она использовалась как кладбищенская часовня). Меня очень удивили бревна, из которых была сложена церковь. Это были, (Л. 2) толстые, словно закрученные в спираль, свилеватые почерневшие брёвна.

— Бабуля! Неужели этой церкви 300 лет? — удивился я.

— Конечно! Ей даже больше 350 лет. — Подтвердила Наталья Степановна и пересказала мне предания, услышанные от её бабушки.

— Ещё в 1363 году предок Дмитрия — князь Иван Фёдорович переехал из Стародубского княжества в Жарскую волость Суздальско-Нижегородского княжества. А так как здесь тогда проживали только черемисы, мордва и другая заволжская чудь, то для обустройства на новом месте привёз он с собой русских людей, среди которых был род Медведевых. Были переселены и из других местностей. Тогда и появилось сельцо Юрино, в котором отстроили усадьбу Пожарских. Когда при обороне Москвы от польско-литовских захватчиков Дмитрий Пожарский был тяжело ранен, то соратники вывезли его подальше от поляков в окружённое лесом и болотами родовое имение Юрино Нижегородского уезда. И после освобождения Руси от польских захватчиков, Пожарский часто приезжал в Юрино. Он останавливался в усадьбе, молился в церкви, гулял по лесу, отдыхал возле купальни. А церковь

построил в честь своей победы над литовско-польским захватчиками. Крестьяне очень любили его: и как спасителя русского народа, и как справедливого барина. Даже тогда, когда воевода умер, деревенские мужики продолжали поддерживать эту церковь в надлежащем состоянии, а Юрино именовалось сельцом, то есть селением исключительно владельческого характера с усадьбой и другими заведениями. Наш род неразрывно связан с родом Пожарских. У семьи Пожарских был егерь, который ухаживал за медведями и которого прозывали сначала Медведчик, а потом Медведев. Часто травили ими не только собак, но и людей. Бой с медведем в ту пору был любимым развлечением народа. Именно через эту забаву получил наш род прозвище Медведчик, с годами трансформировавшееся в фамилию Медведев.

Прошу Вас сообщить, действительно ли село Юрино Жарской волости Нижегородской губернии было основано в конце XIV века? Сохранились ли сведения о нахождении у рода Пожарских егеря — Медведчика? Действительно ли церковь в честь Казанской иконы Божией Матери построена в сельце Юрино в 1615 году?

С уважением и надеждой на помощь И.П. Медведев. 18 декабря 2017 года»[1].

Как и когда возникло предание о юринской вотчине князей Пожарских, ныне уже установить невозможно, но документы свидетельствуют, что народное мифотворчество началось не позднее XVIII в. По крайней мере «юринское предание» было уже известно в начале XIX в.

Так, в начале января 1827 г. управляющий Министерством внутренних дел сообщил нижегородскому гражданскому губернатору Кривцову, что «государю императору угодно иметь сведения об остатках всех древних зданий, как-то: крепостей, замков, монастырей и церквей, хотя бы где оныя существовали, с объяснением:

1-е, когда и кем оныя строены или перестроены;

2-е, по какому случаю и для какого намерения;

3-е, ежели не полны, то сколько, почему и когда разрушены;

4-е, из каких материалов строены;

5-е, какия в них достойныя примечания или отличныя от обыкновенных вещи или части оных находятся;

6-е, в каком они теперь положении, в чьем ведении и для чего употребляются и, наконец, можно ли их поддержать починкою, не переменяя их древних планов и фасадов»[2].

---

[1] Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Архив Архива. Запрос № 20 от 10. 01. 2018 г.

[2] Центральный архив Нижегородской области (далее: ЦАНО). Ф. 570 «Нижего-

15 января того же года Нижегородский губернатор через губернское правление обратился в губернскую консисторию с требованием о доставлении известий об остатках древних зданий. В свою очередь Консистория затребовала сведения через духовные правления, а также благочинных и от настоятелей монастырей.

1 марта 1827 г. от благочинного села Черного священника Василия Алексеева в Балахнинское духовное правление был отправлен обстоятельный рапорт:

«Во исполнение Его Императорского Величеств указа из онаго правления, последовавшаго сего 1827 года под № 45-м о доставлении в сие присудственное место сведения касательно древних зданий, как-то, крепостей, замков, монастырей и церквей.

Мною найдена заслуживающею внимания по древности в принадлежащем приходу к селу Бурцеву селце Юрине упраздненная деревянная церковь, ибо оная церковь, по словам престарелых тутошних людей строена назад тому около 200 лет князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, жившим при оном селении с боляры Озеровским и Богдановым, и близь 50 лет упразднена по малоприходству за вывезением людей в немалом количестве помещиками в другие разныя места.

Впрочем, сия церковь, теперь находящаяся по неимению в ней священных сосудов, кроме престола и жертвенника, и не во все неудобная к священнослужению, в ведении состоит реченного села вотчиннаго начальника, и виду наружнаго еще не изменила, как разве рядами шестью обнизла в землю.

Замечания же в ней достойно то, что для алтаря наружнаго обыкновеннаго отопления при ней не имеется, а для священнослужения место преграждено иконостасом в настоящей ея части. Еще стоят замечания в сей церкви и окны, из коих два в вышину около трех четвертей и в ширину двух, а четыре жь окна имеют по шести кубических вершков. А чтоб и на следующие веки продолжить ее бытие, то о подведении под ее каменнаго фундамента и о покрытии ея железом.

На сим покорнейшем репорте мнение свое и открываю.

Благочинный села Чернаго священник Василий Алексеев»[1].

4 мая того же 1827 г. благочинный и протоиерей Балахнинского Вознесенского собора Сергей Герасимов Кондорский покорней-

---

родская консистория». Оп. 556. Д. 300 за 1827 год. «Дело по отношению нижегородского гражданского губернатора Кривцова касательно доставления сведений об остатках древних зданий». Л. 1, 2.

[1] Там же. Л. 187– 187 об.

шим рапортом из Балахнинского духовного правления сообщал преосвященнейшему Афанасию, епископу Нижегородскому и Арзамасскому о древних достопримечательностях в Балахне и уезде, особо отмечая, что в городе «был двор осадной болярина князя Димитрия Михайловича Пожарскаго. Сей значителен потому, что жительство имел сей князь поблизости города Балахны в Жарской волости на прежде бывшей большой Московской дороге верстах в тритцати от Балахны в селе Юрине, где и поныне значится Княжей пруд, называемой Ялынец. В селе том была церковь Преображения Господня с приделами святых Николая и Макария чудотворцев и другая теплая Казанския Божия Матери деревянная. Оныя церкви по удостоверению старожилых людей построены были князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и по смерти погребено тело его при помянутой в том селе Юрине Казанской церкви.

Оной приход в 1760-м году по указу преосвященнейшаго Антония, архиепископа Владимирскаго и Яропольскаго, уничтожен, потому что прихожане разными случаи в разныя места и вотчины выбыли и на медноплавительныя заводы вывезены. А существует ныне памятником надгробным князю сему при том селье Юрине ветхая церковь Божия Матери Казанския без священнослужения»[1].

Отправленные наверх рапорты свидетельствуют о неравнодушном отношении благочинных к истории родного края. Перед нами не отписки, а сведения, собранные людьми, серьезно заинтересованными в церковном краеведении. Следовательно, и относиться к их рапортам необходимо с должным уважением и почтением. Они были первыми, кто зафиксировал «преданья старины глубокой». Немного биографических сведений об этих священниках.

Протоиерей Балахнинского Вознесенского собора Сергей Герасимов Кондорский в то время был благочинным и в 1827 г. ему исполнилось 66 лет. Родом он был из духовного сословия, сын дьякона, в 1784 г. был произведен в священники Воскресенской церкви Балахны, а в 1807 г. определен на протоиерейское место Вознесенского собора. Неоднократно был отмечен наградами, а с 1820 г. являлся корреспондентом Российского Библейского общества и, как замечено в документах Нижегородской консистории, «дел по обвинениям никаких не касалось»[2].

---

[1] Там же. Л. 162.

[2] ЦАНО. Ф. 570 «Нижегородская консистория». Оп. 556. Д. 328 за 1827 г. «Ведомость о благочинных по Балахнинскому уезду с указанием образования и характеристики». Л. 3 об. 6.

Второй — священник села Черного Балахнинского уезда Василий Алексеев. В 1827 г. ему было 39 лет. Родился он в селе Крутой Майдан в семье священника Алексея Стефанова. С 1808 г. после окончания богословского курса Нижегородской семинарии он был определен на иерейское место в село Ягодное Княгининского уезда, но вслед за этим отправлен в село Черное, где исправлял должность священника. Спустя три года, в 1812 г., он стал благочинным, в юрисдикции которого находился приход села Бурцева с часовней в селце Юрине. Несомненно, Алексеев являлся человеком принципиальным и честным. Как видно из рубрики по обвинениям, он лишь однажды нарушил правила, да и то не значительно: «убежден, будучи ведомства его благочиния села Бурцева пономарем Стефаном Андреевым и некоторыми из лучших прихожан к обвенчанию непогрешительнаго, впрочем и безопаснаго, брака их, паче же видя последний день на бракосочетания пред постом, именуемым Филипповым, реченнаго села деревни Юрина брак 1816-го года без ведома епархиальнаго начальства обвенчал, почему в Нижегородскую духовную консисторию, хотя и с извинениями, но добровольно, на богоугодныя дела и внес пять рублей»[1].

Следом за первыми свидетельствами о почитании Пожарских как юринских владельцев, спустя 30 лет архимандрит Макарий Миролюбов в 1857 г. публикует свой капитальный труд «Памятники церковных древностей». В нем утверждалось, что Жарская волость получила название от фамилии Дмитрия Михайловича Пожарского, владевшего здесь поместьем, а Юрину была посвящена отдельная рубрика:

«К селу Бурцево с давнего времени присоединено прежнее село, а ныне деревня Юрино, где находился дом князя Д.М. Пожарского, было родовой его вотчиной. Судя по пруду, почти заросшему травой, но доселе называемому Князевым, надобно думать, что дом княжеский стоял от церкви в 200 саженях на восток. Следы бывшего дома остаются доселе, хотя место само заросло лесом и обращено в пахотную землю, среди которой попадаются еще от зданий древние кирпичи. В Юрино были две деревянные церкви: одна холодная во имя Преображения Господня, с двумя приделами, давно уже сгорела, а другая в честь Казанской иконы Божией Матери. Последняя, как и первая, построена самим князем Д.М. Пожарским. Она давно уже упразднена, и хотя весьма ветхая, остается в целости доселе <...>

[1] Там же. Л. 9 об. – 10.

Многие церковные вещи из Юрино перешли в село Пурех, а некоторые в Воскресенскую церковь села Бурцево. Так, например, Евангелие, печатанное в 8-й год царствования царя Алексея Михайловича и во 2-й патриаршества Никона, перенесено в Бурцево из Юринской церкви, как видно из надписи по листам: "Сия книга, глаголемая Тетроевангелие, печатанное в десть на бумаге, положили Жарской волости Балахонскаго уезда села Юрина крестьяне Грибоедова Павел да Михайло в дом Боголепное Преображение, чудотворца Николая и чудотворца Макария. Кто сию книгу хитростию отторгнет от церкви и для своей пагубной корысти, того судит Бог и анафема да будет"»[1].

Впоследствии непререкаемый авторитет архимандрита Макария Миролюбова был подкреплен публикацией А.С. Гацискаго[2] и другими авторами.

Проверка легендарных известий о селе Юрине, его храме и князе Д.М. Пожарском архивными документами показала следующее.

Наиболее раннее известие о Юрине можно найти в писцовой и межевой книге Жарской волости Балахнинского уезда — письма и меры Захария Васильевича Быкова и подьячего Пятово Колобова: «В Болахонском уезде Пуретцкие волости другие половины в Жарех погост Суховатой, а в нем церковь Покров Святей Богородицы да предел Николы Чюдотворца рублен клетцки с трапезою <...>

Да церковные ж земли по даче дозорщика Елизарья Новосилцова с таварыщи 100-го году починок Юринской, а в нем пашни паханые и перелогом, и лесом поросло восмь десятин, а четвертми иметца шеснатцеть чети, да лесу непашенного две десятины в поле, а в дву по тому ж»[3].

Таким образом, починок Юрин существовал уже в 1591/92 г. и, видимо, не случайно через сорок лет на церковной земле административно-духовного центра Жарской волости погоста Суховатова была поставлена церковь, правда, как увидим в дальнейшем, воздвигнута она отнюдь не князем Д.М. Пожарским.

В Смутное время, в 1610 г., балахнинские, юрьевецкие и суздальские земли активно пошли в раздачу московским сановникам от имени польского короля Сигизмунда по случаю избрания его сына

---

[1] *Макарий (Миролюбов), архимандрит.* Памятники церковных древностей. Нижний Новгород, 1999. С. 478—480.

[2] *Гацискій А.С.* На Суповике; В Жарах; На Сити, на реце // Нижегородский сборник. Нижний Новгород, 1890. Т. 10. С. 65–68; Список литературы не ограничивается указанными авторами, приводим только наиболее ранние работы.

[3] РГАДА. Ф. 1209 «Поместный приказ, Вотчинная коллегия, Вотчинный департамент». Оп. 1. Кн. 15645. Л. 231 об., 233 об. – 234.

королевича Владислава на московский трон. Так, Решма Суздальского уезда 20 сентября была пожалована боярину М.Г. Салтыкову, а думному дворянину князю Алексею Михайловичу Львову тем же числом и годом был дан привилей на Пурецкую волость с деревнями Балахнинского уезда[1].

Спустя два месяца, 20 ноября 1610 г., «стольникам Борису и Михайлу Михайловичу Салтыковым дано поместье, в Арзамаском уезде село Собакино с деревнями, да в Балахонском уезде селцо Жарово с деревнями, в их оклад в четырнадцать сот четвертей, до воли и ласки короля его милости»[2].

Впрочем, воспользоваться Салтыковы своим новым поместьем вряд ли успели. Жары так и остались в дворцовом ведомстве.

Селцо Жарово как таковое в документах не упоминается, но напрашивается предположение, что под этим селением подразумевается погост Суховатово, бывший в начале XVII в. центром дворцовой Жарской волости. Собственно говоря, Жары или Жарская половина Пурецкой волости это и есть Жарская волость. Первоначально Пурецкая волость делилась на две половины: Пурецкую половину с центром в селе Вершилове и Жарскую половину с центром в погосте Суховатово, которая затем стала самостоятельной волостной единицей, не зависимой от Вершилова, хотя впоследствии в документах нет-нет да и мелькнет упоминание о «Жарской половине Пурецкой волости». В наиболее ранней из пошлинных книг Патриаршего Казенного приказа 1627/28 г. сохранилась запись о получении пошлинных денег с причта этого храма: «Церковь Николы Чюдотворца в Жарех, дани два рубли десть алтын з денгою, десятилничих и заезда семь алтын. Генваря в 15 день на нынешней на 136-й год те денги *взято*»[3]. Тем самым предположение о соотнесении Суховатовского погоста с селом Жаровым находит подтверждение в документах того времени.

Строительство и освящение Преображенского храма в д. Юрино относится к 1632—1638 гг. В перечне храмов Балахнинской десятины 1631/32 г. церковь в Юрине не упоминается[4]. Следовательно, она была построена после указанной даты. Уточнить датировку по имеющимся в нашем распоряжении документам весьма сложно, ибо часть пошлинных книг после 1632 г. до 1638 г. не сохранилась. Пер-

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 347, 349.
[2] Там же. С. 382.
[3] РГАДА. Ф. 235 «Патриарший Казенный приказ». Оп. 2. Д. 2. Л. 384 об.
[4] Там же. Д. 7. Л. 133 – 140 об.

вая запись о взимании десятильничих денег и заезда с Юринской церкви Балахнинской патриаршей десятины относится к 1638 г.: «Церковь преображение Спасово в Жарской волости в селе Юринове, дани дватцать пять алтын, десятилничих и заезда пять алтын. И февраля в 6 день те денги взято. Платил николской поп Сава»[1].

В тех же документах числятся «двойные» храмы в вотчине боярина князя Дм.М. Пожарского в с. Пурехе и в с. Кропивенском Пурецкой волости, с которых брали дань в два раза больше за то, что они платили ее в Москву, минуя десятильника. Видимо, таково было пожелание не только причта, но и вотчинника. Но церковь в Юрине осталась «одинарной», то есть пошлины собирались десятильником. Если бы владельцем юринского имения в Жарах был Д.М. Пожарский, то, логично предположить, что и этот храм был бы переведен в «двойные», чтобы защитить причт от посягательств десятильников.

В конце 1615 г. по наказу балахнинского воеводы Н.М. Пушкина в Жарской волости сразу после раздачи дворцовых земель в поместья дорогобужанам и вязмичам подьячим Замятней Симоновым был проведен дозор. Согласно сведениям дозорной книги, починок Юрино числился в поместье за несколькими владельцами: Ф.Г. Дуровым, Ю.Г. Мартюхиным, К.Н. Щеколдиным, Д.Ш. Мицким, И.Ф. Фофановым и Ф.И. Безобразовым[2].

В 1627/28 г. писцы Захарий Васильевич Быков и подьячий Пятово Колобов описали Балахнинский уезд, в том числе и Жарскую волость. Починок Юрин по-прежнему находился в поместных жеребьях за И.П. Кобяковым, А.Ю. Мартюхиным, М.Е. Грибоедовым, П.И. Дуровым, И.Ф. Фофановым, Б.Т. Мицким[3]. Благодаря этому кадастровому описанию удалось выяснить, что через деревню Юрино от Балахны на запад шла большая Московская дорога[4].

Спустя 18 лет, в 1645/46 г. состоялось новое описание Жарской волости писцами Никифором Тимофеевичем Нармацким и подьячим Родионом Дойниковым. Переписчики написали село за И.Ф. Фофановым, И.А. Мартюхиным, Ф.М. Грибоедовым, И.П. Дуровым, Б.Т. Мицким[5].

---

[1] Там же. Д. 10. Л. 446 об.

[2] *Сироткин С.В.* Дозорная книга Жарской волости Балахнинского уезда 1615 г. // PALEOBUREAUCRATICA. Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М., 2012. С. 320 – 339; Подлинник хранится в РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кнш. Кн. 15636. Л. 366– 386.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15645. Л. 54 об., 58, 62, 66, 68 об., 71, 75, 178, 209, 233 об.

[4] Там же. Л. 83 об., 225.

[5] РГАДА. Кн. 12. Л. 410 – 410 об., 419, 421 об., 423 об., 424 об., 426.

В переписной книге церквей и церковных приходов Балахнинской десятины 1653 г. Тихона Дементьяновича Танеева дано первое подробное описание села Юрина и его прихода: «(*Л. 213 об.*) <...> Церковь Преображения Господня с пределы в Балахонском уезде Пурецкие волости другие половины в Жарах в селе Юрине, а тое церкви во дворе поп Никита, во дворе просвирнина Марыща (*Л. 214*) да дьячек и понамарь Харламко сын ее на церковной земле, да на церковной же земле бобылских дворов: во дворе Дениско Иванов, во дворе Трошка Романов нищей. Церковной земли отмежевано вновь пашни паханые середние земли пятнатцеть чети в поле, а в дву по тому ж, а межа той церковной земле писана в межевых книгах, а сенных покосов нет, отмежевать было неищево.

(*Л. 217 об.*) <...> И всего к той церкве двор попов, двор просвирницы и дьячков, и понамарев, два двора бобылских на церковной земле, да церковные пашни паханые середние земли, что вновь отведено ис помещиковых (*Л. 218*) земель пятнатцеть чети в поле, а в дву по тому ж, да приходских три двора помещиковых, один двор людцкой, четыре двора старостиных, сто три двора крестьянских, один захребетник.

Дани по прежним приправошным книгам с тое церкви было дватцать пять алтын, десетилничьих пять алтын, а по нынешнему новому окладу дани положено два рубли семнатцать алтын одна денга, десетилничьих гривна. (*Л. 218 об.*) И прибыло перед прежним окладом дани и з десетилничьею гривною рубль дватцать три алтына пять денег»[1].

Среди помещиков, владевших селом, Танеев отметил И. Мартюхина, И. Фофанова, Ф. Грибоедова, И. Дурова, и Т. Мицкого[2].

В переписной книге Балахнинского уезда 1678 г. переписи Александра Никифоровича Жедринского и подьячего Харлама Юрлова дано краткое описание Юрина: «Село Юрино, а в нем церковь Преображения Господня, а на церковной земле двор попа Исакия, двор понамаря Максимка Денисова да келья нищей старицы Ориницы»[3]. Жеребьями юринской земли и крестьянами владели В.И. Кобяков-Наумов, Р.И. Фофанов, М.И. Мартюхин, С.Ф. Грибоедов, И.П. Дуров, С.Г. Мостинин, Т.Ф. Мицкий[4].

В сказке священника церкви Преображения Господня села Юрина Иосифа Гаврилова о приходских жителях 1723 г. упоминаются

---

[1] РГАДА. Ф. 281. «Грамоты Коллегии экономии» по Балахне. Д. 396. Л. 213 об.–214, 217 об. – 218 об.

[2] Там же. Л. 214 об. – 215 об.

[3] РГАДА. Кн. 15648. Л. 93.

[4] Там же. Л. 81 об., 86, 93 – 94 об., 95 об. – 96.

юринские помещики И. Озеров, М.А. Мартюхин, Г.С. Косливцев, а всего в приходе числилось 43 двора, а в них 316 человек мужского пола[1]. Подобную же сказку он собственноручно подписал в декабре того же года: «1723-го году декабря в день по указу Его Величества Петра Великого императора и самодержца всероссийского Балахонского уезду Жарской волости села Юрина церкви Преображения Господня поп Осип Гаврилов в самую сущую правду еже-ей-ей сказал: в приходе моем прихожен разных помещиков крестьянских сорок два двора, а больше того нет, а ежели я, поп Осип, в сей скаске сказал что ложно или кого утаил, и за тое мою ложную скаску и утайку учинить мне по Его Императорского Величества указу.

К сей скаске преображенской поп Иосиф Гаврилов руку приложил»[2].

В 1723 г. юринские прихожане сказкой подтвердили свое желание содержать храм и церковный причт: «Вышеписанной Его Императорского Величества указ Балахонского уезду Жарской волости церкви Преображения Господня прихоженя разных помещиков вотчины поручика Лазаря Иванова сына Облова села Юрина староста Сила Алексеев, вотчины поручика Андрея Григорьева сын Хитрова того ж села староста Иван Минеев, вотчины Григорья Степанова сына Косливцова того ж села староста Василей Агапов, вотчины капитана князь Степана Иванова сына Ухтомского деревни Конева староста Яков Иванов сын Попов, вотчины поручика Григорья Исаева сына Беклемишева деревни Никитина староста Сергей Васильев, вотчины дьяка Матвея Федорова сына Замятнина деревни Высокова староста Андрей Павлов, вотчины отъютанта Гарасима Емельянова сына Засецкого деревни Олисова староста Федот Родионов, вотчины маэора Василья Андреева сына Нармоцкого деревни Бедокурова староста Исак Игнатьев, двор помещиков князь Ильи Борисова сына Болховского слышали и церкви Преображения Господня прилучившагося приходцкого священника Осипа Гаврилова с причетники содержать мы в надлежащем доволстве можем.

Жарские волости села Юрина церковной дьячек Иван Осипов вместо вышеписанных старост по их прошению руку приложил»[3].

В переписной книге 1722—1727 гг. дается не только имя помещика Ивана Озерова, но и его отчество и чин: стольник и полковник Иван Григорьев сын Озеров[4]. Не случайно, в рапорте одного из благочин-

[1] РГАДА. Ф. 350 «Ландратские книги и ревизские сказки». Оп. 2. Д. 209. Л. 1275– 1285.
[2] Там же. Оп. 3. Д. 136. Ч. 1. Л. 450.
[3] Там же. Кн. Д. Ч. 1. Л. 529 529 об.
[4] Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 214. Л. 830 · 831.

ных 1827 г. фигурирует юринский владелец «болярин Озеровский». Несомненно, это и есть Иван Григорьев сын Озеров или его дети.

В том же 1827 г. протоиерей Балахнинского Вознесенского собора Сергей Герасимов сын Кондорский писал на имя нижегородского и алатырского епископа Афанасия: «Оной приход в 1760-м году по указу преосвященнейшаго Антония, архиепископа Владимирскаго и Ярополькаго, уничтожен, потому что прихожане разными случаи в разныя места и вотчины выбыли и на медноплавительныя заводы вывезены»[1]. Выявленные документы РГАДА из коллекции ф. 350 «Ландратские книги и ревизские сказки» подтверждают его рапорт о умалении прихожанами юринского прихода, что и привело к закрытию храма в селе Юрине и превращении его в часовню.

Так, согласно 2-й ревизии 1744—1748 гг., в Кунгурском уезде Пермской провинции у горнозаводчиков балахонцев Осокиных на медеплавильных заводах числилось как минимум 14 крестьян, купленных и переведенных на Урал в те же 40-е годы XVIII в. В дальнейшем Осокины дополнительно прикупили и других жителей Жарской волости[2].

Таким образом, кадастровые материалы XVII в., а именно, лозорная книга 1615 г., писцовая 1627/28 г., переписная 1645/46 г., переписная Балахнинской десятины 1653 г. и переписная 1677/78 г. не позволяют утверждать, что Юрино некогда принадлежало роду Пожарских. На протяжении всего XVII и первой половины XVIII в. селом владели по жеребьям несколько помещиков, а в раздачу селение пошло из дворцовых земель около 1615 г. Кроме того, просмотренный комплекс отказных книг Жарской волости Балахнинского уезда[3] подтверждает вывод о непричастности князей Пожарских к землевладению в Юрине и, следовательно, к строительству юринского храма. Предание о владении Юрина Пожарскими и их причастности к возведению в селе храма могло появиться еще в конце XVIII в. в связи с двумя факторами:

1. Близостью имения Пожарских в Пурецкой волости Нижегородского уезда, которое отделено от Юрина только лесом.

2. Закрытием юринского храма и частичным переносом храмового имущества в церковь села Пурех, бывшую вотчину князя Д.М. Пожарского.

В первой половине XIX в. в Балахне проживал купец Павел Федорович Минин. Был он человеком предприимчивым, неугомон-

[1] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556. Д. 300 за 1827 год. Л. 162.
[2] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1630. Л. 386, 485, 486, 598 598 об., 605 605 об.
[3] Там же. Ф. 1209. Оп. 2. Клин. Кн. 15636. Л. 1 676.

ным. Очень любил историю. Усердно собирал легенды и предания о Балахне и балахонцах. Приезд императора Николая I в Нижний Новгород и его неподдельный интерес к личности Козьмы Минина, захороненного в губернском городе вызвал немалый ажиотаж среди его подданных с фамилией Минин. Все захотели быть потомками «спасителя Отечества». Не обошла сия участь и Павла Минина. Он написал обращение на высочайшее имя, в котором выводил свою родословную от брата Козьмы Минина[1]. Однако, официального признания высокого звания «потомка» Минина Павел Федорович так не дождался. Писатель П.И. Мельников-Печерский, побывав в Балахне и поработав с балахнинскими документами XVI-XVII вв., в своей обширной статье «Балахна» писал: «В Балахне утверждают, что Козьма Минин был балахонец и что потомки его родственников до сих пор существуют в этом городе, как фамилии Мининых... Но все это несправедливо». Доказывая свою версию, автор пишет: «В сотной грамоте 1632 года... сказано: "Левкею Богданову сыну Редозубову да Ганьки Минину сыну Редозубову сто бадей росолу, а крепости на те росолы не положили". "Гаврилке да Онтошке Мининым детем Редозубова по старине 200 бадей росолу". Значит они были не Минины, а дети Мины Редозубова. Встречаются в числе владетелей росолов Минины, но, перебирая сотные грамоты, нашел я, что они происходят от Мины сына Анкудинова и прежде назывались Анкудиновыми; поэтому я и назвал их здесь Миниными Анкудиновыми. Эти то Минины суть предки нынешних Мининых, купцов балахнинских»[2]. Подробнее о деятельности Павла Минина можно узнать из главы книги Ю.Г. Галая «Минин в памяти нижегородцев»[3].

Всплеск интереса к личности Кузьмы Минина произошел в Балахне в 1990-е годы, когда местный историк-краевед Евгений Николаевич Силаев занялся изучением деятельности народного героя. Наряду со сбором всей доступной ему литературы, он обратил внимание на местные легенды. Его вывод свелся к уверенной точке зрения: Кузьма Минин был родом из Балахны, будучи младшим сыном балахонского солепромышленника Мины Анкудинова. Местная жительница повествовала ему о том, по рассказам

---

[1] Главное управление Центрального архива Нижегородской области. Ф. 160 – Семеновский уездный суд, Оп. 108. Д. 3 Дело о передаче в казну рассольных труб и варниц г. Балахны, принадлежащих частным владельцам. Т. I. Л. 551.

[2] *Мельников П.* Балахна // Нижегородские губернские ведомости. 1850. № 2. С. 6.

[3] *Галай Ю.Г.* «Ты жертву чистую Отечеству принес» // Минин в памяти нижегородцев. Н. Новгород, 2012. С. 141 152.

ее бабушки Кузьма Минин был крещен в сохранившейся с XVI в. каменной Никольской церкви. Е.Н. Силаев стал инициатором установки в Балахне памятника работы скульптора А.И. Колобова, в 1989 г. снятого с постамента на площади Минина в Нижнем Новгороде. Он организовал в библиотеке музей Кузьмы Минина, провел в Балахне при участии доктора исторических наук В.П. Макарихина и писателя В.А. Шамшурина первые Мининские чтения, а в 1999 г. издал небольшую брошюру «Минин Кузьма Минич: К вопросу о разночтениях к имени Кузьмы Минина»[1]. На основе рассказов Евгения Николаевича В.А. Шамшурин написал «историческое повествование», в котором изложил балахнинские легенды: «По преданию, Кузьма Минин был крещен в Никольской церкви, что была первой каменной церковью в Балахне, сохранившейся до нашего времени. Недалеко от нее есть небольшое озерцо, по берегам которого Кузьма якобы посадил ветлы. Старейший балахнинский краевед Евгений Николаевич Силаев может показать и место, где в начале XVII века находился дом, в котором ночевали Минин и Пожарский во время знаменитого похода нижегородского ополчения. Вероятно, дом был выбран неслучайно и вполне мог быть тем отчим приютом, где Кузьма провел свои детские годы»[2].

Почитание Минина в Балахне было поддержано и руководством района. С 1995 г. и по сей день 21 мая в городе отмечается День памяти Кузьмы Минина. Земским собранием района учреждаются мининские стипендии лучшим учащимся районных школ. Одна из самых крупных в городе школ получила имя Кузьмы Минина.

В 2001 г. в Балахне зародилась культурно-патриотическая акция, посвященная Нижегородскому ополчению и его героям, К. Минину и Д.М. Пожарскому. Ее возглавил заместитель главы администрации Балахнинского района Владимир Игоревич Блинков. В рамках акции проводились конкурсы для школьников и студентов по номинациям: «Историческое краеведение», «Фоторепортаж», «Декоративно-прикладное творчество», «Художественное творчество» и т.д. Победители конкурсов вместе с патриотами акции: художниками, писателями, историками, журналистами в 2001 г. отправились на автобусах в поход по пути следования ополчения в 1612 г. По пути организовывались выставки, концерты, творческие встречи с коллегами. Первую остановку участники по-

[1] *Силаев Е.Н.* Минин Кузьма Минич: К вопросу о разночтениях к имени Кузьмы Минина. Балахна, 1999.

[2] *Шамшурин В.А.* Минин и Пожарский – спасители Отечества. Историческое повествование // Кузьма Минин — Дмитрий Пожарский. Сборник. М., 1997. С. 47.

хода сделали в селе Пурех — вотчине князя Д.М. Пожарского перед памятником герою работы скульптора П.И. Гусева. Память князя почтили в Спасо-Преображенском соборе, величественном памятнике XVII в., построенном Д.М. Пожарским в 1622—1625 гг. После Пуреха, участники акции отправились в Юрьевец, а оттуда в Кинешму, Кострому, Ярославль, Переславль-Залесский. Заключительным аккордом акции стал концерт около храма Василия Блаженного в Москве. В последующие годы путь участников акции «Алтарь Отечества» несколько менялся, но всегда оставалось главное — большой энтузиазм и глубокое почтение к героям ополчения 1612 г.

В 2009 г. в культурно-досуговом центре «Дом Москвы», построенном на средства правительства Москвы, открылся первый в России музей Кузьмы Минина, который быстро стал популярным среди жителей и гостей города.

Балахна гордится Кузьмой Мининым и жителям уже не важно: родился он в Балахне или нет. Наш народ привык к героям. Надо же кого-то ставить в пример молодому поколению. Дело историка — выяснить истину. Право народа — создавать и лелеять легенду.

Леонтьев Я.В.

Программа по увековечению памяти М.В. Скопина-Шуйского «Под княжеским стягом» (2002—2018 гг.)

У историков никогда не было разногласий в оценках личности юного полководца Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (1586—1610). Странно, однако, что, несмотря на множество отменных отзывов, память о нем мало где была увековечена. Нет до сих пор даже доступа к его гробнице в Архангельском соборе Московского Кремля. Ни в одном городе (за исключением улицы в новом микрорайоне Калязина в Тверской области), за освобождение которого сражался этот князь, нет ни улиц, ни площадей, носящих его имя, как почти нет и памятников герою. До 2008 г. единственное исключение представляла собой бронзовая фигура Скопина-Шуйского в скульптурной композиции памятника «Тысячелетие России» работы Михаила Микешина в Великом Новгороде. Появление в 2005 г. в календаре нового государственного праздни-

ка — Дня народного единства — и одновременное возникновение двух общественных проектов, вылившихся в движения «Алтарь Отечества» и «Под княжеским стягом», частично изменили неприглядную картину.

Начиная с 2002 г. в ряде городов Центрального федерального округа начала действовать Межрегиональная программа «Под княжеским стягом», разработанная энтузиастами из Москвы, Александрова и Калязина. Главная задача, на решение которой нацелена программа, — вовлечение молодежи в процесс исторического познания. Каждое лето в течение почти уже 20 лет отряды юных «ополченцев» выступают в походы по местам боев князя Скопина-Шуйского. Популяризация знаний о героях, преодолевавших Смуту, и увековечение их памяти, — вот два краеугольных камня программы.

Название программы придумал калязинский краевед Сергей Николаевич Круглов, а автору этих строк с самого начала довелось выступать в качестве научного руководителя программы. В прежнее время крайне важный эпизод «тушинского» периода Смутного времени, связанный с пребыванием ставки земской армии Скопина-Шуйского в Троицком Калязинском монастыре и сражением под его стенами на реке Жабне в августе 1609 г., занимал первых краеведов Калязинско-Кашинского края. Несколькими поколениями краеведов, начиная с о. Иоанна Белюстина, затрагивались эти славные страницы[1]. Большой интерес к этим событиям проявляли председатель Кашинского общества изучения местного края в середине 1920-х гг., географ и историк С.В. Кисловской, предки которого были в родстве с одним из соратников Скопина-Шуйского И.И. Баклановским, и создатель Калязинского краеведческого музея И.Ф. Никольский.

В 2002 г. несколько любителей истории из Калязина, среди которых были С.Н. Круглов, С.В. Кустов и О.В. Скворцов, вместе с автором статьи осуществили первую полевую экспедицию в рамках программы «Под княжеским стягом» в селе Рябово — там, где не-

[1] См.: *Белюстин И.С.* Записка о городе Калязине // Забытые страницы истории. Кн. 2. Калязин, 2006. С. 23; *Кисловской С.В.* Кашинский край // Там же. С. 203–204; *Никольский И.Ф.* Историческая битва // 1609–2009. Битва под Калязином. Сб. материалов. Калязин, 2009. С. 16–17 (републикация из газеты «Знамя коммунизма» 1959 г.); *Леонтьев В.А.* Роль Калязинской битвы в спасении Москвы и Троице-Сергиевой Лавры. Краеведческие чтения. Калязин, 2000 год. Вып. 1. Калязин, 2002. С. 6–8; *Буланов М.И.* и др. Дубна. Родное Подмосковье. Дубна, 2003. С. 57; *Воробьев В.М.* и др. История Тверского края. Тверь, 2005. С. 85–86; *Суворов Н.А.* Хрестоматия по истории Калязина. Калязин, 2009. С. 33–35.

когда находился Троицкий Рябовский монастырь и где располагался станом перед битвой с отрядами Скопина-Шуйского Ян Сапега.

Процитирую теперь воспоминания председателя историко-краеведческого клуба «Отечество» из Александрова В.Н. Ревякина: «До начала 2000-х годов местные краеведы немного времени уделяли теме Смутного времени на земле Александровской. Знали только, что существуют "Шуйские полоски" недалеко от села Большого Каринского, которые представляют собой как бы террасированный склон, ориентированный в стороны Сергиева Посада. Не исключено, что здесь стояли так называемые "острожки" с дозорами, чтобы вовремя предупредить основное войско о надвигающейся опасности. А еще старожилы показывали приблизительное место захоронения участников сражения далекого 1609 года. Кроме того, в Госинспекции по охране историко-культурного наследия Владимирской области имеются две схемы, на которых указаны места захоронений. К сожалению, на схемах показаны два совершенно разных участка, на одном из которых много лет существует свалка бытовых отходов, и что-то определить визуально не представляется возможным.

Тем не менее, в 1991—1993 гг. по инициативе историко-краеведческого клуба "Отечество" были определены границы историко-природного ландшафта "Шуйские полоски", куда вошли предполагаемые места захоронений, озеро Каринское с водоохраной зоной. Первый председатель клуба Лев Сергеевич Строганов собирал материалы по этой теме, и в 2002 г. издал книгу "Александровская слобода в Смуту начала XVII века" с таким посвящением: "Памяти воеводы князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и 400-летию Каринской битвы под Александровской Слободой посвящается". После того, как она вскоре попала в руки Я.В. Леонтьева, тогда доцента МГУ им. М.В. Ломоносова, александровцы узнали от него, что в Калязине идет подготовка к молодежной экспедиции по местам событий Смутного времени. Тогда же, в день Святой Троицы, что оказалось очень символично, 23 июня состоялся совместный выезд Леонтьева, Строганова и других александровских краеведов выезд к селу Большому Каринскому на предполагаемое место битвы.

В июле 2002 г. из Александрова в Калязин с ответным визитом выехали члены клуба "Отечество" А.В. Васенков, В.Н. Ревякин, Е.Н. Усанов во главе с председателем клуба Л.С. Строгановым. Встретившись там с Я.В. Леонтьевым, они посетили место, где располагался Троицкий Рябов монастырь, разоренный польско-литовскими ин-

тервентами. Теперь об этой трагедии напоминает Поклонный крест. В этот же день удалось повстречаться с участниками молодежной экспедиции под руководством Сергея Николаевича Круглова, и во время встречи здесь впервые возникла идея проведения совместных экспедиций — калязинских и александровских школьников и студентов»[1].

Дополню Владимира Никитича Ревякина. Помимо александровских краеведов, экспедицию также посетили гости из Углича — известный местный историк В.И. Ерохин и краевед А.В. Кулагин. А день приезда александровцев знаменательно совпал с днем официального присвоения Калязинскому краеведческому музею имени его основателя Ивана Федоровича Никольского. Директором музея в тот период была Е.В. Чертовских, ныне возглавляющая краеведческий музей в Дубне.

«При встрече с представителями Калязинского краеведческого музея, — продолжает вспоминать Ревякин, — договорились о том, чтобы собраться уже на Александровской земле и наметить планы дальнейшего сотрудничества. В конце ноября 2002 г. в Александровском художественном музее прошла оговоренная ранее встреча представителей Администрации Александровского района, Комитета по культуре и молодежной политике г. Александрова и делегации из Калязинского района от Комитета по молодежной политике и музея. В результате двухдневных обсуждений и дискуссий было намечено провести в августе 2003 г. на Каринском поле патриотический фестиваль, название которого родилось позже — "Отчизны верные сыны". К сожалению, человека, с книги которого все началось, Льва Сергеевича Строганова, к этому времени не стало. 15 ноября 2002 г. он ушел из жизни».

В 2003 г. Александровское городское отделение общероссийской общественной организации ДИМСИ («Детские и молодежные социальные инициативы»), которое возглавлял первый директор Александровского художественного музея Евгений Николаевич Усанов, получило грант III степени Министерства образования России на проведение краеведческой экспедиции в номинации «Программы гражданского и патриотического воспитания, реализуемые на базе военно-патриотических клубов и объединений и учреждений дополнительного образования детей». В течение нескольких лет подряд Комитет по делам молодежи администра-

[1] *Ревякин В.Н.* Пути-дороги по Александровской земле // Преподобный Макарий Калязинский — святой заступник земли Русской. Сборник докладов Третьих Макарьевских Калязинских чтений (11– 12 июня 2016 года). Калязин; Тверь, 2018.

ции Калязина выигрывал на конкурсной основе финансирование аналогичных походов из областного бюджета.

Тогда же в 2003 г. к инициаторам совместных походов присоединились представители молодежного движения из Ярославля во главе с председателем объединения «Петропавловская слобода», впоследствии членом Общественной палаты Ярославской области Надеждой Николаевной Балуевой (1955—2018), безвременно ушедшей недавно из жизни.

Во время первого совместного похода были проведены две параллельные экспедиции — пешие переходы по маршрутам движения войск Скопина-Шуйского. Калязинцы и александровцы двигались по маршруту: Калязин — Переславль-Залесский — Александров, а ярославцы — по маршруту: Ярославль — Ростов Великий — Переславль-Залесский — Александров. Встреча двух отрядов произошла во время стоянки на Плещеевом озере.

«Фестиваль был впервые проведен в августе того же года, — вспоминает В.Н. Ревякин, — и с тех пор стал традиционным. Также по сей день продолжаются межрегиональные экспедиции "Под княжеским стягом", изучающие события Смуты начала XVII века»[1].

Действительно с той поры все межрегиональные походы каждый год заканчивались фестивалем «Отчизны верные сыны» на Каринском поле под Александровом, где осенью 1609 г. состоялось одно из решающих сражений между войсками Скопина-Шуйского и Сапеги. В 2003 г. здесь был установлен мемориальный камень в честь положивших живот на поле брани русских воинов, а в 2006 г. к нему был добавлен Поклонный Крест. В рамках фестиваля происходили и происходят выступления фольклорных коллективов, бардов, устраиваются «потешные» бои с участием клубов военно-исторической реконструкции. Одним из первых здесь выступил клуб «Тверской Спас». Затем, в течение нескольких лет главным партнером программы «Под княжеским стягом» стал клуб «Служивый» из города Пушкино под руководством А.Б. Синельникова. Позже его сменил клуб «Русичи» из города Меленки. Совместно с клубом «Служивый», одним из первых в России приступившим к реконструкции амуниции и оружия времен Смуты, руководители программы «Под княжеским стягом» разработали сценарии эпизодов боев под Александровской Слободой и Калязинским монастырем.

Дальнейшая реализация программы осуществлялась путем реконструкции маршрутов, которыми продвигались русско-швед-

[1] Там же.

ские войска, углубленное изучение событий начала XVII столетия с учетом новейших архивных исследований, изысканий краеведов и археологических разведок в местах сражений. Разработке маршрутов теперь предшествовал картографический анализ, который помогал проводить сотрудник РГАДА, кандидат исторических наук А.В. Малов, ставший одним из консультантов программы. Заочную консультацию регулярно осуществлял также такой крупный специалист по истории Смутного времени, как доктор исторических наук, профессор И.О. Тюменцев. Еще одним важным консультантом программы являлся известный ивановский историк и краевед, кандидат исторических наук А.Ю. Кабанов.

Постепенно в орбиту программы «Под княжеским стягом» втягивались новые города и районы: Дмитров, Углич, Кашин, Лихославль, Торжок и др. Было осуществлено множество новых походов: по маршрутам Суздаль — Юрьев-Польский — Александров, Кашин — Городня на Волге, Кашин — Калязин, Кашин — Кимры, Сергиев Посад — Александров, водно-пешие походы по маршруту: Торжок — Тверь по Тверце, водные маршруты по Кашинке, Нерли (до впадения в Волгу), Мсте и другим рекам. Во время этих походов были исследованы пути подхода войск Скопина-Шуйского и Якоба Делагарди к Твери, Суздальско-Юрьевское Ополье, где базировался «тушинский» отряд полковника А. Лисовского, и куда для противодействия «лисовчикам» был выдвинут русско-шведский отряд из Александровской Слободы, место переправы русского войска через Волгу в селе Городня и маршрут перехода войск Скопина-Шуйского по левому берегу Волги к Кашину и Калязину (территория современных Конаковского и Кимрского районов). Начиная с 2007 г. в разработке маршрутов и «разведках» перед походами принимала активное участие Татьяна Михайловна Голубева, учитель истории школы № 3 Кашина, первый председатель возрожденного в 2010 г. краеведческого Общества изучения Кашинского края. Последние годы тем же энергично занималась Ольга Ивановна Меньшикова, с 2017 г. новый директор Александровского художественного музея. Каждое лето, в рамках программы «Под княжеским стягом», но по самостоятельным маршрутам отправлялись в поход участники из Дмитрова под руководством учителя истории гимназии «Логос» Людмилы Васильевны Крикуновой.

Походы и экспедиции осуществлялись в летний период, а в межсезонье неоднократно происходили конференции и тематические конкурсы для юных участников программы. Большое содействие в этих направлениях работы оказывали Сергиево-Посадский

и Угличский музеи-заповедники, музей истории города Ярославля и другие специализированные учреждения. Например, был проведен конкурс школьных сочинений по истории Смутного времени во всех школах Калязинского района и Сергиева Посада, итоги которого подводило общее жюри. В юбилейном 2012 г. при поддержке Владимиро-Суздальского музея-заповедника, Комитета по молодежной политике Администрации Владимирской области и Межрегиональной программы «Алтарь Отечества» во главе с ее координатором, доктором педагогических наук, профессором Т.И. Петраковой, была осуществлена комбинированная поездка-экспедиция по маршруту: Александров — Владимир — Нижний Новгород — Балахна — Пурех — Шуя — Кохма — Суздаль — Юрьев-Польский — Александров. Переезд по Нижегородской и Ивановской областям происходил на автобусе, а из Суздаля выступила пешая экспедиция. Во время этой поездки, посвященной 400-летию Нижегородского ополчения, её участники посетили места упокоения Косьмы Минина в Нижегородском Кремле и князя Д.М. Пожарского в Суздальском Спасо-Евфимиеве монастыре, и родину князя М.В. Скопина-Шуйского.

Тремя годами раньше, 28–29 августа 2009 г. происходило масштабное празднование победы Скопина-Шуйского на реке Жабня под Калязином. Оно было ознаменовано открытием памятника князю работы тверского скульптора Евгения Антонова непосредственно в Калязине и самой крупной исторической реконструкцией битвы, репортажи о которой прошли по центральным телевизионным каналам. К юбилею появился фильм калязинского режиссера Сергея Николаевича Козлова о Скопине-Шуйском и программе «Под княжеским стягом» и был издан сборник материалов[1]. Необходимо отметить большую поддержку со стороны Администрации Калязинского района и лично главы района Константина Геннадиевича Ильина, в лице которого программа теперь получала постоянную поддержку. 28 августа 2011 г. на Жабне прошла повторная фестиваль-реконструкция под названием «Калязинские рынды». В Городне на Волге тогда же состоялась еще одна зрелищная реконструкция «Битва на Волге» при поддержке директора Городенской православной гимназии, протоиерея Алексия Злобина. Там же по инициативе программы «Под княжеским стягом» появился мемориальный знак, посвященный Скопину-Шуйскому. При поддержке программы

[1] 1609–2009. Битва под Калязином. Сб. материалов. / Сост. Я.В. Леонтьев, Я.В. Сопина. Калязин, 2009.

или благодаря ей также появились памятные доски, мемориальные камни и Поклонные Кресты в селе Григорьевском под Ярославлем, в поселке Мирный под Торжком, в селе Каменка под Торопцем. Закладной камень в честь Скопина-Шуйского был установлен в городе Кохме. Отдельно будет сказано о том, как увековечивается память одного из главных соратников Скопина-Шуйского — воеводы Давида Васильевича Жеребцова.

Международное сотрудничество программы «Под княжеским стягом» заключалось в установлении тесных связей с посольством Швеции. В разные годы два советника по культуре — Марианна Хульберг и Лена Йонсон — посетили мероприятия программы. Первая приезжала на один из фестивалей «Отчизны верные сыны» на Каринское поле под Александровом, вторая посетила реконструкцию сражения на реке Жабне в 2009 г.

В 2010 г., получив на то благословление Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, участники программы совместно с «Алтарем Отечества» участвовали в первой торжественной панихиде в Архангельском соборе Московского Кремля на 400-летнюю годовщину преставления князя Скопина-Шуйского, которую отслужил ризничий кремлевских соборов, протоиерей Вячеслав Шестаков. С этого времени и по сей день служились ежегодные панихиды по князю и его воеводам.

Тем временем, каждое лето продолжались походы и экспедиции, и велись их «летописи». Представление об одном из таких полевых дневников может дать текст, принадлежавшей перу одной из юных участниц из Александрова, отложившийся в личном архиве автора.

«Дневник похода 2005 года

День 1 (4 августа).

Сегодня начало III экспедиции «Под княжеским стягом». Началась она соответственно с города Александров, а точнее с Комсомольской площади, где нам было сказано немало напутственных слов. Далее все участники нашей экспедиции отправились в древний город Торжок. Как нам сказал экскурсовод, первое упоминание о Торжке было в 1139 году, но как считают многие историки, построен он был гораздо раньше — в X веке. Именно через этот город проходил хлебный путь.

По прибытии в Торжок, мы сразу посетили профессионально-художественное училище золотого шитья № 56, т.к. издавна этот город славился своей вышивкой. В этом училище мы посетили музей, в котором были представлены различные виды шитья и золотой вышивки. Здесь находились лучшие дипломные работы выпускников этого учи-

лища (полотенца, головные уборы, сапоги, русские народные костюмы, портреты, картины и многое другое). По словам экскурсовода, в 1995 году патриарху Алексию была подарена вышитая икона, которая была изготовлена руками учеников училища. Каждая ученица к своей свадьбе, должна вышить не менее 100 полотенец, чтобы одарить ими на век жениха. Здесь, в Торжке есть золотошвейная фабрика. Именно здесь на бархатном флаге Российской Федерации был вышит золотой герб. Эта же фабрика предоставила костюмы для фильмов «Война и мир» и «Анна Каренина». А.С. Пушкин, бывавший в Торжке более 28 раз, преподнес в подарок княгине Вяземской пояс, вышитый лучшими мастерами этого города.

В этом городе сохранилось множество древних построек, а в частности храмов и соборов, церквей. Множество церквей уничтожено варварством безбожников. Одним из красивейших сооружений является Борисо-Глебский монастырь, возведенный в 1038 году. Он является одним из старейших. Основал его Ефрем Новоторжский, который был боярином и служил князю Борису. Архитектором монастыря является Львов. Еще при строительстве монастыря Екатерина II вложила первые кирпичи. В знак этого события тут долгое время хранились лопатка и молоточек Екатерины II. 37 икон знаменитого художника хранятся в монастыре.

Вскоре мы прибыли к другому архитектурному памятнику — деревянной Вознесенской церкви, воздвигнутой в XVII веке.

Далее мы проследовали в археологический музей, где мы узнали, что Торжок занимает 3-е место по находкам берестяных грамот.

Потом мы приехали в усадьбу Н.А. Львова «Митино» на стоянку, где разбили палаточный городок и занялись подготовкой судов, которые должны завтра отчалить отсюда. Свой рафт мы подготовили можно сказать быстрее, но вот у другой группы с подготовкой судна оказалось не все так просто...

День 2 (5 августа).

Ночь первую мы провели в природном заповеднике, который специально для нас был оцеплен патрулем милиции. А с утра мы погрузили свои судна на воду, и пошли в направлении города. Тут были зрители, местное телевидение, представители администрации и артисты. В этот день в 11:15 был дан старт нашей экспедиции. К нам присоединилась пешая группа из Торжка. Выскажу личный взгляд: мне понравилась эта праздничная обстановка — нас принимали с радушием, замечательно выступил хор Торжка...

Мы отправились на своих судах далее по реке Тверце. На обед остановились на берегу этой реки, а потом отправились далее. На

ночь мы остановились на очень живописном месте, на берегу все той же реки. Но вот ночью пришлось вести «боевой дозор» — патрулирование палаточного лагеря и охрану плавсредств. Патруль должен был состоять из 1 человека, охранявшего спокойствие на территории в течение 1 часа. Но мне выпало дежурство с 2.00 до 4.00, потому что у меня был напарник.

День 3 (6 августа).

После полубессонной ночи было не так-то легко встать, но ничего. Во время какого-то отрезка времени с утра погода была пасмурная, но потом появилось солнце. За время нашего заплыва пришлось сделать несколько остановок. За водой остановились около небольшой деревеньки, где самым интересным было увидеть Петро-Павловскую церковь. Церковь эта не действующая, но представляет собой очень чистый и ухоженный вид. На стенах сохранились фрески. Далее в поисках магазина для обеда была сделана остановка в деревне Буяново, но магазина там не оказалось. Следующая остановка по той же причине была сделана в поселке Зеленый, где удалось найти магазин. Хотелось бы отметить, что за время прохождения маршрута, можно было видеть на берегу реки Тверцы различные постройки из камня (довольно древние). Чаще всего это были арочные мосты времен Петра I и Екатерины II, которые были необычайно красивы.

День 4 (7 августа).

Никаких особых случаев не происходило. Мы перешли на катамаран. Плыть легче, чем на рафте. Остановились на целый день около деревни Долматово. Ура! Именно эта деревня является концом нашего водного пути.

День 5 (8 августа).

Впервые встали позже — в 9.00. Никто никуда не торопился, т.к. здесь нужно провести еще ночь и позавтракать. Складываем рафт. Есть много свободного времени. Рядом с деревней есть лагерь «Спутник». К вечеру нас пригласили туда. Там проходила товарищеская встреча по волейболу, между их и нашей командой. Команда туристов одержала победу, разгромив противника. После ужина нас пригласили на дискотеку в лагерь. Дискотека не оказалась хорошей. Пришли в свой палаточный лагерь. Снова несли боевое ночное дежурство. Наутро нужно встать в 6.00, а в 8.00 отправка в Тверь и Калязин. Помылись и почистились.

День 6 (9 августа).

В 9.30 прибыли в Тверь на речной вокзал. После отправились на площадь Победы, где нас уже встречали журналисты и телевидение, ратоборцы. Но очень жалко, что ратоборцы нас только встретили,

а...и борьбу не показывали. Они продемонстрировали бой на мечах позже, 13 августа на фестивале в Александрове. Отправились на экскурсию по близлежащей территории. Оказалось, что множество церквей было сожжено и разбито: церковь Николая Чудотворца, Федоровский мужской монастырь (конец XIII века), Марфин девичий монастырь, церковь Иоанна Предтечи, церковь Ильи Пророка, церковь Бориса и Глеба и др.

В 1135 году было первое упоминание о Твери. Этот город стоял на 4-м месте больших городов и был соперником Москвы. Тверь собирала земли вокруг себя. В 1564 году построен храм Белая Троица. Площадь Революции являлась раньше центром всех событий. Древних построек не сохранилось из-за пожара в 1763 году. Главными архитекторами города были Карл Росси и Петр Никитин.

После экскурсии мы направились перекусить, а далее в город Калязин, но до Калязина мы добрались на автобусе не так-то быстро. По прибытии мы остановились в лагере на берегу реки Волги в Паулино. Здесь мы встретились с туристической группой калязинцев и отрядом кадетов из Ростова Великого, а также с группой походников из Углича. Хотели искупаться, но... пошел дождь, поэтому остались в лагере. Писать больше не могу — окно открыто, и комары заели, и вообще пора спать; день прошел неплохо, но чувствуется усталость.

День 7 (10 августа).

На катере, известном всем калязинцам, благополучно добрались до Углича, где по прибытии нас встречали хлебом и солью. Далее нам предстоит экскурсия по музеям. Но до экскурсии нас встречали в центре города — на главной площади, где в 2004 году был воздвигнут памятник воинам во все времена. Там нас встречало местное телевидение и журналисты. Потом мы отправились на экскурсию. Наша группа побывала на месте гибели царевича Дмитрия, в храме, который был построен на крови царевича, т.е. на месте его гибели. Далее мы ознакомились еще с рядом древних построек, в которых сейчас музеи. В одном из храмов нам удалось услышать пение хора, который исполнял произведения русской православной музыки. Но в заключении всей экскурсии так и не удалось узнать правду о гибели царевича Дмитрия. После экскурсии мы отправились на автобусе на место ночной стоянки. А остановились мы около лагеря «Юность», куда вечером нас пригласили на дискотеку.

День 8 (11 августа).

С утра погода была неплохая. И с места ночлега мы поехали снова в Углич, где в Доме культуры должна состояться интеллектуальная игра. Всего играло 3 команды: из Александрова, Углича и Калязина.

Игра оказалась не такой простой, и в результате напряженной борьбы I место занял Александров, II место — Калязин, который смог набрать очки на самом последнем вопросе, и III место — Углич.

Это был, можно сказать, последний день нашей экспедиции. И после обеда, перед отъездом, погода испортилась, и пошел дождь, которого ни разу не было за время всей экспедиции.

В городе Александров мы были уже вечером. Большая часть отправилась на ночлег на Каринское поле, а другая, меньшая часть экспедиции отправились домой (в том числе и я), т.к. у меня генеральная репетиция перед фестивалем, который состоится 13 августа 2005 года на Каринском поле.

Думаю, что на этом месте моя летопись заканчивается, т.к. нужно готовиться к празднику.

День 9 (12 августа).

Иду на генеральную репетицию. Я занимаюсь в двух коллективах: ансамбле «Русская гармоника» и играю на разных инструментах (русских народных) в ансамбле русской народной песни и пляски «Истоки». Ну вот, переусердствовала, опять мозоли на пальцах, но ничего, выступлю хорошо.

Пишу, не знаю, чего еще писать, т.к. писать-то надо, я же летописец. Уже успела соскучиться по членам экспедиции, горю желанием поскорее встретиться, но думаю, что они или не узнают, или удивятся, увидев меня в русском народном костюме...».

Большим достижением программы стало проведение в 2010 г. мемориальной верхневолжской экспедиции, посвященной памяти воеводы Д.В. Жеребцова, на предоставленном компанией «Дюна» теплоходе «Михаил Ломоносов». Накануне экспедиции на Монастырском острове в черте Калязина был установлен Поклонный Крест в честь Жеребцова, вырезанный художником Н.П. Желтушко из старого церковного известняка в форме Георгиевского креста, а в ходе самой экспедиции — большой деревянный Крест на Шумаровском острове на Рыбинском водохранилище.

В числе организаторов прошедших с благословления тверского и ярославского архиереев в августе 2010 г. дней памяти Д.В. Жеребцова были судоходная компания «Дюна» во главе с популярным певцом и композитором Виктором Рыбиным, Фонд Святителя Василия Великого, администрации Калязинского и Рыбинского районов, Ярославский общественный оргкомитет по празднованию 400-летия народного единства и Фонд развития международных связей «Добрососедство».

Акция памяти началась в Калязине, куда прибыл теплоход и часть ее участников, в том числе организованные делегации из городов — постоянных участников программы «Под княжеским стягом»: Александрова, Пушкино, Твери, Торопца, Кашина, Углича, Ярославля и Москвы. Вначале участники вместе с главой района Константином Ильиным отправились на волжский Монастырский остров, где состоялись молебен и возложение цветов к Поклонному Кресту, установленному в июне 2010 г. в память о погибших при обороне обители воеводе Жеребцове и всей монастырской братии. Молебен по «всем умученным в лихую годину» был отслужен старейшим священником Кимрско-Калязинского благочиния отцом Николаем Сергиенко.

После напутственного слова главы района на калязинском катере участники перешли на борт «Михаила Ломоносова», который отдал швартовы и тронулся в сторону Углича, пройдя ночью шлюзы и дойдя до Рыбинска, где на пристани собралась еще одна делегация — представители правительства Ярославской области, районной администрации во главе с Александром Китаевым, духовенство из Рыбинска и Тутаева, журналисты и краеведы, готовые присоединиться к экспедиции.

Дальнейший путь к затопленному моложскому селу Шумарово участники экспедиции провели в кают-компании, устроив импровизированный «круглый стол», во время которого координатор программы «Под княжеским стягом» в Ярославской области Надежда Балуева рассказала о той исследовательской работе, которую проводит ее отряд. Среди выступающих были сотрудник областного управления коммуникаций и общественных связей Маргарита Свистун, председатель Тутаевской общественной палаты Юрий Москвин... А перед этим руководитель военно-исторического клуба «Служивый» Алексей Синельников прямо на палубе провел мастер-класс по средневековому оружию и униформе стрельцов.

Миновав шлюзы, пройдя мимо 28-метровой скульптуры «Матери-Волги», после нескольких часов плавания экспедиция, наконец, достигла места назначения. Учитывая серьезную задержку с прибытием и плохую погоду, Поклонный Крест решили освятить на теплоходе, а к месту установки отправить на корабельной шлюпке. Молебен с водосвятием и освещение Креста был отслужен протоиереем Евгением Глазуновым и диаконом Димитрием Сладиновым из рыбинской Вознесенско-Георгиевской церкви, в сослужении с настоятелем Троицкой церкви города Тутаева протоиереем Феодором Сапуновым на носу корабля. Затем в два захода

шлюпка доставила небольшую группу участников экспедиции на остров. Грести пришлось по серьезным волнам, и высаживаться прямо в воду. Как и подобает, Крест несли на плечах, сгибаясь от тяжести, «по морю, и по суху». Это был какой-то особо трогательный и без всякой помпезности торжественный момент, надолго запечатлевшийся в памяти. Наверно, именно такие моменты должно называть торжеством Православия.

Вторым заходом на четырехвесельной шлюпке была доставлена пушка, не раз принимавшая участие в реконструкциях битв Смутного времени, в том числе и тех, во время которых сражался Давид Жеребцов. Установка Поклонного Креста завершилась воинским салютом из пушки-фальконета, а пребывание на острове — поднятием доброй чарки за рыбацким столом.

Два Поклонных Креста — на островах в Калязине и на Рыбинском водохранилище символично соединили две соседние области — Тверскую и Ярославскую, где совершал свои подвиги и где нашел свой последний приют героический воевода Жеребцов.

В 2016 г. еще один Поклонный Крест и мемориальная доска Жеребцову были установлены в селе Поводнево Мышкинского района. Село Шумарово и Поводнево с приселками были пожалованы воеводе царем Василием Шуйским за его подвиги, за участие в освобождении Троицкого Ипатьевского монастыря в Костроме, Троице-Сергиева и Троицкого Калязинского монастырей. Мемориальная акция в Поводнево прошла в рамках и во время похода: Углич — Учма — Мышкин — Борисоглебский. Хочется надеяться, что раньше или позже Поклонные Кресты и другие мемориальные знаки в честь воеводы Жеребцова появятся на его малой родине на Ржевской земле, в Костроме, Сергиевом Посаде и основанном им Туруханске.

В 2017 г., со 2 по 5 августа, состоялась совместная юбилейная XV экспедиция «Под княжеским стягом» с участием отрядов из Александрова, Калязина и Лихославля по территории Щелковского района Московской области, Киржачскому и Александровскому районам Владимирской области. Маршрут был разработан Александровским художественным музеем при участии протоиерея Михаила Герасимова, настоятеля храма в честь Собора Иоанна Предтечи во Фряновс, и был нацелен на изучение старинных дорог. Разработка маршрута обуславливалась изучением эпизода, когда на помощь Скопину-Шуйскому из Москвы царем Василием Шуйским по Старослободской дороге был направлен вспомогательный отряд под предводительством князей И.С. Куракина и Б.М. Лыкова-Оболенского.

«Таким образом, продолжаются и исследования древних путей сообщении, — пишет в этой связи В.Н. Ревякин. — Фрагменты Троицко-Переславской дороги сохранились, и мы будем принимать усилия, чтобы эти участки получили статус охраняемых территорий»[1].

Последний полевой сезон, состоявшийся летом 2018 г., ознаменовался проведением похода с участием отрядов из Александрова и Лихославля по так называемой «Тверской Карелии». Кроме того, зимой 2018 г., туристическим клубом «Ковчег» из Коломны (председатель правления Александр Васильевич Передерий) была осуществлена первая попытка лыжного перехода по маршруту: Сергиев Посад — Дмитров по маршруту аналогичного перехода отряда Давида Жеребцова зимой 1610 г.

[1] Там же.

Сведения об авторах

Аверьянов Константин Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН.

Воробьев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН.

Давыдов Владимир Александрович, сотрудник Департамента науки Московского Дворянского собрания, член секции «Потомки участников строительства Московского Кремля» в Российском Дворянском собрании.

Карташова Мария Вячеславовна, кандидат исторических наук, директор «Балахнинского музейного историко-художественного комплекса».

Леонтьев Ярослав Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научный руководитель программы «Под княжеским стягом».

Марасанова Виктория Михайловна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, член совета Ярославского регионального отделения Российского военно-исторического общества.

Морозова Людмила Евгеньевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН.

Николаева Светлана Викторовна, заместитель генерального директора Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника по научной работе.

Перхавко Валерий Борисович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН.

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального ис-

следовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Ромашов Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН.

Рыбалко Наталия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Волгоградского государственного университета.

Сизов Владимир Анатольевич, старший научный сотрудник, зав. информационным сектором Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина.

Сироткин Сергей Васильевич, ведущий научный сотрудник Российского государственного архива древних актов.

Ткаченко Владимир Александрович, заведующий научно-методическим отделом Паломнического центра Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

Тюменцев Игорь Олегович, доктор исторических наук, профессор, директор Волгоградского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Устинова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН.

Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия

ИРИ
РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО